ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 36 (4478)

4 сентября 1974 г. СРЕДА

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ, ВМЕСТЕ С НАРОДОМ!

Пленум правления Союза писателей СССР

Москва. Колонный зал Дома союзов. Здесь сорок лет назад работал Первый всесоюзный съезд советских писателей, который стал важнейшим событием в культурной жизни страны, в истории ее литературы. Вчера в этом же зале открылся пленум правления Союза писателей СССР, посвященный 40-летию Первого съезда. Все прошедшие десятилетия многонациональная советская литература, неся на своем знамени ленинские идеи партийности и народности, следуя горьковским заветам, активно боролась за претворение в жизнь великих идеалов Коммунистической партии. Накануне открытия пленума его участники возложили венки к памятникам В. И. Ленину в Кремле и А. М. Горькому у Белорусского вокзала.

3 сентября. Десять часов утра. Пленум начинает свою работу. Собравшиеся тепло встретили товарищей В. В. Гришина, К. Т. Мазурова, М. А. Суслова, П. Н. Демичева.

— Дорогие товарищи! — сказал, обращаясь к участникам пленума, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков. — На наш пленум прибыли члены правления СП СССР, члены Центральной ревизионной комиссии СП СССР, делегаты Первого всесоюзного съезда советских писателей. В работе пленума принимает участие большая группа писательского актива, представляющая все братские литературы нашей Родины.

В работе пленума участвуют представители литератур тридцати зарубежных стран. На пленум прибыли делегации писателей из братских социалистических стран — Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии.

Мы рады приветствовать на пленуме писателей из стран Азии и Африки — Алжира, Арабской Республики Египет, Пакистана, Палестины, Сирии, Турции, Южной Африки.

Здесь также присутствуют гости из Венесуэлы, Дании, Италии, Канады, Португалии, Соединенных Штатов Америки, Финляндии, Франции, ФРГ, Швеции, Швейцарии, Чили, Эквадора, а также представители ряда международных организаций — ЮНЕСКО, Ассоциации писателей стран Азии и Африки, Международной ассоциации литературных критиков.

Слово предоставляется М. Алексееву. Он вносит предложение избрать почетный президиум пленума в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым. Звучат бурные аплодисменты. Почетный президиум избирается единодушно.

Затем Г. Марков произносит вступительную речь (**печатается на стр. 2**). Слово для доклада предоставляется одному из организаторов Союза писателей СССР, Герою Социалистического Труда, секретарю правления Союза писателей СССР Н. С. Тихонову (**публикуется на стр. 2—3**).

После перерыва председательствовал Г. Абашидзе. Он сообщил, что в адрес пленума поступили приветственные телеграммы председателя правления Союза писателей СССР К. А. Федина и М. А. Шолохова, которые пожелали пленуму успеха в работе и особо приветствовали замечательных ветеранов нашей литературы — участников Первого съезда советских писателей.

На утреннем заседании выступили С. Михалков, В. Козаченко, П. Бровка, А. Сурков, К. Яшен, А. Чаковский.

Под аплодисменты зала на сцену поднимаются Герои Социалистического Труда — бригадир завода «Каучук» Александр Васильевич Пономарев, шофер Первого автобусного парка Москвы Владимир Николаевич Лютиков, бригадир комплексной бригады треста «Мосстрой-1» Владимир Андреевич Затворницкий, работница Центрального телеграфа Раиса Григорьевна Лифанова, мастер-наставник ПТУ-90 Ленинграда Борис Александрович Журавлев, овощевод совхоза имени Горького Люберецкого района Московской области Мария Ефимовна Головастикова, доярка колхоза «Ленинский луч» Красногорского района Московской области Валентина Петровна Щербатых. Б. А. Журавлев, поблагодарив советских писателей за вдохновенный творческий труд, говорит о том, что трудящиеся нашей страны ждут новых произведений, в которых будут ярко воплощены свершения советского народа — строителя коммунизма.

На вечернем заседании, проходившем под председательством В. Кожевникова, выступили С. Наровчатов, И. Касумов, А. Софронов, П. Думбадзе, П. Боцу, А. Беляускас.

Пленум приветствовали председатель правления Союза писателей Болгарии академик П. Зарев и секретарь ЦК ВЛКСМ Л. Матвеев.

Сегодня пленум продолжает работу.

Колонный зал Дома союзов. Пленум начинает работу

ВЕРНОСТЬ ГОРЬКОВСКИМ ТРАДИЦИЯМ

Участники пленума на предприятиях Москвы

ПЛЕНУМ правления Союза писателей СССР не называют юбилейным, и это не случайно. Посвященный 40-летию Первого всесоюзного съезда советских писателей, он по духу своему — рабочий, деловой. Этот настрой, этот характер пленума определился, собственно, еще в канун его открытия, когда представители многонациональной советской литературы, приехав в Москву, отправились вместе с писателями столицы на предприятия города. «Самый необходимый человек на земле» — слова А. М. Горького о рабочем человеке, творце и созидателе, рожденном новой, социалистической действительностью, звучат сегодня актуально, и потому они не раз повторялись на встречах писателей, участников пленума, с тружениками московских предприятий. В цехах, клубах шел разговор о нашем современнике — человеке труда, о воплощении его образа на страницах книг советских писателей, о насущных проблемах литературы. И это неудивительно — советский писатель постоянно ощущает связь с читателем, чувствует его взыскательное, заинтересованное отношение к своему труду.

На заводе «Динамо» группу, возглавляемую секретарем правления СП СССР В. Озеровым, приветствовал директор Герой Социалистического Труда К. Д. Петухов.

— У нас возник спор с представителями парткома завода, — сказал, обращаясь к рабочим, собравшимся в зале Дома культуры, В. Озеров,— спор из-за того, чей человек Петухов — ваш, заводской, или наш. В прошлом году Петухов интересно выступал на пленуме «Писатель и пятилетка». И мы теперь считаем его причастным к нашему литературному делу.

Завод «Динамо» — одно из пяти столичных предприятий, с которыми Московская писательская организация заключила договор о творческом содружестве. Писатели готовят сейчас сборник о лучших производственниках завода. В этот день у рабочих побывали литераторы из разных республик. Динемовцы слушали С. Голованивского, З. Нури, И. Белоусова, М. Ибрагимова, А. Чепурова, Н. Шундика, М. Львова, М. Годенко, М. Колесникова, А. Хорунжего и рассказывали о своем предприятии.

Много славных страниц вписали в историю нашей Родины московские железнодорожники. Они инициаторы Великого почина, зачинатели всенародного движения за коммунистический труд...

На встречу с работниками Московской железной дороги в канун пленума пришли писатели. С большим вниманием труженики столичной магистрали слушали выступления С. С. Смирнова, А. Филатова, Р. Братуня, Ю. Рытхэу, Г. Эмина, М. Колосова, Г. Буравкина, Ф. Халваши, П. Осадчука, А. Абу-Бакара, В. Торопыгина.

...Само название завода — «Памяти революции 1905 года» — говорит о многом, и в первую очередь о славных революционных традициях, которые свято хранят рабочие Красной Пресни. Выступая здесь на митинге, секретарь правления Московской писательской организации А. Рекемчук отметил, что писатели столицы и краснопресненцы издавна считают себя земляками в самом высоком смысле этого слова. Когда Горький выбирал место для «штаба» писательской организации, он, очевидно, не случайно остановился на районе Красной Пресни, как бы стремясь подчеркнуть тесную связь литературы с рабочими бастионами Москвы. Слова А. Рекемчука были встречены аплодисментами. Ведь сегодня воплощена в жизнь мечта великого пролетарского писателя о новой литературе, героем которой стал человек труда. В. Казин, М. Мирошкар и М. Румянцева прочли свои стихи, посвященные Ленину, партии, рабочему классу.

После окончания смены в конференц-зале завода электровакуумных приборов собрались рабочие, чтобы побеседовать с приехавшими к ним С. Наровчатовым, Л. Славиным, Я. Шведовым, Е. Лось, Р. Ахматовой, Г. Ахуновым, Ю. Марцинкявичюсом, О. Шестинским, М. Поцхишвили, В. Земным, Н. Мординовым.

— Еще в годы первой пятилетки на этом заводе трудился мой учитель, поэт И. Сельвинский, — сказал, открывая встречу, первый секретарь правления Московской писательской организации С. Наровчатов. — В состав бригады, которую мне как секретарю комитета комсомола Литинститута довелось организовать незадолго до войны, входили Б. Слуцкий, ставший потом первым руководителем заводского литобъединения, М. Кульчицкий и другие поэты. Эти традиции содружества продолжаются и сегодня.

Вот уже три года действует договор о взаимном творческом содружестве, заключенный между Автомобильным заводом имени Ленинского комсомола и журналом «Москва». Писательская бригада — А. Барто, Б. Жгенти, А. Кешоков, В. Тельпугов, Д. Икрами, А. Мухтар, Г. Сулейманова, Т. Канпбергенов, С. Григорян — побывала в новом сборочном цехе, а потом в переполненном заводском клубе состоялся митинг.

— Сегодня мы опять приобщились к вашей жизни, — отметил секретарь правления СП СССР А. Кешоков, — чтобы завтра воплотить свои впечатления в стихи и прозу, которые бы радовали вас, наших вдохновителей...

В своем Дворце культуры столичные метростроевцы принимали М. Танка, И. Мележа, Д. Кугультинова, А. Атаджанова, И. Нонешвили, О. Дмитриева, Б. Ласкина, Е. Храмова, П. Шабатина, С. Бабаевского.

— Наша встреча не является началом дружбы, — сказал Е. Долматовский. — Ее начало уходит корнями в те давние годы, когда закладывались первые шахты столичного метро. Каждый из нас пишет для вас, советских читателей, наша работа является неотъемлемой частью ваших дел. Мы все — участники великого дела построения коммунистического общества.

В этот же день участники пленума побывали на комбинате «Трехгорная мануфактура» — А. Караваева, М. Прилежаева, А. Гречаников, Набби Хазри; на заводе «Серп и молот», где выступили С. Сартаков, А. Жаров, В. Жуков, Р. Файзи, А. Шогенцуков, Г. Бровман, Я. Шведов, Ф. Мухаммадиев, К. Курбаннепесов, С. Каляев, М. Маркарян, И. Юсупов, Аджие Джиди, Дж. Аймурзаев, 2-й часовой завод посетила писательская бригада — А. Дарбин, А. Тимонен, П. Хаавлокс, Б. Штейн, А. Малдонис. Беседа литераторов с рабочими завода продолжилась в Колонном зале Дома союзов, где к собравшимся обратились М. Карим, Л. Ошанин, Ю. Збанацкий, К. Кулиев, С. Орлов, Р. Бабаджан, А. Тимонен, А. Малдонис, А. Дарбин.

Встречи участников пленума с трудящимися еще раз подтвердили правоту горьковских слов: «Такого плотного, непосредственного единения читателя с писателем никогда нигде не было...».

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ

Николай Тихонов и Леонид Леонов

СОФИЯ СОЮЗ БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие болгарские друзья и братья по перу! От всего сердца приветствуем вас и поздравляем в светлый праздничный день 30-летия социалистической революции в Болгарии. С радостью отмечаем блестящие успехи, достигнутые болгарской литературой за истекшие тридцать лет, ее значительный вклад в развитие литератур социалистического содружества. Верная Коммунистической партии и родному народу, болгарская литература ярко и талантливо воссоздает кипучую жизнь социалистической Болгарии. Ее лучшие произведения находят широкий отклик в нашей стране и во многих других странах мира.

Мы уверены, что сегодняшний рассвет болгарской литературы послужит залогом ее будущих, еще более высоких достижений. Желаем вам новых творческих побед во имя торжества нашего общего дела — строительства коммунизма, во имя укрепления нашей вечной нерасторжимой дружбы.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПРАВЛЕНИЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ВЬЕТНАМА

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляем с большим праздником — 29-й годовщиной образования Демократической Республики Вьетнам.

За прошедшие годы, с беспримерным мужеством и героизмом отстояв свободу и независимость, народ Вьетнама достиг значительных успехов в социальном, экономическом и культурном развитии своей родины. Демократическая Республика Вьетнам вступает в тридцатый год своего существования. В стране ширится мирное строительство. Растет трудовой подъем и энтузиазм народа, успешно залечивающего раны войны, борющегося за выполнение решений XXII пленума ЦК Партии трудящихся Вьетнама, наметившего программу восстановления и развития народного хозяйства.

В этой борьбе за строительство мирного, независимого, единого и процветающего государства в первых рядах идете вы, наши дорогие друзья и коллеги, вьетнамские писатели и поэты. Вы подарили своему народу за эти годы немало талантливых произведений и продолжаете отдавать весь свой талант на благо общего дела. Высоко оценивая ваши заслуги в деле развития родной литературы, советские писатели шлют вам искренние пожелания дальнейших больших успехов в создании новых талантливых произведений.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОЗДАДИМ ЛЕТОПИСЬ ВСЕНАРОДНОЙ СТРОЙКИ

Открытое письмо строителей Байкало-Амурской магистрали

В канун пленума, посвященного 40-летию Первого всесоюзного съезда советских писателей, строители Байкало-Амурской магистрали обратились с открытым письмом к его участникам.

«С берегов Лены и Амура, из таежных глубин Восточной Сибири, Забайкалья, Приамурья, Дальнего Востока, со всех концов великой стройки мы обращаем к вам, советским писателям, наше рабочее слово, — пишут в письме В. Хозяинов, секретарь комитета ВЛКСМ управления «БАМстройпуть», В. Сандалов, начальник комсомольского штаба стройки БАМ — Тында, В. Мучицын, комиссар ударного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, бригадиры и рабочие комсомольско-молодежных бригад. — Мы знаем, что советские литераторы, воодушевленные благородным призывом Максима Горького на Первом всесоюзном съезде писателей, оставили нам прекрасные книги о стройках пятилеток — Днепрогэсе и Магнитке, о Сталинградском тракторном и Турксибе... В послевоенную летопись нашего индустриального развития вошли повести, романы, рассказы и пьесы, поэмы и книги стихов о героических тюменских нефтяниках, гидростроителях Волги, Иртыша, Енисея, Ангары, о тысячах героев пятилеток».

Строители Байкало-Амурской магистрали приглашают писателей приехать на стройку, создать ее летопись, используя все жанры литературы.

«Вы будете не просто гостями, а добрыми товарищами, соучастниками нашего общего дела, — пишут они,— ибо вся история советской литературы давно уже приравняла к труду рабочего перо писателя. И пусть ваше слово послужит на благо большому народному делу, стройке века — Байкало-Амурской магистрали! Чтобы каждый из нас — рабочий или писатель, студент или инженер — мог сказать словами Горького: «Мы включены в огромное дело, дело мирового значения, и должны быть достойны лично принять участие в нем».

Дорогие товарищи! Дорогие друзья! Наши уважаемые гости из зарубежных стран!

Сорок лет тому назад, с 17 августа по 1 сентября 1934 года, в этом прекрасном зале проходил Первый всесоюзный съезд советских писателей. Со всех краев нашей необъятной страны на съезд прибыли представители древнейших и молодых литератур, существовавших до Октябрьской революции и возникших после нее. Известные всему миру мастера слова, начавшие свой творческий путь в дореволюционные годы, пламенные певцы великой революции, выдвинувшиеся из народных глубин, и, наконец, начинающие авторы, заявившие о себе первыми книгами, собрались здесь, чтобы коллективно обсудить, какой должна быть литература эпохи строительства социализма, какое место в борьбе народа за торжество ленинских идей должен занять писатель, что из прошлого необходимо взять с собой в великий поход в будущее, как полнее использовать возможности, которые предоставляет литераторам метод социалистического реализма для глубокого и правдивого отображения действительности в ее революционном развитии.

Наш Первый писательский съезд оказал огромное влияние на судьбы родной литературы, и мы по праву относим его к событиям исторического значения.

Пройдя вместе с народом его славный путь борьбы и побед, с честью выдержав проверку временем, советская литература показала, что только социалистический строй способен создать и действительно создает все условия для подлинного расцвета культуры. Доказано и другое — объединение писателей в рамках единого творческого союза ощутимо содействует формированию писателя нового типа, росту воздействия литературы на массы читателей, упрочению ее общественного авторитета.

Сегодня, сквозь прошедшие десятилетия, мысленно возвращаясь к тем далеким от нас дням, мы ярко представляем, какая содержательная и умная работа кипела в этом зале, какой высокий и благородный пафос общественной активности владел сердцами делегатов съезда.

Вдохновителем этой изумительной коллективной работы, во главе которой стоял основоположник литературы социалистического реализма Алексей Максимович Горький, была Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет, последовательно осуществлявшие ленинскую политику культурной революции, в ходе которой литературе отводилось первостепенное место.

«Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела...» — писал Владимир Ильич Ленин еще в 1905 году.

Решение литературно-художественных вопросов в Стране Советов было поднято на уровень государственных задач. Партия и правительство, следуя ленинским заветам и поставив литературное дело на твердый фундамент социализма, сделали все, чтобы литература вошла в советский уклад жизни как составная и неотъемлемая часть всего общественного бытия.

На долю советской литературы и ее общественной организации — Союза писателей СССР — выпало счастье работать, опираясь на ленинское учение о социалистической культуре.

Союз писателей СССР с самого начала создавался как творческое единство литератур всех народов и народностей нашей многонациональной страны, ибо дружба народов и братское сотрудничество, социалистический интернационализм — основа советского строя, важнейшая черта советского образа жизни.

После Первого съезда число литератур в нашей стране почти удвоилось, и теперь советская литература пишется на семидесяти шести языках. Вдумаемся, сколь впечатляющи эти цифры!

Но самое главное состоит в том, что это не простое арифметическое сложение языков, а прежде всего идейно-политическое единство литератур, вырастающих на почве передовых национальных традиций, органически стремящихся к взаимообогащению и овладевающих социалистической духовной общностью.

С гордостью мы отмечаем, что творческое соревнование талантов за все эти минувшие годы позволило выдвинуться десяткам и десяткам видных писателей. Среди них — немало представителей народов, не имевших до революции своей письменности и прошедших в кратчайшие исторические сроки дистанцию целых эпох.

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ

Валентин Катаев и Георгий Марков

Юрий Смолич и Микола Бажан

Кайсын Кулиев и Ив Гандон (ФРАНЦИЯ)

Георгий МАРКОВ

УБЕЖДЕННЫЕ БОРЦЫ ЗА ДЕЛО КОММУНИЗМА

Создание в нашей стране многонационального по своему составу творческого союза явилось естественным результатом последовательного осуществления ленинской национальной политики. Союз наш отвечает интересам каждой национальной литературы в отдельности и задачам, которые стоят перед всеми советскими писателями.

Сегодня наши первые слова обращены к ленинской партии и ее Центральному Комитету. На всех этапах развития советской литературы партия идейно вооружала писателей, помогала нам в решении сложных, ответственных задач, выдвигаемых жизнью.

XXIV съезд КПСС принял важнейшие решения, которые еще выше поднимают значение советской литературы в общенародной борьбе за коммунизм, а перед Союзом писателей ставят задачу дальнейшего упрочения связей с обществом, с жизнью, повышения и укрепления своего влияния на весь литературно-художественный процесс.

С большим воодушевлением наша литературная общественность встретила постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». В нем дан глубокий и всесторонний анализ состояния дел на этом участке идеологического фронта и вместе с тем развернута обширная программа действий. Можно с уверенностью сказать, что за два с половиной года, прошедших со дня опубликования постановления, заметно возросла общественная роль критики и сделаны важные шаги для выполнения всего комплекса задач, поставленных перед литературной общественностью.

Советские писатели — убежденные борцы за дело партии, за идеи коммунизма. Они с честью выполнили свой патриотический долг на фронтах Великой Отечественной войны и собственной кровью, как бойцы Советской Армии, доказали, что для писателей нет ничего выше интересов Родины, интересов партии и народа. В решительных схватках с буржуазной идеологией, с ревизионистами и разного рода отступниками от марксизма-ленинизма, антикоммунистами и антисоветчиками наши писатели выступают как умелые и опытные борцы, нанося точные, меткие удары по классовому врагу.

За плодотворную деятельность по коммунистическому воспитанию трудящихся, за заслуги перед Родиной в период борьбы с немецким фашизмом Союз писателей удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина. Орденом Ленина награждена «Литературная газета». Многие другие печатные органы Союза писателей также удостоены высоких правительственных наград.

Высокое доверие партии, высокую оценку литературы, которая дана в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, писатели постараются оправдать работой, созданием новых произведений о нашем героическом современнике — строителе коммунизма, об исторических свершениях партии и народа в борьбе за торжество коммунизма, за осуществление внешнеполитического курса КПСС на разрядку международной напряженности.

Для нас нет выше чести, чем беззаветное служение тем целям, которые поставлены перед нами Коммунистической партией и ее ленинским ЦК. Как бы ни пытались зарубежные злопыхатели оторвать нашу литературу от партии и народа, им это не удалось и никогда не удастся!

Дальнейшее укрепление связей литературы с народом, более глубокое проникновение во внутренний мир тружеников города и села, правдивое отражение современной жизни рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции — всего советского народа, ставшего новой исторической общностью, — вот предмет наших первостепенных забот. Этой цели подчинены такие начинания, как поездки на крупнейшие стройки, творческие встречи с читателями на предприятиях, создание постоянных постов наших печатных органов на важнейших объектах пятилетки, проведение литературных конкурсов и т. д. Эти формы работы вполне оправдали себя. Мы будем развивать их и впредь, совершенствовать, находить новые способы связи с коллективами трудящихся, новые способы познания самых разнообразных явлений современности.

Все звенья Союза писателей СССР будут усиливать борьбу за повышение идейно-художественного уровня литературы, за высокий профессионализм в работе всех мастеров слова. Мы не можем, не имеем права писать неряшливо, незрело в художественном отношении, без внутренней одухотворенности и идейной страстности. К советской литературе прикованы взгляды миллионов и миллионов читателей на Родине и за рубежом. К нашему опыту постоянно обращаются писатели социалистических стран, прогрессивные писатели мира, ибо советская литература — неиссякаемый источник гуманизма, исторического оптимизма. Верим: советская литература и далее с каждым годом будет все больше и больше влиять на развитие мирового литературного процесса.

Сорок лет тому назад в своем заключительном слове на Первом всесоюзном съезде А. М. Горький приветствовал «победу большевизма на съезде писателей». В этом, именно в этом, он видел главный итог плодотворной работы писательского съезда. Сегодня, отмечая знаменательную дату в жизни Союза писателей, мы с удовлетворением отмечаем, что эта победа — полная, окончательная, что мы и впредь будем непоколебимо идти под знаменем Коммунистической партии!

Дорогие товарищи!

Мы горячо приветствуем наших ветеранов, делегатов Первого съезда писателей!

Мы горячо приветствуем уважаемых зарубежных гостей, представляющих здесь союзы писателей братских социалистических стран и прогрессивных писателей капиталистических и развивающихся стран!

Мы горячо приветствуем представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, Советской Армии, молодежи, принявших наше приглашение — участвовать в работе пленума!

Да здравствует наша многонациональная советская литература — верный и испытанный помощник партии и народа!

Да здравствует наша социалистическая Родина, наш могучий советский народ — оплот счастья и дружбы всех народов планеты!

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза и ее ленинский Центральный Комитет!

(Продолжительные аплодисменты).

Николай ТИХОНОВ

СЛАВНЫЙ ПУТЬ

Дорогие товарищи!

Сегодня у нас необычный пленум. Наш ордена Ленина Союз писателей СССР отмечает сорок лет со дня своего образования, отмечает сорокалетие Первого всесоюзного съезда советских писателей.

Разрешите мне как непосредственному работнику оргкомиссии съезда от лица старых деятелей оргкомиссии горячо приветствовать всех находящихся здесь участников Первого всесоюзного съезда писателей — ветеранов литературного труда, продолжающих и ныне свою благородную работу.

Разрешите также сердечно приветствовать всех участников нашего пленума, всех писателей, продолжающих великое дело, начатое на Первом съезде, дело беззаветного служения высоким идеалам народности и партийности нашей советской литературы.

Дорогие товарищи!

Советская литература рождалась вместе с победой Великого Октября. Она начала свою необыкновенную жизнь в первые же дни становления Советской власти.

Советская литература сразу заявила себя как многонациональная литература, соединяющая воедино разноязычных поэтов и писателей под знаменем Ленина.

Оказалось, что у всех народов нашей Родины есть свое революционное наследие, есть свои исторические деятели, которые своей жизнью и творчеством готовили себя и своих последователей ко дню всенародного восстания.

Стоит вспомнить, что если Демьян Бедный, старый борец против царизма, пишет в ноябре 1917 года героико-сатирическую эпопею «Про землю, про волю, про рабочую долю», которая посвящается совершившемуся событию, если Владимир Маяковский в «Оде революции» славит величие наступившей народной победы, то уже в далеком Узбекистане смелый проповедник Октября на Востоке Хамза создает пьесу «Бай и батрак», показывая на примере азиатского быта революционный смысл происходящего, а грузинский поэт Галактион Табидзе в ночь на 25 октября 1917 года пишет стихотворение «Петроград», проникнутое пафосом свершающейся революции. Социалистический реализм наследовал и развивал великие традиции передовой русской литературы, снискавшей мировое признание своим высоким гуманизмом и верностью идеалам справедливости трудового народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала к жизни новые творческие силы у народов, не имевших до Октября даже своей письменности.

К тридцатым годам советская литература уже имела большие достижения, выдающихся революционных писателей и поэтов, произведения которых получили признание в нашей стране и за рубежами Советского Союза.

Огромное разнообразие жанров появилось в литературе: были созданы удивительно проникновенные книги о социалистическом строительстве, о коллективизации деревни, возник превосходный исторический роман, боевой и проблемный очерк. Поэзия представляла все новые образцы поэм и лирических стихов. Это была поэзия ищущая, смелая, берущая большие темы.

Писатели отправились туда, где шла напряженная борьба за выполнение планов первой пятилетки, они поехали на стройки социалистической индустрии, на север и на юг, на запад и на Дальний Восток. Поэты, прозаики и драматурги всех народов стали непосредственными участниками социалистического строительства.

Но вместе с тем писательские силы были разрознены, ощущался внутренний хаос, шла групповая борьба различных литературных объединений.

Литературные организации, такие, как Федерация объединений советских писателей, и особенно РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей,— сыгравшие в свое время положительную роль, к тому моменту изжили себя. Они тонули в своих внутренних мелких интересах, в борьбе групп и самолюбий и представляли препятствие на пути к широкому восприятию тех жизненных процессов, которыми жила вся страна.

Своим решением от 23 апреля 1932 года Центральный Комитет партии постановил ликвидировать РАПП и всевозможные литературные группы и объединить всех писателей, стоящих на платформе Советской власти, в единый Союз советских писателей.

Это историческое постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» было встречено писателями с большим удовлетворением. Подготовкой Первого съезда советских писателей начал заниматься Оргкомитет, созданный на основе постановления ЦК партии. Его председателем был Максим Горький. К съезду стали готовиться особо внимательно и серьезно.

Начался период поездок писателей по всем республикам, тщательное ознакомление с литературой братских народов, проведены были совещания по жанрам, готовились доклады, происходили многочисленные дружеские встречи. Писательское море всколыхнулось. Все чувствовали приближение новых отрадных времен, проникались чувством новой ответственности за судьбу родной литературы.

Вся страна следила за этим необыкновенным съездом, который имел своей целью образование единого Союза писателей СССР. В Москве съезд был главным событием, о котором говорили все, и интерес к литературе и писателям возрос неимоверно. В дни съезда у входа в Колонный зал всегда стояли толпы народа, сердечно встречавшего участников съезда.

Со всех концов Советского Союза собрались делегаты. Всего их было пятьсот девяносто семь человек.

Огромная роль Коммунистической партии — направляющей силы нашего общества — со всей наглядной осязаемостью проявилась как накануне съезда, в период подготовки к его проведению, так и в дни его плодотворной работы.

Партия помогла творческой интеллигенции правильно определить идейные и творческие ориентиры, с большевистской принципиальностью, новаторски решать проблемы, которые встали перед литературой многонациональной страны.

Максим Горький обратился к присутствовавшим с такими словами: «Прежде, чем открыть первый за всю многовековую историю литературы съезд литераторов советских социалистических республик, я — по праву председателя Оргкомитета Союза писателей — разрешаю себе сказать несколько слов о смысле и значении нашего съезда. Значение это — в том, что прежде распыленная литература всех наших народностей выступает как единое целое... перед лицом дружественных нам революционных литераторов».

Он же указал в своем докладе, что «высота требований, которые предъявляются к художественной литературе быстро обновляемой действительностью и культурно-революционной работой партии Ленина, — высота этих требований объясняется высотою оценки значения, которое придается партией искусству живописи словом. Не было и нет в мире государства, в котором наука и литература пользовались бы такой товарищеской помощью, такими заботами о повышении профессиональной квалификации работников искусства и науки».

Всеохватный по огромному историческому материалу доклад Горького был наполнен глубокими философскими размышлениями о судьбах мировой культуры, об ответственности советского художника перед своей страной и человечеством. Затем съезд заслушал содоклад о детской литературе, которой Горький придавал первостепенное значение, содоклады о литературе Украины, Белоруссии, Татарии, Грузии, Таджикистана, Армении, Узбекистана, Туркмении, Азербайджана.

Были обсуждены вопросы развития советской драматургии, советской поэзии, работы с молодыми писателями.

Делегаты съезда представляли пятьдесят четыре национальности, средний возраст их был около тридцати шести лет. Это понятно — сама Страна Советов и ее литература не имели еще к тому времени двух десятков лет от роду.

День за днем сменялись ораторы на трибуне съезда, и все соглашались, что «Союз писателей создается не для того, чтоб только физически объединить художников слова, но чтобы профессиональное объединение позволило им понять свою коллективную силу, определить с возможной ясностью разнообразие направлений ее творчества, ее целевые установки и гармонически соединить все цели в том единстве, которое руководит всею трудотворческой энергией страны».

«Речь идет, — понимали все, — конечно не о том, чтоб ограничить индивидуальное творчество, но чтобы предоставить для него широчайшие возможности дальнейшего мощного развития».

«Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество...» — это положение подтвердили и многие исходившие из этого «творческого бытия» признания писателей, сделанные в их выступлениях.

Писатели, укрепясь в своей творческой силе, смело говорили о будущем. «Этот век, может быть, самый емкий исторический период из всех, через которые проходило человечество. На наших глазах будут образовываться все новые советские республики, в грозе и буре будет просыпаться самосознание колониальных стран, будут создаваться все более совершенные формы человеческого общежития... На повестке дня будут стоять уже не только вопросы, трактующие рождение нового человека, но и вопросы могущественной борьбы со стихиями, все большего расширения деятельности человека в космосе» (Леонов).

«Нам нужно предвидение будущего, — говорил другой писатель, — нам нужно научиться писать завтра не только на себя, а вместе с теми товарищами, которые приехали к нам с Запада, писать для всего мира — во имя нового гуманизма, против нового средневековья» (Шкловский).

Другой писатель утверждал, что «советский писатель должен быть разносторонне, энциклопедически образованным человеком. ...Мы должны быть в курсе всех дел и открытий нашей молодой советской науки, которая целиком посвятила себя работе для процветания и силы своей великой родины...» (Караваева).

Широко распространились на съезде поддержанные Горьким крылатые слова Леонида Соболева о том, что «партия и правительство дали советскому писателю решительно все. Они отняли у него только одно — право плохо писать».

«Большие вопросы действительности стали тематической задачей нашей художественной прозы», — провозглашал К. Федин. «Писатели Советского Союза заявили с этой трибуны о своем единстве. Это единство в области литературы выразилось в идейной общности содержания искусства. Найдена широкая тема, общая для всех социалистических литератур: тема современности, тема нашей действительности».

Писатели высказывались и за большевистскую тенденцию в литературе, за создание новых характеров, невиданных в истории.

Особое место на съезде занял разговор о русской литературе. Писатели национальных республик и автономных областей говорили о том, что «наша русская советская литература так же близка и родна чувашам, татарам, украинцам, словом — всем трудящимся и всех национальностей, как и своя литература, и наоборот — лучшие достижения национальных отрядов литературы обогащают всю советскую литературу в целом».

И тут возникал разговор о переводах, которые должны сделать лучшие произведения на любом языке достоянием всех народов Советского Союза, о том, что необходимо сделать для того, чтобы переводческое дело росло и крепло. Надо ли говорить, какой огромный размах приобрело оно сегодня и какое значение имеет для взаимопонимания и сплочения наших литератур!

Поэтическая дискуссия приняла горячий характер, разговор был критическим и острым. С большим воодушевлением восприняли участники съезда, я сказал бы, пророческие слова боевого запевалы — Алексея Суркова, сказавшего: «Давайте не будем размагничивать молодое красногвардейское сердце нашей хорошей молодежи интимно-лирической водой. Давайте не будем стесняться, несмотря на возмущенное бормотанье снобов, простой и энергичной поступи походной песни, песни веселой и пафосной, мужественной и строгой».

И он закончил почти как читающий будущее поэт, добавив: «Давайте не будем забывать, что не за горами то время, когда стихи со страниц толстых журналов должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек. Будем держать лирический порох сухим!»

Прошло только семь лет, и стихи действительно переместились на страницы фронтовых газет и дивизионных многотиражек. Но и тогда, в дни съезда, уже было предощущение этих грозовых лет. И поэтому поэты не били в победные литавры. Так, Тициан Табидзе в своей речи отметил: «Конечно, мы знаем, что поэзия — не парадный марш победы, но, говоря совершенно честно и искренно, в такое прекрасное время даже личное горе и несчастье переживаются как-то по-другому. Вот это я называю поэзией радости нового человека. Вот тут требуется найти мужественный и честный ритм эпохи».

Поэты глубоко чувствовали, что наша поэзия родилась в классовой борьбе и сильна идейным и политическим единством поэтов всех народов и что это, как сказал певец Киргизии Токомбаев, стало возможно только при диктатуре пролетариата и под руководством великой нашей партии.

Сердечный и горячий поэт Армении Егише Чаренц выразил нечто очень важное для всех литераторов многоязычной семьи братских литератур. Он сказал: «Я тоже как армянский писатель принадлежу к «малой» народности и знаю, что если я свою творческую деятельность психологически ограничу рамками национальной замкнутости, сколь будет жалок ее диапазон и сфера ее влияния. Я счастлив и чувствую себя частью наипередового потока человечества благодаря тому, что Октябрьская революция изъяла из духовного поля моего зрения эту жалкую химеру национальных самоограниченностей».

И встречаясь с нами, русскими поэтами и писателями, каждый день беседуя, писатели всех народов и племен делились своей радостью присутствовать на таком съезде, который объединял всех, и каждый испытывал большое волнение от этих дружеских встреч и бесед. О судьбах родной литературы говорили и такие поэты, как Микола Бажан, Максим Рыльский, Тициан Табидзе, Янка Купала, Павло Тычина, Якуб Колас, Миршакар, Самед Вургун, Гафур Гулям, и такие прозаики, как Садриддин Айни, Ширванзаде, Петро Панч, Бакуц, драматурги Корнейчук, Шашишвили, Крапива.

На съезде, в президиуме сидел дагестанский аксуг Сулейман Стальский. Старый горец познакомился с Максимом Горьким в дни съезда. Горький сказал с уважением: «Я рад познакомиться с Вами!» На это Сулейман ответил с большим достоинством: «Я тоже рад увидеть Вас и поговорить с Вами. Мы оба старики, у нас есть что сказать друг другу». Они хорошо поговорили, и Горький назвал его Гомером XX века.

Обсуждались вопросы драматургии. Алексей Толстой сделал общую характеристику положения: «Советский зритель желает видеть на сцене своего представителя: это прежде всего великий оптимист, новый герой народной сказки, сказки, осуществленной в жизни. Оптимизм — вот под каким знаком вырастает наша драматургия».

Николай Погодин в своем содокладе ярко охарактеризовал широкое развитие в стране театров, интерес трудящихся к спектаклям. «У нас не стоит вопрос, — говорил Погодин, — как получить зрителя, а как обслужить. Театр вошел в круг первоочередных потребностей рабочего. Иные наши пьесы в провинции имеют юбилей сотых спектаклей. А Чехов уведомлял, что его «Чайка» прошла два раза в Харькове!»

Многокрасочно и широко предстала многонациональная советская литература на этом съезде. Она жила ощущением огромного переустройства мира, начала социалистического соревнования второй пятилетки, индустриализации, периода сплошной коллективизации, ударных строек, ударных рабочих бригад, выполнения по основным показателям плана ГОЭЛРО. Это было время Днепростроя, Магнитостроя, первых домен Кузнецка, Беломорканала, Турксиба, Комсомольска-на-Амуре.

День за днем длился этот многоголосый рассказ. Писатели говорили о достижениях своих литератур, останавливались на борьбе со всем темным наследием прошлого, говорили о врагах и недоброжелателях советского строя, вступали в дискуссии о значении новых творческих поисков, о работе писателей и о многом другом.

Вместе со всеми писателями братских народов выступили и многие русские

Павел Боци, Чимид (МОНГОЛИЯ) и Алекс Ла Гума (ЮАР)

ВСТРЕЧИ С ТРУДЯЩИМИСЯ МОСКВЫ

Мария Прилежаева и Анна Караваева в печатном цехе «Трехгорки»

Альфонсас Мацонис, Аршавир Дарбин и Антти Тимонен на 2-м Московском часовом заводе

Рахмат Файзи и вальцовщик листопрокатного цеха завода «Серп и молот» В. Д. Поляков

Фото **В. НРОХИНА** и **А. ХРУПОВА**

БОРЬБЫ И ПОБЕД

писатели и поэты, чьи произведения запечатлели грандиозный размах социалистического строительства. Это были книги М. Горького, Шолохова, Алексея Толстого, Фадеева, Федина, Леонова, Соболева, Всеволода Иванова, Всеволода Вишневского, Серафимовича, Гладкова, Сейфуллиной, Эренбурга, Катаева, книги поэтов — Демьяна Бедного и Н. Асеева, А. Суркова и Вл. Луговского, В. Инбер и А. Безыменского, И. Сельвинского и С. Кирсанова, А. Прокофьева и А. Жарова и других.

Съезд проходил как бы на глазах всех советских людей, и внимание к нему было огромным. Бесчисленные делегации являлись приветствовать писателей.

Приходили рабочие московских заводов, послы далекой саамской народности с Кольского полуострова, пионеры «Базы курносых» из Восточной Сибири, школьники, представители Московского гарнизона, художники, делегации колхозного крестьянства. Приходили старые большевики, работники и работницы Метростроя, железнодорожники, артисты, композиторы, бывшие красногвардейцы и партизаны. Приходили многие.

Это общение с читателями, приветствовавшими своих любимых писателей, как бы утверждало вечный союз читателя — друга книги — с ее создателями. Запомнился и такой эпизод, о котором рассказал Отто Юльевич Шмидт.

Вся страна, весь мир переживали эпопею полярников-челюскинцев, выдержавших схватку со стихией. Они дрейфовали в своем ледяном лагере в безбрежных просторах Арктики. Их спасли наши летчики, ставшие первыми Героями Советского Союза. На льдине в лагере оказалось всего четыре книги. Среди них — том стихов Пушкина и «Тихий Дон» Шолохова. Книги читались вслух коллективно. Во тьме полярной ночи звучали пламенные стихи Пушкина, читались и перечитывались главы романа Шолохова — литература делала свое извечное дело, возвеличивая и воодушевляя человека!

Для всех была ясна правда слов Горького, сказавшего в своем докладе о том, что советская литература при широком разнообразии ее талантов и непрерывно растущем количестве новых, даровитых писателей должна быть организована как единое коллективное целое, как мощное орудие социалистической культуры.

Международное значение съезда было подчеркнуто присутствием на нем литераторов многих зарубежных стран. Голоса таких писателей, как Мартин Андерсен Нексе, Жан-Ришар Блок, Рафаэль Альберти, Луи Арагон, Иоганнес Бехер, Вилли Бредель, Антал Гидаш, Бела Иллеш, и многих других звучали дружески, и вместе с тем иные уже были проникнуты тревогой, потому что в Германии свирепствовал фашизм, на площадях фашисты жгли книги прогрессивных писателей, убивали свободомыслящих. Чувствовалось приближение мировой катастрофы. Недаром от лица съезда было послано М. Горьким приветствие Ромену Роллану, в котором говорилось: «Первый в мировой истории съезд писателей освобожденной части человечества — СССР, собрав представителей 54 наций, возвышает свой голос в защиту свободы, культуры и мира, против преступных подготовителей войны... передайте на Западе наш привет всем писателям, всем работникам искусства, культуры и просвещения, встающим в общий антифашистский фронт. Ромен Роллан! Мы верим, мы знаем, что мы победим».

И на съезде громко прозвучал призыв: «Свободу Тельману! Свободу Тельману!»

Приближались грозные годы. Тень новой разрушительной войны уже нависала над миром. И недаром Максим Горький так взволнованно приветствовал Красную Армию в день ее пятнадцатилетия: «Горячий сердечный привет бойцам первой в истории человечества социалистической армии, которая будет бороться только за действительную справедливость, необходимую всему миру трудящихся».

В своем заключительном слове, закрывая заседания съезда, Максим Горький сказал об обязанностях и ответственности художника: «Мы включены в огромное дело, дело мирового значения, и должны быть лично достойны принять участие в нем. Мы вступаем в эпоху, полную величайшего трагизма, и мы должны готовиться, учиться преображать этот трагизм в тех совершенных формах, как умели изображать его древние трагики. Нам нельзя ни на минуту забывать, что о нас думает, слушая нас, весь мир трудового народа, что мы работаем пред читателем и зрителем, какого еще не было за всю историю человечества».

Съезд заканчивался. Максим Горький, закрывая его, выразил от имени съезда искреннюю благодарность правительству за широкую помощь в его работе. Он сказал, что «успехи внутреннего, идеологического объединения литераторов... являются результатом постановления ЦК партии от 23 апреля... коим осуждены группировки литераторов по мотивам, не имеющим ничего общего с великими задачами нашей советской литературы в ее целом, но отнюдь не отрицающего объединений по техническим вопросам разнообразной творческой работы».

На заключительном заседании было избрано правление Союза советских писателей в составе 101 человека. На первом пленуме Союза советских писателей СССР председателем был единогласно избран Алексей Максимович Горький. Первым секретарем — Александр Сергеевич Щербаков.

Так начал свою большую неповторимую жизнь Союз писателей СССР!

С того дня прошло сорок лет. Позади остался долгий исторический путь испытаний, борьбы и великих побед. Без этого совместно с народом и партией пройденного пути советская литература не была бы такой, какой она предстает сейчас всему миру, — явление удивительное, могучее, неохватное. Можно ли по книгам советских писателей увидеть путь развития Советского государства и рост советского человека, его труды, его мечты и надежды? Можно! Многонациональная, поднявшаяся на духовные высоты века, обладающая множеством талантов, советская литература проникновенно запечатлела яркие образы революционеров-побе д и т е лей, созидателей нового мира, она духовно вооружает людей — воинов и тружеников. Выдающиеся советские писатели создали превосходные произведения буквально во всех жанрах, показав, что революция действительно раскрепостила творческие силы народа, подняла его к созданию новых, справедливых форм жизни.

Советский человек прошел горнило жесточайшей войны, пережил всевозможные испытания, проявил величайший героизм и показал миру величайший триумф, достигнув всемирно-исторической победы.

Он под руководством Коммунистической партии и Советского правительства разгромил таких могущественных врагов человечества, как гитлеровская армия и армия японских империалистов. Советский Союз выдержал основную тяжесть войны, советский народ перед всем миром показал себя народом-победителем, народом-освободителем, героическим народом, по праву вставшим во главе прогрессивной жизни мира.

Советская литература вкладывала всю свою душу, все свое искусство и вдохновение в дело победы, показывая жизнеутверждающую силу и неукротимую энергию, неистовую любовь к человеку, непобедимость нового уклада жизни, что вошел в плоть и кровь человека социалистического общества. Среди множества замечательных произведений того времени я хочу назвать лишь два характерных имени, которые отмечают этот удивительный период нашей истории. Это эпическая поэма Александра Твардовского «Василий Теркин». И это ставшие всенародными сердечные песни Михаила Исаковского.

Все жанры служили свою службу на фронте и в тылу, и их достижения остались в народной памяти навсегда. О войне созданы и сейчас замечательные произведения.

Об этом сказал в своем выступлении на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа города Москвы 14 июня 1974 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев: «Говоря о художественном творчестве, нельзя не отметить, что за последние годы во многих произведениях советской литературы, в кино и театре был глубоко, правдиво, волнующе показан бессмертный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Партия высоко ценит такие произведения. Для новых и новых поколений советских людей героизм народа, спасшего мировую цивилизацию, всегда будет патриотическим примером, примером мужества и благородства».

Тут же он продолжал: «Советские зрители, читатели, слушатели становятся все более требовательными. Страна ждет от писателей и всех работников советского искусства новых высокохудожественных, капитальных по содержанию произведений о наших современниках».

В речи товарища Брежнева не только с большой глубиной были раскрыты многие стороны жизни и труда советского народа, но и поставлены важнейшие вопросы и проблемы развития социалистического общества, задачи науки, техники и культуры в современную эпоху советского общества.

Еще в 1918 году Владимир Ильич Ленин говорил, что «у нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 36, стр. 80).

Прошло сорок лет со времени нашего Первого съезда, и ныне мы являемся свидетелями той научно-технической революции, которая невиданными темпами развивается в нашей стране, обладающей более чем половиной мировых запасов ископаемого топлива, почти половиной разведанных железных руд, цветными металлами, гидроэнергией, атомными электростанциями, лайнерами со сверхзвуковой скоростью. Огромные достижения нашей науки общеизвестны.

Если ко времени Первого съезда у нас было около пятисот тысяч студентов, около ста тысяч научных работников, то сегодня, в результате победы культурной революции, наша страна имеет четыре с половиной миллиона студентов, миллион научных работников, которые работают в бесчисленных областях науки и техники, обогащая нашу культуру, выполняя задания XXIV съезда партии.

Вырос Союз писателей СССР — сейчас в нем около 8000 писателей. Изменилась и жизнь литературных объединений во всех республиках. Национально-художественное своеобразие во всех видах и формах искусства выявляется и утверждается в живой связи с социалистическим обновлением жизни. В сознании писателей, особенно молодых поколений, произошли большие сдвиги в связи с теми социалистическими преобразованиями жизни, в которых они активно и увлеченно участвовали.

Тема преемственности поколений заявила о себе новыми произведениями, в которых мы уже наблюдали процесс образования нового характера молодого человека, полное преображение условий человеческого существования, образование характера коммуниста, рабочего, колхозника, представителя научно-технической интеллигенции.

На сегодняшний день мы можем сказать с полной уверенностью и гордостью, что за время, истекшее с Первого нашего съезда писателей, все литературы Советского Союза, начиная с литературы на русском языке, окрепли и соединились в братскую семью, многообразную в своих творческих достижениях и соединенную общим служением социалистическому Отечеству.

Эта дружба народов, когда все произведения разных писателей всех республик составляют единую сокровищницу, наше общее достояние, чрезвычайно способствует воспитанию молодых писателей, которые черпают темы для творчества в той кипучей современной жизни, которая окружает их с юности.

И сегодня, продолжая славные горьковские традиции укрепления связи художника с жизнью народа, советские писатели с небывалым размахом и острым творческим интересом включаются в борьбу трудящихся за выполнение планов девятой пятилетки, едут на ударные стройки — на КамАЗ, в Тюмень, на БАМ, на Дальний Восток, на Кольский полуостров, они устанавливают сердечные связи с тружениками новостроек, предприятий и колхозов, с воинами Советской Армии — с будущими героями своих книг. И хотя многие крупные произведения еще впереди, мы можем с полным основанием сказать, что деятельность нашего союза, направляющего писателей на решающие участки коммунистического созидания, уже сегодня приносит плодотворные результаты.

Снова живут писательские отряды, писательские бригады, которые изучают, участвуют в строительстве, выступают с самыми живыми фактами, с путевыми заметками, в которых ожили жар и точность писательского наблюдения. Всюду писателей принимают, как друзей и товарищей. Особенно это можно сказать о нефтяниках Тюменщины, работниках целинных земель Казахстана, о строителях гигантских плотин Сибири или рыбаках Севера.

Советский писатель нашего времени стремится глубоко вникать в специфику труда в любой области. Он имеет большой опыт накопления фактов, которые позже лягут в основу книг — романов, повестей, рассказов. Молодые писатели приходят в литературу, обогащенные опытом, приобретенным и в морях, на рыбачьих кораблях, и в производственном секторе современного гиганта-завода, и к колхозных соревнованиях за большой урожай.

Обширные наши пространства являются боевым полем, где выигрываются сражения за хлеб, уголь, нефть, электрику, за тяжелую и легкую индустрию.

В этих бригадах участвуют представители разных республик, поэты, прозаики, драматурги, сатирики и сценаристы, чего никогда в таких масштабах не наблюдалось раньше. Рядом с этим плановым предприятием вторжения в действительность существуют дружеские поездки в дружеские края, где происходит взаимное ознакомление с той или другой республикой, от чего дружеские связи писателей расширяются, укрепляются и служат большому делу дружбы народов.

У нас утвердилась хорошая традиция — чествовать великих деятелей культуры разных народов, юбилеи которых отмечаются по всей стране и завершаются торжественными мероприятиями в столице нашей — Москве.

Эти юбилеи, сохраняя свой академический вид, в то же время расширяют дружеские связи, и голоса классиков прошлых времен звучат на вечерах и площадях, и эта перекличка великих подымает патриотическое чувство народа, его гордость, крепит ленинскую дружбу народов нерушимыми узами большого искусства, большой поэзии.

Кроме того, обязательно такие праздники бессмертного поэта вызывают особый интерес к переводам его творений на все языки Советского Союза. Все это кажется небывалым и удивительным, и это действительно в таком масштабе делается впервые в мире. Недаром Страна Советов — самая читающая страна в мире.

Человеку, который не видел эти празднества своими глазами, трудно поверить, что тысячи людей могут приходить издалека, чтобы выразить душевную признательность замечательному поэту, который жил за много лет или даже веков до нас. А между тем это совершается в порядке уважения в той единой, дружной и крепкой семье, которую представляют народы нашей Родины и которая стала традицией нашего Союза писателей. И в этом, добавим, видим мы замечательное выражение интернационалистской природы нашего социалистического общества.

Об этом интернационалистском характере нашего общества и нашей литературы было хорошо сказано в Отчетном докладе Л. И. Брежнева XXIV съезду партии: «Вызывает большое удовлетворение тот факт, что плодотворное развитие литературы и искусства происходит во всех наших республиках, на десятках языков народов СССР, в ярком многообразии национальных форм».

Это утверждение интернационалистского социалистического единства совершается на наших глазах. Стоит только взглянуть на тот далекий день Первого съезда писателей и сравнить с сегодняшним днем, как взгляд ваш остановится в изумлении. Неисчислимо выросли ряды творческих работников советской литературы, огромны перемены, происшедшие с тех пор в национальных литературах.

Надо помнить, что во всех национальных литературах, и в русской в первую очередь, живо, как драгоценное наследие, творчество писателей, выдающихся сынов своей эпохи, уже оставивших нас. Их с нами нет, но остались их труды, украшенные славой и признанием современников.

Писатели, и старые, и молодые, создают новые ценности в органическом сердечном единстве с народом и партией, бережно направляющей художников на единственный верный путь — путь служения своему народу. На этом пути литератор постигает духовный мир подлинного хозяина эпохи, героя нашего времени — строителя коммунизма.

Большими событиями в эти десятилетия были съезды писателей СССР. На последнем — Пятом съезде, происходившем три года назад, обстоятельно говорилось о главном направлении современного художественного развития, о новых чертах метода социалистического реализма, о советском человеке — главном герое нашей литературы, о деятельности Союза писателей, организатора идейно-творческой жизни советских литераторов.

Я не хочу сегодня повторять все то, что уже говорилось на различных наших творческих обсуждениях, о процессах, происходящих в братских литературах, тем более что через два года мы на Шестом своем съезде подведем итоги ближайшего пятилетия развития нашей литературы. Хочу сказать, что характерной чертой развития всех наших братских литератур является обретение зрелости и — вследствие этого — сближение уровней различных отрядов многонационального нашего искусства. Мы живем и творим в таких условиях, когда наши литературы активно обмениваются опытом, обогащают свои сокровищницы достижениями иноязычных, но кровно близких культур. Искусство перевода у нас получило, если так можно сказать, особую нагрузку в возрастающем культурном обмене.

В обращении к Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза писатели на Пятом своем съезде заявляли: «Мы горды тем, что именно на нашу долю выпало счастье быть глашатаями социалистической нови, знаменосцами гуманизма и общественного прогресса, создавать художественную летопись развития советского общества... Впереди у нас ответственные и сложные задачи по воспитанию нового человека, созданию духовной сокровищницы советского общества. Жизнь требует от нас смелых поисков, новых художественных достижений, достойных нашей эпохи».

Сегодня в советской литературе все яственней отражаются реальные черты подлинного героя нашего времени — эпохи развитого социализма. И в русской, и в украинской, и в белорусской, и во всех других литературах живет этот подлинно народный герой.

Претворяя в жизнь решения Пятого съезда писателей, вся наша писательская организация, все ее многонациональные отряды сосредоточивают свое внимание на вопросах творческих, на всестороннем, заинтересованном обсуждении проблем профессионального мастерства. Все мы отчетливо сознаем, что борьба за высокий идейно-художественный уровень нашей литературы — это борьба за действенность писательского слова, за плодотворное участие в воспитании советских людей в духе беззаветной преданности идеалам коммунизма.

Наше искусство должно быть с веком наравне.

Полнокровный образ нашего современника должен войти в литературу, не теряя своей масштабности и конкретной реальной жизненности. Да, наш современник, запечатленный в сфере его трудовой, духовной жизни, во всем многообразии жизненных связей, есть и будет главным героем литературы социалистического реализма.

Мы все еще в долгу перед рабочим классом. Показать передового рабочего наших дней, носителя новых замечательных качеств — задача, которая стоит перед всеми национальными отрядами, перед всеми жанрами советской литературы.

Жизнь движется вперед со стремительной силой. Меняются люди, меняется самый облик нашей необъятной страны, психология и быт. Только внимательный писательский глаз способен уловить главные характерные черты этого быстрого развития, но, замечу, не всегда это удается даже опытному литератору.

Конечно, мы отнюдь не успокаиваемся, понимая, что наряду с произведениями высокохудожественными появляются еще и вещи слабые, поверхностные. Для нас остается в силе горьковский призыв — создавать книги, достойные нашей великой эпохи. Как бы ни была трудна задача, советская литература не может плестись в обозе, она выбирает задачи потруднее и сложнее.

Именно потому, что наш писатель вторгается в живую действительность, идет «за быстро бегущим днем», он открывает новые черты нового человека, духовная красота и высокие нравственные качества которого бесспорны. Опыт нашей литературы имеет в этом смысле огромное всемирно-историческое значение. Он тем более важен, что в мире идет соревнование двух миров, двух систем, и наш советский писатель достойно участвует средствами художественного слова в укреплении нравственных позиций социализма.

Советская литература, полная могучего нравственного здоровья, говорит о любви, о счастье, о доблести, о славе, о молодости людей, о небывалом герое — строителе нового социалистического общества. В противовес буржуазной культуре она зовет из мира личных эгоистических переживаний в широкий мир, открытый действительно смелым и добрым людям, в мир, свободный от гнета общества, провозгласившего своим кумиром деньги и власть.

Советская литература есть боевое оружие народа, помощница партии. В современном мире идет непрекращающаяся ожесточенная борьба, принимающая самые различные формы, борьба двух идеологий — социалистической и буржуазной. В этой борьбе не может быть нейтральных.

Теперь есть на свете социалистическое содружество, и писатели стран этого содружества — наши хорошие друзья. Мы всемерно укрепляем дружбу с прогрессивными художниками и других стран.

К нам приезжают зарубежные писатели на наши конференции, литературные встречи, юбилеи, дискуссии. И наши писатели ездят в большом числе за границу, чтобы там встречаться с друзьями и товарищами. Союзы писателей создаются в настоящее время и в освобождающихся от колониальной зависимости странах третьего мира. Ищут возможности создания творческих союзов и литераторы стран капитализма. Все это говорит о притягательном примере опыта нашего Союза писателей, о его авторитете.

Именно потому наш Союз писателей и подвергается непрестанным нападкам идейных противников всех мастей. Мы видим, как они лезут из кожи вон, чтобы клеветать, лгать и изощряться во всех хитростях, чтобы подрывать единство нашего общества, нашей литературы.

Не такие атаки мы отбивали в прошлом и давали достойный отпор врагам, хотя они с годами и научились тонким приемам и подлейшему коварству. Конечно, в семье не без урода. Иногда удается им их темное дело — увлечь какую-нибудь нестойкую личность в свои тенета, но это печальный случай, не более.

Советские писатели за все свое существование не дали никому поколебать единство своих рядов. Они гордятся славным и высоким званием, которое они получили из рук народа и партии еще в первые годы Великого Октября: советские писатели!

И мы видим, что делается в мире, видим, как Советский Союз и страны социалистического содружества неуклонно борются за мир во всем мире, и люди на всех континентах прислушиваются и присоединяются к этим трезвым призывам межгосударственного взаимопонимания на основе принципов мирного сосуществования.

Советские писатели — испытанные борцы за дело мира. Четверть века назад был основан Советский Комитет защиты мира, в котором участвовало много больших писателей, и сегодня писатели Советского Союза поддерживают всеми силами это великое дело мира и дружбы между народами.

Недавняя конференция писателей Азии и Африки в Алма-Ате и другие встречи и совещания были прекрасными примерами развивающегося движения за мир, независимость, свободу и дружбу между народами всего мира.

Советские писатели имеют друзей на всех континентах, они участники недавно проходившего в Москве Всемирного конгресса миролюбивых сил. Эта дружба прогрессивных литераторов мира все больше крепнет, потому что у Союза писателей СССР сегодня мировой авторитет и мировое доверие планетного читателя.

Герой советской литературы — это новый человек на обновленной земле, впитавший всю мудрость знаний нашего времени, всю энергию, порожденную творцами небывалого социалистического общества.

Если так велики его достижения, так бесспорны, то и творец этих достижений поднимается на такую высоту и энергия его полна такого размаха, что самые исполинские свершения ему под силу, и планы, начертанные всенародно, утвержденные волей великой партии, будут, безусловно, выполнены.

Главным героем нашей социалистической художественной культуры стал человек труда в его общественных взаимосвязях и нравственных устремлениях, о чем сорок лет назад говорил Максим Горький на Первом нашем съезде: главным героем будет труд и человек труда.

Это не значит, что все остальные темы отодвинуты. Нет, в работе, в поисках писателя, разумеется, будут и исторические темы, и фантастика, и другие темы, в которых отражается многообразие и богатство современной советской действительности.

Но центральной, несомненно, остается тема современности, ибо именно она является душой всякого подлинного искусства.

Советские писатели не пожалеют своих творческих сил для дальнейшего укрепления литературы с жизнью народа, создадут неповторимые образы строителей коммунизма и своими произведениями расскажут человечеству о жизни и достижениях коммунистического строительства.

Сорок лет от Первого своего съезда советская литература прожила недаром. Она едина и полна свежих сил! Советские писатели всегда помнят замечательные ленинские слова: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!»

Да здравствует великий советский народ и великая ленинская партия! **(Продолжительные аплодисменты).**

40 лет Первому всесоюзному съезду советских писателей

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ СЪЕЗДА

Мариэтта ШАГИНЯН

ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

НАМ трудно сейчас, — хоть и прошло сорок лет, — писать о нашем Первом съезде исторически, с учетом всех его слагаемых. Но каждый из нас, участников съезда, имеет свой опыт пережитого, и этим личным опытом я хочу поделиться.

Август был в 34-м году необыкновенный. Было жарко. Но — как в стакане комнатной воды, куда брошен кусочек льда, — на дне вашего дыхания вы вдруг ощущали льдистую, приятную прохладу. Тех, кто оставался летом в Москве, лихорадило нервной предсъездовской суетой организационной подготовки нового для нас события.

Было бы ложью сказать, что все шло гладко и просто. Наоборот, было всякое, — и скептицизм, и полемика в газетах, и ворчуны, и скептики, и самолюбцы, всегда чем-то обиженные и недовольные. Именно в эти сложные дни, перед началом съезда, я встретила на улице вернувшегося с юга, загорелого, взволнованного Малышкина. Он тут же, заговоривши милым своим заикающимся говорком, радостно-возбужденно внес свою, очень простую, даже примитивную ноту в наши психологические сложности:

— Трогает, трогает забота Советской власти о писателях... Такой большой праздник для нас! Хочется выступить. Только вот не умею, трудно выступать с моим заиканьем... а надо, непременно надо. Стольно у нас, у всех, накопилось сказать!

Это говорил не «примитивист», а тонкий и сложный писатель, за плечами которого уже были великолепный «Севастополь», поэтическое «Падение Даира». Как сейчас помню свой конфуз перед этой искренней, чистосердечной речью. Что-то откликнулось во мне. Съезд вдруг повернулся лицом — праздником, возможностью встретиться, познакомиться, высказаться с трибуны, честно, полно, об итогах сделанного, об опыте пережитых и написанных книг. Открыто высказаться,— со всеми и перед всеми, — а не поддаваясь случайным толкам по уголкам и закоулкам, не в атмосфере заранее заготовленных представлений.. Большая это мудрость, не всем доступная сразу: уметь дать говорить собеседнику — прежде чем сунуться самому в разговор, — и уметь встретить любое событие, прежде чем наклеить на него заранее заготовленные ярлыки.

...Съезд действительно стал праздником, с первых его шагов, с минуты, когда мы в день открытия двинулись к Дому союзов, бывшему «Благородному собранию» доктябрьской Москвы. Мы вдруг очутились в лавине народа. Стеной, справа и слева от нас стояли москвичи, они переполнили улицы, по которым пришлось нам идти. Нас окружали внимательные, сердечные лица, улыбки, добрые, счастливые взгляды, нечто настолько большое и теплое, что забыть это со-чувствие народное даже через сорок огромных лет невозможно. Замечательно, — и это, пожалуй, главное, — что в нем и тени не было простого «любопытства», не было дешевой реакции толпы, какая сопровождает «успех», вызывается модой, тягой людей «туда, куда все». Не помню, чтоб кто-нибудь — тогда или после, в кулуарах съезда, — просил у писателей автографа, не помню ничего, похожего на обычную реакцию толпы на театральные зрелища, на присутствие «знаменитостей». То было именно со-чувствие, доброжелательство народное к нашему большому, трудному делу, к профессии писателя...

Дело в том, что съезд, как его часто изображают, вовсе не был «началом» того, что можно назвать огромным явлением советской литературы. Он состоялся как раз в то время, когда советским писателям было о чем сказать с трибуны; когда они уже дали народу книги на первую, разработанную ими тему пережитого всей страной — тему гражданской войны; когда они уже реализовали своим пером вторую тему, заложенную в фундамент нового строя, — тему перехода от частной собственности с ее старой собственнической психологией — к общественной собственности с воспитанием в людях нового, коллективного сознания; и, наконец, — когда уже начали, как горы на горизонте, вырастать большие книги первой пятилетки, отразившие, во всей ее проблематике, начало великой стройки «материального базиса коммунизма».

Мы и сами еще порядком не знали, сколько внесли мы своих живых творческих усилий в тот могучий поворот от старого мира капитализма в новый, нарождающийся мир социализма своими книгами. Кто мог бы тогда (и сейчас) учесть влияние книг Фурманова, Серафимовича, Фадеева и многих, многих других на процесс преобразования старой Красной Гвардии в дисциплинированную Советскую Армию, — воплотив диалектику стихийной революционности и коммунистической направленности в художественные образы Чапаевых и политкомиссаров? Кто может сейчас учесть влияние (именно влияние!) «Поднятой целины» Шолохова, панферовских «Брусков», «Страны Муравии» Твардовского на борьбу за середняка, против его перерастания в кулака и на выработку психологии колхозника? Те, кто считает делом литературы «описание действительности, как она есть», слепы на прошлое. Изменить законы общества можно одним декретом; но перевоспитать психологию людей, составляющих общество, — дело долгое, трудное, умелое, — и советские книги, на каждом этапе развития этого общества, воспитывали и вели читателя, помогали ему обретать новые общественные качества. Советская литература тех лет не была (и не могла быть!) только «фактографична». Она обладала великой действенностью именно потому, что не была только фактографична. Она, — и это ярко выделяет ее в те бессмертные годы, когда шла организация нового строя на Земле, — она мыслила широким планом, была проблемна, выявляла проблематику своих больших тем, — и потому могла вести, помогать пониманию нового, стать *частью общепролетарского дела*»...

Я заскочила тут немножко вперед, за годы послесъездовские, но суть в том, что на съезд мы тогда шли между шпалерами благодарно, отнюдь не в кредит, встречавшего нас народа, потому что шли не с пустыми руками, а с уже созданным, отданным ему творческим багажом, с уже написанными книгами, которые помогли читателю творчески пережить свое время, целенаправленно увидеть и понять будущее сквозь невзгоды и нехватки настоящего, обрести политическую, нравственную зрячесть.

Я не зря тут написала это большое слово «нравственную» рядом со словом «политическую». Именно в эти часы слияния с народом, с нашим новым, советским народом, которого растили и воспитывали лучшие наши книги, — именно в тот час, переступая порог съезда, — мы еще не полностью, еще в глубине сознания, но уже чувством поняли и пережили нравственное единство советской литературы. Разные по наличию дара, культурных традиций, энергии, знаний, метода и стиля работы, разные по языку и возрасту, все мы, словно электрическим током, объединились тогда признанием народа, как работники единого дела, члены единой советской литературы.

Как прочно хранятся в памяти минуты редкого счастья — движения вперед в единстве, плечом к плечу к единой великой цели...

ПЕРВЫЙ всесоюзный съезд советских писателей — беспримерный рубеж в развитии всей литературы, всего искусства нового мира. К нему советские писатели стали готовиться сразу же после роспуска РАПП. Но необходимость съезда стала ощущаться задолго до этого.

Коренные социально-экономические преобразования в нашей стране, бесспорные успехи в строительстве первого в мире социалистического общества, победа принципов ленинской национальной политики способствовали ускоренному движению лучших художественных сил страны на марксистско-ленинские позиции. Самим ходом формирования социалистического общества устранялись факторы, когда-то разделявшие писателей на различные группы. Раньше других это уловили и осознали Горький, Луначарский, Маяковский, Д. Бедный, Серафимович, Шолохов, Леонов. К сожалению, происшедшие в стране изменения последними поняли руководители РАПП. С недоумением встретили они открытое письмо Горького «О пролетарском писателе», содержавшее четкое и вместе с тем широкое определение платформы, на которой могли объединиться все писатели, искренне преданные великому делу социалистического пролетариата. Не меньшее удивление вызвало у них заявление Горького, что сам пролетариат поднялся у нас на совершенно новую ступень своего развития.

Между тем Горький, переводя начатый разговор в чисто литературный план, выступил с циклами статей и писем. Смысл их сводился к тому, что в СССР возникла и успешно растет по-настоящему новая, большая, разноязычная, но внутренне становящаяся все более целостной литература. Она выдвигается в авангард художественного развития человечества. С гордостью Горький называл романы и повести М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, Л. Леонова, Ф. Гладкова, К. Федина, Вс. Иванова, А. Чапыгина, О. Форш, пьесы К. Тренева, Вс. Вишневского, стихи Н. Тихонова, Я. Купалы, П. Тычины... Солидаризируясь с его выступлениями, А. Луначарский и другие критики рассматривали в этом же плане произведения самого Горького, а также Маяковского, Д. Бедного, Е. Чаренца, Я Коласа, С. Айни, «Железный поток» А. Серафимовича, «Чапаева» и «Мятеж» Д. Фурманова, «Неделю» Ю. Либединского, «Бруски» Ф. Панферова, «Мать» А. Головко...

Все это и побудило Горького, начиная по крайней мере с 1928 года, вернуться к теоретическому осмыслению художественно-эстетических принципов новой литературы. Одновременно он резко усилил свою деятельность по сближению, сплочению писателей нашей страны на принципиальной почве служения искусства великому делу строительства социализма. Совершив длительные поездки по СССР и твердо убедившись в том, что, как он выразился, «действительность развивается по Марксу», Горький обратился с обстоятельным письмом к руководителям РАПП. «Мне кажется, — обращался Горький к руководителям РАПП, — что все вы слишком углублены в словесность, слишком торопитесь стать «спецами» и что на почве торопливости этой в среде вашей незаметно для вас растет «личное», развивается индивидуализм профессионалов и что групповые отношения ваши затрудняют рост «товарищеских» отношений, а может быть, действуют даже разрушительно на чувство товарищества, социально и политически необходимое для вас». (Архив А. М. Горького, публикуется впервые.)

Не ограничиваясь констатацией сложностей в руководстве «литературным фронтом», Горький предложил ряд «тактических» выводов. «Прежде всего мне думается, — писал он, — что вам необходимо изжить мелкие противоречия, на возню с которыми вы тратите так много времени и ценнейшей энергии Мне кажется, вам — вашей группе — надо взять на себя инициативу организации совещания литераторов-марксистов — совещания по вопросам текущей действительности. Думаю, что совещание это должно быть немноголюдным и закрытым. Оно выработает основную линию, по которой должны выпрямляться противоречия и разномыслия, а затем организует съезд литераторов-марксистов и предлагает на обсуждение съезда несколько докладов по вопросам «текущего момента». Основная цель этих докладов — необходимость объединения всех групп...

Думаю, что такой съезд давно необходим и что работы его будут, разумеется, значительно шире и глубже намеченных мною». (Там же.)

В дальнейшем сформулированные здесь идеи Горький настойчиво развивал, встречаясь с писателями, редакторами газет и журналов, переписываясь с партийными и государственными деятелями. Вместе с другими писателями он все настойчивее подвергал критике формы руководства развитием художественного процесса, осуществлявшегося РАПП и идентичными ей организациями, все решительнее осуждал раздробленность, групповщину, администрирование и командование писателями. Его письма, его статьи подводили к мысли о необходимости либо коренным образом изменить стиль работы существующих творческих организаций, либо найти какие-то новые, более действенные, более соответствующие сложившейся ситуации формы самой организации. Он осуждал элементы групповщины и кружковщины в среде литераторов, все более объединяемых, по его твердому убеждению, единством общей цели, что должно диктовать «сознание единства главной линии». «Кружковщину, дробление на группы, взаимную грызню, колебания и шатания, — писал он 30 сентября 1930 года одному из своих корреспондентов, — я считаю бедствием на фронте литературы». Наряду с письмами А. Серафимовича, Ф. Панферова и других писателей, утверждавших, что руководство РАПП, в прошлом сделавшее немало полезного для советской литературы, в последние годы все сильнее увязает в серьезных ошибках, тормозит развитие советской литературы, ЦК нашей партии получил в начале 1932 года письмо и от Горького, развивавшего идеи, изложенные выше.

Проработочной практике руководителей РАПП Горький противопоставлял повседневную работу с писателями, сближающимися с действительностью, углубляющимися в нее, постигающими логику ее развития. Формулируя ленинский принцип партийности литературы применительно к новым историческим условиям, он писал: «Рабочий класс говорит: литература должна быть одним из орудий культуры в моих руках, она должна служить моему делу, ибо мое дело — общечеловеческое дело». Кажется, он успел послать каждому советскому писателю хоть одно письмо, конкретно рассматривая все творчество или отдельные произведения адресата с позиции понимания советской литературы как специфической формы человековедения — народоведения, как одного из самых сильных средств познания мира и человека, воспитания Человека с

«ЭТО ПРОЗВЕНИТ

А. ОВЧАРЕНКО

«Из съезда писателей мы сделали мировое событие, это прозвенит во всем мире...» Так высоко оценил Горький работу Первого съезда советских писателей, имевшего огром-

АРХИВ «ЛГ»

ПАМЯТНАЯ ВЫСТАВКА

За день до начала работы Первого съезда советских писателей, 16 августа, в Москве в помещении кинотеатра Центрального парка культуры и отдыха открылась посвященная съезду выставка «16 лет советской литературы», организованная Оргкомитетом СП СССР.

Заслуженный работник культуры РСФСР Дмитрий Ефимович Ляшкевич работал в ту пору в аппарате оргкомитета. Вместе с другими товарищами он принимал деятельное участие в подготовке съезда и, в частности, выставки.

— Эта выставка была задумана как большой творческий отчет советской литературы перед партией и народом, — вспоминает Д. Е. Ляшкевич. — На выставке были представлены 12 000 книг, среди которых было немало уникальных изданий, рукописи, планшеты, макеты, графика, фото, книжные обложки и иллюстрации, газетные вырезки, письма и другие документы литературной жизни страны. Первый раздел назывался «Классики марксизма-ленинизма о литературе», второй был целиком посвящен творчеству А. М. Горького, в третьем были представлены произведения Маяковского, «Окна РОСТА», агитационная литература первых послереволюционных лет, четвертый был посвящен литературе восстановительного периода, пятый — военной литературе, шестой — детской...

В самом центре огромного выставочного павильона, помнится, расположился раздел, рассказывавший о росте советской литературы за два года, прошедших после исторического постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. На выставке была широко представлена литература народов СССР.

В день открытия выставки Алексей Максимович Горький вместе с ответственным секретарем Оргкомитета Союза советских писателей П. Ф. Юдиным и другими товарищами внимательно осмотрел ее. Он тепло поблагодарил коллектив, подготовивший эту большую и интересную экспозицию.

Покидая выставку, Алексей Максимович согласился сфотографироваться у выхода из павильона.

СЛОВО — ЗАРУБЕЖНЫМ ПИСАТЕЛЯМ

Слав Хр. КАРАСЛАВОВ,
болгарский писатель

БРАТСТВО

О БОЛГАРСКОЙ литературе вообще нельзя говорить, не учитывая значительного влияния на ее развитие русской классической и советской литературы. Это влияние во многом определило творчество таких писателей, как Пенко Р. Славейков, Иван Вазов, Любен Каравелов, Христо Ботев. Подчеркивая роль советской литературы в развитии современной болгарской литературы, мы не можем не учитывать этой исторической связи, существующей с давних пор. Выдающиеся писатели Христо Смирненский и Гео Милев во многом обязаны советской литературе. На Гео Милева большое влияние оказала поэзия Владимира Маяковского — особенно характерна в этом плане его знаменитая поэма «Сентябрь». Исключительное значение имела советская литература для поэзии Николы Вапцарова. Ядро писателей, которых мы называем «писатели 30-х годов» — Христо Радевский, Георгий Караславов, Младен Исаев, Никола Фурнаджиев, Пантелей Зарев,— также формировалось под влиянием советской литературы. В начале творческого пути моими учителями были В. Маяковский, затем С. Есенин, А. Твардовский.

Советская литература была школой жизни не только для наших писателей, но и для всего болгарского народа, была и остается нашим учителем, нашим другом. Мы сверяем по ее лучшим образцам свои чувства, помыслы, поступки. Трудно провести грань между советскими и болгарскими художниками, воспитывающими в народе чувство любви к социалистической родине, чувство интернационального братства, помогающими строить новое общество. Во время второй мировой войны болгарские партизаны и подпольщики называли себя именами героев советской классики — Корчагина, Бунчука и других. Книги «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» М. Шолохова читались в партизанских отрядах. Проблемы болгарского села были неразрывно связаны с «Поднятой целиной» М. Шолохова. Огромным вниманием и любовью пользуются в Болгарии книги Л. Леонова, Г. Маркова и других советских писателей.

Наши страны в последнее время стремятся к еще более тесному сближению как в области экономики, так и в области культуры. И важную роль в культурном сближении наших стран играют Союзы писателей СССР и НРБ. В начале года руководители союзов провели полезный разговор во время подписания плана сотрудничества. Мы рассматривали наши отношения в свете их развития на несколько лет вперед.

СОФИЯ

Макс Вальтер ШУЛЬЦ,
писатель (ГДР)

ОКТЯБРЬСКИЙ СВЕТ

МНЕ представилось, что благодаря каким-то фантастическим обстоятельствам 17 августа 1934 года я оказался в Москве. Тринадцатилетний мальчик, член организации бойскаутов, со своей красивой бойскаутской шляпой, которая походила на шляпы, какие сейчас носят в Байконуре, я — участник Первого всесоюзного съезда советских писателей.

Теперь, сорок лет спустя, я мог бы, подобно пророку, перенесшемуся в прошлое, с большой долей уверенности предсказать, что со мной произошло бы в то время: уже после первых пяти минут доклада Максима Горького я ушел бы из зала с резким протестом в душе. Едва Горький начал говорить, как он уже задал идеологическую взбучку персонально мне. Во всяком случае, я бы это воспринял именно так, хотя слова Горького были направлены не лично против меня, а против некоего Якоба Беме, родившегося в 1575 году в Силезии, в Альтзейденберге, философа того времени. Горький сказал, что согласно учению Беме человек должен размышлять о небе, о звездах и стихиях и о тварях, также о святых ангелах, о дьяволе, о небе и аде.

А я бы подумал: почему же человеку об этом не размышлять? Тогда, в свои тринадцать лет, я в этом уже очень хорошо разбирался благодаря участию в организации христианских бойскаутов. Мы много странствовали, много пели: проповедей не было, а философствовали изрядно. Мое подсознание сильно колебалось. Вырос я в пролетарской бедности, а сознание формировали совсем иные сферы. Так что, как я уже говорил, гнев Горького меня бы отпугнул. Я бы надел свою красивую бойскаутскую шляпу и убежал. Я и на самом деле убежал, еще на много лет, — прямо в «духовную середину» между фашизмом и антифашизмом, в лабиринт немецкого убожества того времени; впрочем, это убожество отнюдь не было—ни тогда, ни теперь—исключительно немецким. Пока меня однажды силой не вытащили из этого убожества как барана из горящего хлева.

Помог этому и Горький Книга о детстве и его ранние рассказы были первыми произведениями советской литературы, которые попали мне в руки. И только после окончания войны. Ах, этот хищный, язвительный, замечательный Челкаш! Этот трусливый, набожный, жадный бедолага Гаврила! Когда бы я ни видел лодки в ночном море, мне чудятся Челкаш и Гаврила: образы резко противоположные, два человеческих варианта.

Существует своя связь между данным произведением литературы и данным читателем, она неповторима и неизгладима. Эта связь рождается тогда, когда читатель через книжку внезапно по-новому видит и постигает, как он живет и что ему надо делать. Вероятно, это и составляет суть реализма и делает искусство неизменимым.

Весной 1967 года состоялся IV съезд писателей СССР в Москве. На этот раз я действительно присутствовал на съезде. Фантастично, но без всяких фантастических обстоятельств. Без мифической шляпы, без средневековой немецкой тоги; у меня гостевой билет, я — гость съезда, последователь посланцев из Германии — Бехера, Бределя, Фридриха Вольфа, Эрнста Толлера, Виланда Херцфельде, Вайскопфа. Я был горд тем, что меня послал Союз писателей ГДР. Но должен все же сознаться, что эта гордость перешла бы в смятение, если бы я не знал, что здесь, в Большом зале Кремлевского дворца, присутствует наша Анна Зегерс, и если бы не опирался на дружбу с некоторыми делегатами Союза советских писателей.

Наши социалистические связи проверяются и осуществляются — в жизни, как и в литературе, — в действительности наших человеческих взаимоотношений. Но я не могу обосновать эти взаимоотношения, только исходя из политических и эстетических соображений нашего разума. Нам необходимы также надежность и сила чувств. Правда, трудно выразить словами то, что я называю надежностью и силой чувств, не впадая при этом в дружеский пафос.

От искусства и литературы ожидаешь подтверждения чувства жизни — так сказать, в «первозданности». Разумеется, чувства выражаются отчетливее всего в действиях. Тем не менее, по моему убеждению, отчетливость выражения действий в литературе требует еще и другого — реализма яркой, поэтической метафоры.

На IV съезде писателей СССР я слышал, как Анна Зегерс говорила о свете Октября: «Этот особый, ясный и суровый, октябрьский свет озаряет наши дела и дни, наше отношение к другим людям, дружбу и любовь, нашу работу, наши стиль и методы, все связанное с нашей писательской профессией, которая может иметь грандиозное значение и может не стоить ломаного гроша, если нет этого света».

Как писателя меня нередко спрашивают, как я сам понимаю красоту. На это я бы ответил так: прекрасно ощущать ясный свет Октября в нашей работе — ощущать его во всем, что мы делаем на этой земле, в нашу эпоху.

ВЕРЛИН

Роже ШАТОНЕ,
французский писатель

ПРОМЕТЕЕВ ПОРЫВ

В СТОЛОВОЙ моей маленькой квартиры висит большой портрет Льва Толстого. Я говорю иногда в шутку своим друзьям: «Назначение этого портрета — постоянно напоминать мне о том, что не я написал «Анну Каренину». Во всякой шутке, однако, таится доля истины. И кто из современных писателей может сказать о себе, что он не испытал влияния творчества титана русской литературы? Однако если бы я захотел повесить рядом с Толстым портреты всех русских и советских писателей, чьи книги заставляли меня задумываться над тем, каково назначение литературы в нашем стремительном веке, то, вероятно, я не смог бы разместить их даже на всех четырех стенах.

Мой рано зародившийся интерес к советской книге, несомненно, объясняется тем, что я, сын кузнеца из железнодорожных мастерских Бордо, с детских лет широко раскрытыми глазами смотрел на окружавшую меня «индустриальную вселенную», на мир, где звучали «железные арфы», и поэтому слово писателей, рассказывающих о строительстве новой жизни, не могло меня не волновать. Опыт советских писателей — их книги, в особенности благодаря серии переводов, выходящей в издательстве «Галлимар», становятся все более и более известны во Франции, — оказывает мне неоценимую помощь и сейчас, когда мною уже написано насколько романов, когда я пытаюсь осмыслить и сделанное мною. Прогресс в литературе самым тесным образом связан с прогрессом политическим и научным. Я опасаюсь слишком углубляться в теорию, ибо я, конечно, не теоретик, но движение общества и развитие науки об обществе ставят серьезнейшие проблемы перед писателями, в особенности перед романистами. Мне кажется, что особенность лучших книг советских писателей состоит в том, что на их страницах оживает Прометеев порыв человека и в то же время человек не отрывается от земли, его повседневная жизнь связана с творимым им чудом нитями незаметными, и в этом—сила убедительности. Я часто думаю о том, не должно ли в современном произведении, стремящемся вобрать в себя все разнообразие, все богатство и все противоречия жизни, главенствовать единое начало, связующее воедино поэму и роман?

Полю Валери принадлежит мысль о том, что под мирными сводами музеев идет непрерывная война, картины воюют между собой, и каждая стремится привлечь внимание к себе. Книги тоже ведут сражение. С помощью электронного компьютера недавно подсчитали, что на складах французских издательств в настоящее время находится около 120 000 разных произведений! Был выпущен общий каталог — том огромной толщины. О боже! 120 000 книг! Я почувствовал себя таким крохотным перед этой цифрой... Но в этом бурном океане есть книги моих французских и моих советских друзей. Это придает смелость. Будем же продолжать нашу борьбу.

ПАРИЖ

Б. ДАШЦЭРЭН,
монгольский писатель

ВЫСОКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПАФОС

ТОЛЬКО после провозглашения Монгольской Народной Республики наш народ познакомился с богатейшими сокровищами европейских литератур, и прежде всего с русской и советской литературой. Замечательные творения русских классиков, лучшие произведения советских писателей помогли монгольскому народу в его решительной борьбе против феодального деспотизма, средневековой темноты и невежества, в борьбе за революционное преобразование древней земли Монголии, подлинное возрождение многовековой культуры страны, за ее социалистическое будущее. Демократические и гуманистические традиции русских классиков, высокий гражданский пафос литературы рабочих и крестьян вдохновляли монгольский народ.

В развитии новой монгольской литературы, в становлении ее реалистического направления важную роль сыграло письмо великого пролетарского писателя Максима Горького министру просвещения народной Монголии в 1925 году. Горький говорил о важности и целесообразности для монгольских читателей перевода произведений художественной литературы, в которых воспеваются идеи гражданственности. Наши писатели всегда руководствовались этими советами. Талантливые представители советской литературы разных периодов жизни страны оказывали и оказывают самое благотворное влияние на развитие монгольской литературы, на творчество каждого писателя. Это свидетельство исторического процессе духовного сближения между нашими народами.

В духе традиций дружбы между нашими писательскими организациями мы отмечаем 40-летний юбилей Союза писателей СССР как большой праздник своих братьев по перу. В эти дни в МНР будут проведены мероприятия, направленные на еще большее расширение и углубление сотрудничества между писательскими коллективами наших стран.

УЛАН-БАТОР

«ВО ВСЕМ МИРЕ...»

ное значение для утверждения принципов искусства нового общества — социалистического реализма. О роли Горького в организации съезда, в его работа — статья доктора филологических наук А. Овчаренко. Автором используются неопубликованные материалы из горьковского архива.

большой букам. Эта работа отличалась, по меткому слову М. Пришвина, «сорадованием».

В письмах к А. Фадееву, А. Афиногенову, Л. Авербаху, в статьях «Беседы о ремесле», «Цели нашего журнала» и других Горький определял эстетические отношения новой литературы к действительности. Его идеи позднее легли в основу теории социалистического реализма.

С самого начала Горький разъяснял, что съезд не должен свестись к формальной организации Союза советских писателей. И когда обнаружилось, что другие руководители Организационного комитета не совсем ясно представляют себе подлинный размах, глубину и международное значение, какое должен иметь первый в истории съезд писателей, Горький взял в свои руки не только идейную, но и организационную работу по его подготовке. В августе 1933 года состоялось заседание Организационного комитета Союза советских писателей, избравшее Горького своим рабочим председателем (вместо И. Гронского). До этого Горький был почетным председателем. Предложив на этом заседании перенести съезд с 1933 года, как намечалось первоначально, на 1934 год, Горький аргументировал свое предложение «двумя задачами»: одна из них — добиться, чтобы съезд вызвал огромный резонанс как внутри страны, так и за ее рубежами. «Другая задача, — продолжал Горький, — заключается в том, чтобы достичь какого-то единства в понимании социалистического реализма. У нас много говорят и много написано статей о социалистическом реализме, но они еще не дают достаточно глубокого представления о нем. Для этого нашим критикам следует пересмотреть все то, что написано, обобщить все это, чтобы прийти на съезд с ясными мнениями о том, что такое социалистический реализм. Это глубоко важно. Эта работа потребует много времени и внимания».

Развернулась кипучая творческая деятельность. По инициативе Горького были сформированы писательские группы и направлены в национальные республики для ознакомления с отдельными литературами и для подготовки доклада о них съезду. По инициативе Горького съезду был представлен доклад о работе с начинающими писателями. По инициативе Горького было решено дать на съезде характеристику всей революционной литературе.

В результате на проходившем с 17 августа по 1 сентября 1934 года съезде писателей советская литература выступила как могучая многонациональная литература, по праву завоевывающая авангардное положение в мировом прогрессивном искусстве. Перечитывая сегодня стенографический отчет, обнаруживаешь, что ни одно ценное произведение, созданное к тому времени в советской литературе, так же как произведения революционных писателей других стран, не было упущено участниками съезда. Это позволило Горькому заявить, что Первый съезд советских писателей — съезд людей «единой цели», что в своем творчестве они направляются самой великой идеей — марксистско-ленинской идеей коммунистического творчества, что они вдохновляются убеждением: «...человек человеку должен быть только сотрудником, другом, соратником, учителем, а не владыкой разума и боли его». «...Еще раз, — определил Горький главное достижение съезда, — победоносно прогремел гром большевизма, коренного преобразователя мира и предвестника грозных событий во всем мире».

Советская литература, выражая коренные интересы, чаяния, стремления широких народных масс, говорил Горький, остается самой целеустремленной литературой в мире. Основным героем ее становится человек, отдающий всего себя строительству нового общества, понимающий труд как творчество.

На основе тщательного изучения опыта многонациональной советской литературы Первый съезд обобщил результаты длительной напряженной работы самих писателей, художников, литературных критиков, эстетиков, философов по теоретическому осмыслению основ искусства нового мира. Обобщение велось с учетом главных процессов, характерных для развития революционной литературы во всем мире, более того, с учетом всего художественного развития человечества. Одним из первых это отметил Мартин Андерсен Нексе, заявивший: «С этой трибуны словно лучом прожектора обшаривается вся мировая литература, вся история человеческой мысли...». Присутствовавшие на съезде или приславшие ему свои приветствия зарубежные писатели соглашались с тем, что социалистический идеал и вдохновляемое им движение привлекают все новые миллионы людей во всех странах. Луи Арагон приветствовал с трибуны съезда «лозунг социалистического реализма, выдвинутый в СССР не только в масштабе национальностей СССР, но в масштабе национальностей всего земного шара».

Так закономерно съезд подошел к формированию художественно-эстетических принципов социалистического реализма как основного «метода и техники литературного творчества, как эстетики и этики советского искусства», по определению Горького, и революционного искусства всего мира.

Важно отметить, что, определяя основы выдающейся эстетической теории двадцатого столетия, съезд не навязывал искусству никаких норм и догм. Господствовал свободный, искренний обмен мнениями, творчески поисковое решение сложных проблем. Съезд призвал литературоведов, философов, литературных критиков и самих писателей и впредь неустанно развивать теорию социалистического реализма в соответствии с ходом мирового литературного процесса.

Наши оппоненты из лагеря буржуазной литературной науки, стремящиеся поставить под сомнение плодотворность путей развития всей советской литературы, намеченных Первым съездом писателей, чередко ссылаются на то, что сегодня, дескать, социалистический реализм понимается не так или не совсем так, как сорок лет тому назад, что в советской литературе и в творчестве зарубежных писателей, вдохновляющихся идеями социализма, есть произведения, не охватываемые определениями, возникшими во времена Горького. На этом основании кое-кто говорил даже о крахе социалистического реализма. Мы отвечаем таким оппонентам: не тому надо удивляться, что на основе конкретной практики мастеров социалистического реализма в нашу эстетическую теорию постоянно вносятся коррективы, а тому, с какой прозорливостью съездом было намечено направление, ныне ставшее генеральным в художественном развитии человечества, и как верно были определены идейно-художественные принципы, верность которым сохраняет наша литература. Этим мы обязаны в значительной мере Первому съезду советских писателей и внесшему в его работу наибольший вклад М. Горькому.

СЛОВО — ЗАРУБЕЖНЫМ ПИСАТЕЛЯМ

40 лет Первому всесоюзному съезду советских писателей

Рафаэль АЛЬБЕРТИ:

МЫ УЧИЛИСЬ У ГОРЬКОГО

СТАРИННЫЙ римский район Трастевере. Крутая вия Гарибальди, тянущаяся от набережной Тибра к вершине Яникульского холма. Потемневшие от времени средневековые строения. В доме № 87 на этой улице живет Рафаэль Альберти, испанский поэт и художник-антифашист, участвовавший в далеком 1934 году в качестве иностранного гостя в работах Первого всесоюзного съезда советских писателей. Поэт специально приехал в эти дни в город из горной деревушки, где он скрывается от палящего римского зноя, чтобы поделиться со мной воспоминаниями о работе этого съезда, о встречах с советскими писателями.

Дверь открывает мне плотный человек в легкой спортивной блузе. Седая грива, красивый плотный загар на энергичном лице. Удивительно живые и молодые глаза. Легкость и уверенность движений, которые ничем не выдают, что Альберти перевалило уже за 70.

Крепкое рукопожатие:

— Добрый день, камарадос!

Альберти проводит меня в кабинет — просторную вытянутую комнату с окнами на улицу Гарибальди, уставленную стеллажами с книгами — тысячами томов на испанском, французском, итальянском языках. Предметы народного ремесла Испании и других стран. Рисунки с посвящениями Пикассо и Гуттузо. Фотографии друзей поэта с дарственными надписями Хемингуэя, Эренбурга, Казальса. Портрет молодого Горького. Другие рисунки, фотографии, картины. Письменный стол с портативной пишущей машинкой, заваленный кипами рукописей и книг.

— Мне очень жаль, — говорит Альберти, — что я не могу сейчас принять приглашения моих друзей, советских писателей, и приехать в Москву, чтобы быть с ними в дни юбилея Первого съезда советских писателей. Я заканчиваю графическую серию о жизни Гарсиа Лорки и должен в эти дни ехать в город Пезаро, где она печатается в одной из местных типографий.

Этот съезд имел великое значение в истории советской литературы, а для меня он связан с незабываемыми встречами, оставившими неизгладимый след в моей жизни.

То был мой второй приезд в Советский Союз. Впервые я побывал в вашей стране еще в 1932 году, за два года до съезда. С тех пор я приезжал много раз в Советский Союз, своими глазами наблюдал стремительное движение вперед вашей страны, но первая встреча никогда не забывается. Не забывается та атмосфера революционного энтузиазма, захватывающая романтика социалистического строительства, которая окружала тебя уже с первых минут после вступления на советскую землю.

На пограничной станции Негорелое, помню, приезжавших встречал тогда плакат: «Советский Союз приветствует трудящихся мира!» Среди пассажиров вагона большинство были друзьями Советского Союза, коммунистами. И как-то само собой получилось, что при виде этого плаката и первых пограничников с красными звездами на фуражках мы все запели «Интернационал».

Первый пятилетний план. Им жила вся страна. Это было видно на каждом шагу. Уже в небольшом вокзальном помещении пограничной станции нам показали выставку со схемой строящихся новых железнодорожных магистралей, моделями новых локомотивов, портретами передовиков труда — новых героев мира, вышедших из рядов тех, кто с оружием в руках совершал революцию, и тех, кто вошел в сознательную жизнь после Октября. И другой эпизод. В вагоне билеты у нас проверял молодой железнодорожник, как видно, вчерашний неграмотный крестьянин, все еще неуверенно державший в руках карандаш — наглядное свидетельство успехов борьбы за всеобщую грамотность, против темноты, на которую в течение веков обрекал царизм миллионы людей.

Мы не отрывали глаз от окон, жадно вглядываясь в проносящиеся мимо просторы, ловя приметы новой жизни, рождавшейся на земле Октябрьской революции и Ленина. Потом были заснеженная Москва, Красная площадь, тысячи людей со всех концов Союза, стоявшие у входа в Мавзолей Ленина, фабрики и заводы, новые люди, с гордостью показывавшие нам плоды своего труда — свободного труда, школы, университеты, клубы, открывшие двери к знаниям и культуре для миллионов людей.

В те дни я впервые встретился и с моими советскими коллегами — писателями и поэтами, многие из которых потом стали моими друзьями на всю жизнь: Фадеевым, Ивановым, Гладковым, Инбер, Светловым, Асеевым, Кирсановым, Безыменским. С волнением я слушал их рассказы о Маяковском, великом поэте Октябрьской революции. Мы читали свои стихи, которые тут же переводились на русский или испанский языки. Тогда я узнал и о знаменитой «Гренаде» Светлова и по возвращении в Испанию опубликовал ее перевод.

В 1934 году, когда я приехал на съезд советских писателей, меня встретили в Москве как старого друга. Съезд сблизил нас, советских писателей и писателей иностранных, помог нам объединить свои усилия в борьбе с фашизмом. Напомню, что съезд состоялся за несколько лет до начала гражданской войны в Испании.

Центральной фигурой съезда был Горький, который у меня в памяти остается не только великим писателем, но и гуманнейшим среди людей. Горький излучал сердечность и доброжелательность, притягивавшие к нему людей; он был необычайно естествен во всех своих словах, поступках и жестах, абсолютно чуждым позы человеком. Незабываемым был вечер, который мы провели в доме Горького после съезда. На вечере были члены Советского правительства, в числе других — герой гражданской войны Климент Ворошилов.

Во время работы съезда мы выезжали на фабрики и заводы, присутствовали на открытии первой линии Московского метро. После завершения съезда была организована поездка по стране, необычно обогатившая наши впечатления о строительстве социализма в Советском Союзе.

В 1937 году я снова был в Советском Союзе. Вместе с другими испанскими писателями я передал приглашение советским коллегам прибыть на наш съезд, на съезд писателей республиканской Испании, сражавшейся против фашистских мятежников. К нам приехала тогда делегация советских писателей, среди которых были А. Толстой, И. Эренбург, М. Кольцов. Их участие в нашей работе было составной частью той огромной помощи, которую оказывал Советский Союз Испанской Республике. Без этой помощи мы не продержались бы и трех месяцев, а мы сражались в течение трех лет против объединенных сил внутренней реакции и легионеров нацистской Германии и фашистской Италии. До сих пор на земле нашей страны остаются безымянными могилы многих советских людей, которые отдали свои жизни за свободу Испании. Не могу я при этом не вспомнить и об участии советских писателей в борьбе против фашизма, о блестящих корреспонденциях с фронтов гражданской войны в Испании Эренбурга и Кольцова, о выступлениях других советских писателей в защиту правого дела Испанской Республики, оказавших нам своим творчеством неоценимую моральную поддержку.

Для меня значение Первого съезда советских писателей состоит еще и в том, что он положил начало этой действенной солидарности советской литературы с передовой испанской культурой в борьбе против фашизма — частицу того великого вклада, который внесли советские писатели и весь советский народ в победу свободолюбивых сил против фашистской реакции в период второй мировой войны.

И. БОЧАРОВ,
собственный корреспондент АПН — специально для «Литературной газеты»

РИМ. (По телефону)

Сарвар АДГАМОВА

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

В ЭТИ ДНИ, когда широко отмечается сороналетие со дня I Всесоюзного съезда советских писателей, в памяти встает отчетливо и зримо тот далекий август 1934 года, Колонный зал Дома союзов в Москве, переполненный делегатами и гостями, где мне посчастливилось снова увидеть великого Горького, слушать его исторический доклад.

Надо сказать, Горький постоянно интересовался татарской литературой, проявлял неизменную заботу о татарских писателях. И доклад о татарской литературе тоже был включен в повестку дня I съезда по предложению Горького и поручен спутнику моей жизни Кави Наджми.

Как известно, первая встреча татарских писателей с Горьким состоялась летом 1928 года во время приезда его вместе с сыном Максимом в Казань. Тут Алексей Максимович в ходе обстоятельной беседы посоветовал нам поездить по стране, побывать в братских республиках, глубже изучить жизнь. И через год при его содействии была организована поездка группы наших писателей и журналистов в республики Закавказья, в Крым и на Украину. Если в наши дни такие поездки и литературные декады стали традицией, то в 1929 году это было настоящим событием.

Путешествие наше длилось больше месяца. Были встречи с писателями и читателями в Астрахани, Батуми, Тбилиси, Баку, Симферополе, Ялте, Харькове (подробно вся эта поездка описана в воспоминаниях ее участников). На обратном пути мы заехали в Москву, где Алексей Максимович вместе с московскими писателями устроил нам прием, целый вечер беседовал с нами, живо интересуясь нашими впечатлениями от поездки, планами на будущее, дал много полезных советов и высказал также мнение, что пора уже приступить к переводу лучших произведений татарских писателей на русский язык и в свою очередь знакомить татарских читателей с произведениями русских и мировых классиков.

Когда вскоре татарское издательство в начале 30-х годов запланировало выпуск шеститомника произведений М. Горького, мне сказали: «Роман «Мать» будет переводить писатель Фатхи Бурнаш, а тебе мы предлагаем «Детство», — я рискнула, хотя почти не имела еще опыта в деле художественного перевода.

За «Детством» последовала повесть «В людях». Я втянулась в эту работу. Но когда очередь дошла до «Дела Артамоновых», я встала в тупик. Как быть, например, с такими обрядовыми песнями:

Ой, свату великому,
Да Илье то бы Васильевичу.
На ступень ступить —
ногу сломить,
На другу ступить —
друга сломить.
А на третью — голову
свернуть...
Того мало свату нашему
Да похитчику девичьему...

. . . . . .

С хором бы тя о борону,
Да с горы бы тя
о каменье...

Собираясь (по гостевому билету) ехать на I съезд советских писателей, я втайне надеялась, что мне, возможно, удастся поговорить об этом с Горьким лично...

И вот на второй или третий день съезда, решив во время перерыва попытать счастья, я подошла к двери комнаты, куда прошел Горький. Вскоре мне и моей спутнице удалось проскользнуть в комнату, сказав скороговоркой, что нас звали сниматься.

Зашли мы в эту заветную комнату и увидели: стоит Горький у конца длинного стола, а к нему выстроилась очередь желающих обратиться с какой-либо просьбой. Когда дошла очередь до меня, осмелилась представиться:

— Я переводчица ваших произведений на татарский язык, Алексей Максимович.

— Спасибо, — сказал он в ответ, пожимая мою руку, и спросил: — А трудно переводить?

— Нелегко, Алексей Максимович, но я так люблю ваши произведения, что прилагаю все силы, чтобы донести их до татарского читателя, — ответила я.

И хотя мне не удалось обстоятельно поговорить с Горьким и получить ответ на интересующий вопрос, меня как будто окрылило слово благодарности, услышанное из уст самого писателя. И оно, надо сказать, решило мою судьбу. Я, окончательно распростившись с профессией юриста, посвятила всю свою жизнь делу художественного перевода. И хотя за эти 40 с лишним лет мне пришлось переводить немало произведений и других русских и мировых классиков, а также советских писателей (в том числа роман М. Ауэзова «Абай»), однако творчество Горького мне всегда было самым близким.

КАЗАНЬ

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ СЪЕЗДА

Александр ШТЕЙН

ЧЕТВЕРТЫЙ БАСТИОН

Я — СОЛДАТ. На военно-учебном поле командиров и политработников запаса, под Лугой.

Льют дожди.

Ночью приходит в мокрую палатку телеграмма. Обрадовала несказанно.

Ждет в Ленинграде постоянный гостевой билет на все заседания съезда.

После нескольких недель постылых дождей, преследовавших и на марше по раскисшим проселкам, и на стрельбище, и на глинистых оползающих высотках, где шли боевые учения, впечатление от блестящего Колонного зала, от шумящих его кулуаров, от белого мрамора и красного бархата, от ампирной анфилады колонн и люстр, а главное — от группок беседующих, спорящих, смеющихся, среди которых можно было узнать Серафимовича и Мальро, Арагона и Фадеева, Эрнста Толлера и С. Эйзенштейна, А. Толстого и Вит. Незаала, и многих, многих, многих других, без чьих имен не представляешь истории культуры двадцатого столетия, — это впечатление было ослепительным.

...В 1942 году, воротившись из Кронштадта, заавриул на минутку в брошенную с начала войны ленинградскую квартиру: понадобились для корреспонденции в Москву о Ленинграде «Севастопольские рассказы» Толстого — он писал о четвертом бастионе, где люди уже свыклись с беспрерывным свистом снарядов и научились хладнокровно смотреть в глаза смерти.

Доставая Толстого, уронил нечаянно стоявшую чуть ниже книгу, поднял, листнул промерзшими пальцами поблекшие, отсыревшие в давным-давно нетопленной комнате страницы.

Полыхнуло тут в блокадном мраке и холоде довоенным теплом, далеким праздничным светом.

Стенографический отчет Первого всесоюзного съезда советских писателей...

Потрясла стены промерзшей блокадной квартиры овация.

Вышел на сцену Колонного зала Горький.

...И на улице разорвался снаряд — артиллерия фон Лееба начала очередной обстрел проспектов, домов и площадей Ленинграда.

И быстро прошел на трибуну съезда и вот ужо рубит кулаком Всеволод Вишневский.

«Друг мой Олеша... вы пишете о хрустале, о любви, о нежности и прочем. Но при этом всегда должны мы держать в исправности хороший револьвер и хорошо знать тот приписной пункт, куда надлежит явиться в случае необходимости.

(Аплодисменты)».

Такие же, как и вчера, а Кронштадта, в Матросском клубе, где выступал бригадный комиссар Вишневский.

Артобстрел продолжается.

Листаю отсыревший том.

Исповедь Олеши. Не стесняясь трибуны, сотен глаз, гостей из-за рубежа, сверканья люстр, стенографисток. О том, кто тревожит, мучает, внушает надежду писать лучше, чем писал, — «...мир с его травами, зорями, красками прекрасен и что делала его плохим власть денег, власть человека над человеком».

Откидывая характерным взмахом обеих рук красивые седые волосы, поднимается на трибуну молодой Фадеев.

Листаю стенограмму.

Сквозь набранные мелким, убористым шрифтом строки лукаво блеснули бабелевские очки... Гладков, Федин, Погодин, Тихонов, Соболев, Либединский, Тренев, Чуковский, Пастернак, Афиногенов, Файко, Кольцов, Луговской, Эренбург...

Чем пленили меня, молодого литератора, выступления признанных старших мастеров?

Это было их творческое кредо — во что верую.

Это были их сердца, их кровь.

И это было смелое размышление вслух.

Размышление Художников.

Лавреневский голос на съезде:

«У меня и у Вишневского почти противоположные драматические приемы, мы по-разному писали наши пьесы...

Напряженно, чуть выдвинувшись вперед, слушает Вишневский.

— ...Но все же есть нечто, объединяющее нас с Вишневским: это — взволнованность наших работ... Мы, может быть, писали плохие пьесы, но мы никогда не были в школе равнодушных...»

Рубились — и жестоко! — в литературных дискуссиях.

В литературу врывались поразному.

Да, многих и многих, сидевших в креслах, в ложах, на хорах, стоявших в проходах, в фойе, на лестницах Колонного зала роднило то, что роднило и Лавренева с Вишневским. При всем различии вкусов, характеров, литературных манер.

Взволнованность.

Спорить друг с другом могли, быть даже несправедливыми в споре, ошибаться могли, заблуждаться, находиться во власти тех или иных иллюзий и даже ошибочных концепций. Но никто из них никогда не был в школе равнодушных.

Заключительное слово Горького — он закрывает съезд. В его слове — предчувствия надвигающихся смертельных схваток с фашизмом:

«Мы вступаем в эпоху, полную величайшего трагизма, и мы должны готовиться, учиться преображать этот трагизм в тех совершенных формах, как умели изображать его древние трагики».

...Время уходит. Забираю с собой «Севастопольские рассказы», выхожу на Невский.

Артобстрел продолжается.

Ленинград, ставший четвертым бастионом, атакует насмерть.

Филип БОНОСКИ,
американский писатель

В АВАНГАРДЕ СОВРЕМЕННОСТИ

СОВЕТСКАЯ литература произвела особенно сильное воздействие на сознание американцев в тридцатые годы. Правда, ее воздействие чувствовалось уже и в двадцатые годы, когда такие наши журналы, как «Мэссиз», стали знакомить свой сравнительно небольшой круг читателей с первыми образцами советской революционной прозы. И, конечно, советская литература пользовалась несомненной популярностью в Америке в годы второй мировой войны.

Однако могу сказать, что именно в эти бурные для Америки тридцатые годы широкие народные массы впервые в американской истории стали подумывать о возможности революционного преобразования своей жизни и потому с жадным любопытством взирали на единственную в то время страну, которая такое преобразование осуществила на практике. И, конечно, молодая Советская республика как реальный образ представала перед бесчисленными американскими читателями в произведениях советских писателей.

Как раз в это время американцы узнали Шолохова, Гладкова, Леонова, Катаева и, конечно, Горького. Узнали Горького по-настоящему, хоть он издавался у нас и гораздо раньше. Познакомились они также и с Маяковским. Открыла для себя Америка и многих других советских писателей в эти годы. Фадеева знали, конечно, и раньше, но я лично впервые прочел его произведения в тридцатых годах. Это же можно сказать о Фурманове, Блоке, Ильфе и Петрове.

В историю американской культуры 1930-е годы вошли под такими названиями, как «красное десятилетие», «пролетарские тридцатые», и то был первый случай в нашей истории, когда писатели — не несколько одиночек, а вся масса писателей — обратились к новым и таким волнующим концепциям жизни, исходящим от Советского Союза, и когда появился новый литературный герой — рабочий, притом уже не как жертва слепых сил, а хозяин своей судьбы, кузнец собственного счастья.

Этот последний фактор — творцом революционных перемен является рабочий — на меня повлиял самым непосредственным образом, изменив мое мировоззрение.

Советские писатели — тогда и потом, позднее, — дали нам возможность усвоить новую, и в какой-то мере поразительную для нас, концепцию относительно взаимоотношений между писателем и обществом. Это, как известно, одна из тем, обсуждавшихся на Первом съезде советских писателей в 1934 году, на котором присутствовал сам Горький.

Для всех здравомыслящих людей в мире двух путей нет. Все выросло в размерах, все стало чревато более страшными последствиями и угрозами. Хиросимы и Нагасаки новых, еще более чудовищных масштабов тревожат сны человечества. И для художника иного выбора нет, — само его призвание не оставляет ему выбора: все силы своей души он должен отдавать борьбе за предотвращение нависшей над человечеством опасности погибнуть.

Вот почему я надеюсь, что 40-я годовщина Первого съезда советских писателей станет предзнаменованием ваших новых успехов. На ответственности писателей лежит задача — всему миру внушить уверенность, что искусство не спит и что социализм продолжает вдохновлять искусство на просто на любование жизнью, но и на то, чтобы переделывать и улучшать эту жизнь впредь.

НЬЮ-ЙОРК

Фаиз Ахмад ФАИЗ,
пакистанский писатель

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ

С ИМЕНЕМ Горького я познакомился в начале 30-х годов, когда стал студентом Лахорского университета. Нам читали курс западной литературы, и в этом курсе довольно обстоятельно давалась русская классическая литература XIX и начала XX веков. Должен сказать, что после знакомства с творчеством Л. Толстого, И. Тургенева, Ф. Достоевского, А. Чехова я понял все ее величие.

Горького мы воспринимали как продолжателя традиций русской классической литературы, но в иной исторической обстановке, в обстановке, предшествующей Великой Октябрьской социалистической революции.

Позднее, уже став преподавателем литературы в колледже, я более детально познакомился с произведениями Горького, узнал страдания, героизм и беззаветный энтузиазм русских людей.

Среди моих студентов в середине 30-х годов был юноша по имени Саадат Хассан Манто, который впоследствии стал одним из видных писателей на языке урду. С Манто меня сблизил общий интерес к творчеству Горького и Чехова, мы даже перевели на язык урду один из рассказов Горького и пьесу Чехова «Медведь», которая была поставлена у нас в колледже.

Творчество Горького, революционный дух, которым были пронизаны его повести, рассказы и особенно роман «Мать», его выдающийся вклад в антифашистское движение, в создание Союза советских писателей сыграли значительную роль в создании в середине тридцатых годов в Индии Ассоциации прогрессивных писателей. В нее вошли молодые, ныне известные советским читателям талантливые представители прогрессивной индийской и пакистанской литературы: Кришан Чандар, Яшпал, Али Сардар Джафри, Ахмад Надим Касми и др.

Лично я обязан Горькому тем, что после его знаменитого выступления «С кем вы, мастера культуры?» я перешел от чистой лирики к социальной поэзии, поэзии протеста и борьбы против зла и насилия, за жизнь против смерти. Изменилась и моя общественная позиция — я стал принимать активное участие в деятельности Ассоциации прогрессивных писателей Индии, был избран членом ее исполкома и секретарем пенджабского отделения ассоциации.

В те годы не меньшее влияние оказывали Мих. Шолохов и Вл. Маяковский. Шолохов и поныне является самым популярным современным советским писателем в Пакистане и Индии.

Мне представляется, что именно в этот период под воздействием именно советской литературы родились в индийской литературе современный роман и современный рассказ.

Писательский обмен, возможность установить личные контакты с советскими литераторами, активная роль Ассоциации писателей стран Азии и Африки, которая стала регулярно проводить конференции, симпозиумы и другие встречи, способствуют сближению наших литератур.

Новое поколение писателей знает советскую литературу несравненно лучше, нежели в свое время мы знали классическую русскую литературу. Это результат воздействия тех факторов, о которых я упоминал выше.

Больше десяти лет я сравнительно регулярно приезжаю в СССР. Я побывал во многих союзных республиках, встречался с многими людьми, бывал в колхозах и на заводах, принимал участие в литературных юбилеях и в литературных дискуссиях. Я с гордостью могу сказать, что среди моих друзей — Николай Тихонов и Расул Гамзатов, Алексей Сурков и Чингиз Айтматов, Камиль Яшен и Анатолий Софронов и много, много других.

Все это очень интересные люди, каждая встреча с ними дает пищу сердцу и уму. Им посвящена моя новая книга.

ИСЛАМАБАД

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

На соискание Государственных премий СССР 1974 года в области литературы выдвинуты следующие произведения:

В. Быков. Повести «Обелиск» и «Дожить до рассвета».
Д. Кугультинов. Книга стихов «Возраст».
И. Нулнев. Книга стихов «Книга земли».
А. Лупан. Новые стихи (цикл «Магистрали») из книги «Ноша своя».
Л. Мартынов. Книга стихов «Гиперболы».
Мумин Канаат. Поэма «Голоса Сталинграда».
А. Нурпеисов. Трилогия «Кровь и пот».
А. Первенцев. Роман «Секретный фронт».
П. Проскурин. Роман «Судьба».
А. Алексин. Повести последних лет о детстве и юношестве: «Действующие лица и исполнители», «Очень страшная история», «Про нашу семью», опубликованные в книге «Повести и рассказы».

Большинство названных произведений уже получило оценку на страницах «Литературной газеты». В статьях И. Козлова «Многообразие подвига» (№ 8, 1972) и Ю. Бондарева «Человек. Война. Подвиг» (№ 11, 1973) анализировались повести В. Быкова. О книге стихов К. Кулиева писали М. Свавин в рецензии «Щедров сердце» (№ 16, 1973) и М. Дудин в эссе «Платан на площади» (№ 14, 1974). Книгу стихов А. Лупана оценивали П. Бровка — «Корни и крона» (№ 12, 1971) и Л. Аннинский — «Спектр простоты» (№ 14, 1972). Поэму Мумина Канаата «Голоса Сталинграда» отрецензировал Г. Средин — «Голоса героев великой битвы» (№ 31, 1973). Трилогия А. Нурпеисова «Кровь и пот» рассматривалась в статьях А. Марчанко «Вместе с движением истории» (№ 25, 1971) и В. Осноцкого «Вернут расправляет крылья» (№ 20, 1973). О романе А. Первенцева «Секретный фронт» писал М. Зарудный в рецензии «Пришедшие из тьмы» (№ 21, 1973). В. Гура проанализировал роман П. Проскурина «Судьба» в статье «В годины испытаний» (№ 2, 1973).

Сегодня мы публикуем рецензии на книги Д. Кугультинова и А. Алексина.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ ПОИСКОВ

В АВТОБИОГРАФИИ Давида Кугультинова можно найти примечательный эпизод.

— Был голодный год, — рассказывал поэту дядя. — Дед твой всей многочисленной семье нарезал равными долями по тоненькому ломтю хлеба. Ты был тогда еще в материнской утробе. Твоя тетя знала, что скоро умрет. Она не ела свою долю, а, по праву старшей, заставляла есть твою маму...

За этим рассказом проступают и тяжесть пережитого, и удивительное душевное благородство, самоотверженность, и мироощущение самого поэта, сознающего долг по отношению к предшественникам, свою живую связь с ними. Не делись тетка с матерью последним куском, Давида Кугультинова, может быть, не было бы в живых. И уж наверняка не было бы на свете поэта Кугультинова, если бы с детства, как к материнской груди, не приникал он к богатейшему калмыцкому фольклору, впитывая и высокие нравственные принципы, и эстетические идеалы.

«Поэзия никогда не была сладкопеньем, — писал он недавно. — Она всегда выражала облик своего времени, сама же помогая складываться чертам его характера».

Облик времени выражают и стихи самого автора этих слов. Времени, когда его родной народ, который долго, по словам поэта, «шел через простор солончаковый безрадостной истории своей», зажил, как равный, в семье братских наций и племен. Времени, когда казавшееся фантастической гиперболой пушкинское пророчество сбылось — и «друг степей калмык» стал переводить великого поэта, ощущая, как собственных «мыслей мускулы растут». Времени, сблизившего многие народы, культуры, поэтов на их общее благо, поскольку, как метко сказано в новом сборнике стихов Кугультинова «Возраст»:

...свежесть пестроты
Людей совсем иных, чем ты,
Несхожесть их, своеобычность,
И судеб их водоворот
Лишь ярче личность подчеркнет
(Когда она и вправду — личность).

«Поэзия никогда не была сладкопеньем», — и Давид Кугультинов в своих коротких, зачастую афористически звучащих стихах, в поэмах и сказках рисует жизнь во всем ее многообразии, слагая, как говорит он о певце, «песнь, полную веселья и печали». Он не только делит все радости и горести соплеменников и соотечественников, но стремится вмешаться словом в самые трудные вопросы и жаркие битвы, какими занято сегодня человечество. Характерна в этом смысле вошедшая в его книгу поэма «Бунт Разума». Она посвящена трагедии американского интеллигента, которого как бы постигает возмездие за пепел Хиросимы и страдания Вьетнама. Так вновь подтверждается излюбленная мысль поэта о живейшей связи людей друг с другом, о прямой зависимости их судеб друг от друга.

Когда-то Кугультинов писал: «Дайте, дайте первую удачу!.. Чтобы... человек, как молодой орел, прянул в небо и себя обрел, путь свой во вселенной обознача!..» С тех пор у него было немало удач, и они и впрямь помогли ему обрести себя, найти свою дорогу.

Однако поэзия не может стать серийным производством некогда запущенных образцов. Истинного художника всегда отличает трепетное и тревожное счастье поисков. «...Коль пришла любовь, она — робка!» — утверждается в лирике Кугультинова. И эта же целомудренная робость мастера перед своим искусством покоряет в его «Обращении к словам»:

О сколько дней — почти что год! —
Я тосковал без вас, не смея
Ускорить волею своею
Благословенный ваш прилет!
Я знал: вы мне — друзья, как прежде,
И жадно в воздухе ловил
Шуршанья, шелесты, — в надежде,
Что это — взмахи ваших крыл.

Вообще, вовсе не желая блистать парадоксами, я все-таки должен сказать, что в новой книге Давида Кугультинова меня больше всего радуют именно ноты благородной тревоги, неудовлетворенности собой («Друзья похвалят, не переча...», «Верьте, я не слишком рад...»). А судьба вольного скакуна, сделавшегося «плясуном цирковым», сопереживается поэтом столь остро и драматично, что тут и речи нет о каких-либо моралистических нотациях и наставлениях, а паляще, обжигающе, грозно «дышат почва и судьба» настоящего искусства с его вечной совестливостью, суровой требовательностью к себе и беззаветным порывом к настоящей, суровой жизни:

Беззаботно коню, безопасно
В теплом, сытном раю цирковом!
. . . . . .
Но прервал моих мыслей струенье
Марш...
Цветные лучи на арене
Разбежались.
И, словно во сне,
Закружились в бесплодной погоне
Разноцветные жалкие кони,
Жалких львов унося на спине.
(«В цирке»)

Такие стихи дорогого стоят! Порождаемые ими мысли уж никак не походят на тех «жалких львов», которые, случается, мешковато восседают на столь же убогих «конях» строк и строф перед поскучневшими читателями.

Не буду привычно кивать при этом ни на каких других поэтов, не хочу, по выражению Кугультинова, «унижать потоком лести» его самого: есть и в книге «Возраст» стихи скорее с виду многозначительные, чем глубокие по существу. А не сам ли автор сказал: «Многозначительность лица — еще не признак мудреца»?

И как радостно, что в творчестве поэта решительно берет верх другое — умная сердечность, мысль, настоянная на опыте народном, опыте собственном и смело выгребающая на самый стрежень сегодняшних дел и забот.

А. ТУРКОВ

Давид Кугультинов. «Возраст». Стихи. Поэма. Авторизованный перевод с калмыцкого Юлии Нейман. Издательство «Советская Россия». М. 1973.

ПОЕЗДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ТРИ ПОВЕСТИ Анатолия Алексина выдвинуты на соискание Государственной премии СССР. Две из них — «Очень страшная история» и «Про нашу семью» — написаны от лица подростков. Третья — «Действующие лица и исполнители» — от имени автора.

Но вот что примечательно. При всей психологической достоверности «детского языка» в двух первых повестях, при всем несходстве эмоциональной окраски каждой из трех абсолютно ясно, что писал их один человек. И в мальчишеской речи Алика Деткина, рассказывающего свою «очень страшную историю», и в повествовании от третьего лица о самоотверженных рыцарях детского театра слышен голос самого Алексина.

Наверное, в этом и заключен один из главных признаков искусства: при любых метаморфозах, какие допускает художническая фантазия, не утратить своего человеческого, личностного «я». Когда у Алексина рассказчиком выступает тринадцатилетний, с нами говорит не «сконструированный», воображаемый персонаж, а ребенок, живущий в душе взрослого. Именно поэтому исповедальная детская речь в повестях Алексина — стиль, про который сказано, что это человек. Стиль, а не стилизация «под ребенка».

В книгах Алексина мы не найдем двух разных этажей — верхнего, принадлежащего исключительно взрослым, и нижнего, где обитают дети. Для писателя равно не возможен ни взгляд на детей сверху вниз, в духе авторитарной педагогики прошлого, ни модный нынче взгляд снизу вверх, породивший на Западе целое «антиавторитарное» направление в детской литературе. Дети у Алексина не боги, перед которыми надлежит подобострастно заискивать. Но и не низшие существа, для коих боги — это взрослые. Они — пусть менее опытные — равноправны с взрослыми в главном: в нравственно человеческом отношении. И во всех трех повестях выступают как подлинные участники жизни.

Они участники жизни и тогда, когда совершают свои якобы сугубо ребячьи дела, как в «Очень страшной истории». Потому что эти дела обязательно затрагивают всех. И тогда, когда, подобно герою повести «Про нашу семью», непосредственно пытаются влиять на отношения взрослых. И даже тогда, когда с волнением смотрят спектакль, как в повести «Действующие лица и исполнители». Между юным зрителем и актером неразрывная духовная связь.

Три повести — три сферы жизни, как стороны треугольника, в центре которого — ребенок. Одна сторона — семья. В ней закладывается фундамент будущей личности, вырабатываются под воздействием примера отца, матери, вообще старших первые нравственные понятия, отношение к труду, к обществу. Другая сторона, отраженная в «Очень страшной истории», — школа. Здесь маленький человек не просто получает знания. Здесь он впервые осуществляет себя в деятельности, закаляется физически и морально, приобретает навык коллективной жизни. И, наконец, третья сторона — искусство с его собственной, только ему доступной ролью в этическом и эстетическом обогащении юной души.

Впрочем, деление это условно. Школа, семья, искусство равноправно входят в каждую из алексинских книг, как входят в них, составляя органические черты стиля, и юмор, и лирика, и публицистическая страстность. Другое дело, что писательский замысел всякий раз высвечивает и выдвигает на первый план, на авансцену что-то одно, оставляя другое как бы на периферии. Но жизнь, отраженная в книге, не теряет полноты и цельности. И юный герой, взятый, казалось бы, лишь в одной ипостаси, — сын своих родителей, школьный товарищ, театральный зритель, — остается связанным с жизнью мириадами тончайших нитей.

Может быть, самое важное, что удается писателю, — это убедить нас в необходимости каждой из этих тончайших нитей, поскольку и мимолетный взгляд или походя оброненное слово могут ненароком разорвать какую-то из них, непоправимо преломившись в сознании, в судьбе растущего человека. Не оттого ли буквально каждая алексинская повесть зовет детей и взрослых к взаимной ответственности, к обоюдному служению? Юных читателей автор увлекает примером их сверстников, умеющих переживать не одни лишь собственные радости и огорчения, но и радости и беды окружающих, бросаться — по первому зову сердца — на помощь, критически осмысливать свои поступки еще до того, как они совершены. А взрослым Алексин вменяет в обязанность быть достойными беззаветной детской веры в справедливую мудрость и добрую силу старших.

Обычно дети и взрослые у Алексина дружат. Бывает, однако, что между ними возникают несогласие, конфликт. Но это не конфликт поколений. Это всегда схватка добра со злом, порой таким, какое еще вчера могло казаться достаточно безобидным.

Алексин как-то особенно остро ощущает любую диспропорцию между интеллектуальным потенциалом и инертностью нравственного сознания, склонного порой снисходительно мириться с тем, что принято считать «обычными человеческими слабостями». Например, бестактностью, глухотой души, мелкой эгоистической расчетливостью.

Дети — наше завтра — выступают в повестях как носители своего рода «метасистемы» ценностей, где доброта и самоотверженность в их коммунистическом значении превращаются в единственно возможную форму человеческого поведения.

Обязанность быть добрым утверждается всей удивительно чистой и на редкость здоровой духовной атмосферой повестей Алексина, его прямой верой в возможности каждого. Юные учатся у старших. Но, принимая от конкретного взрослого человека эстафету гуманизма, юный человек, воспитанный не только семьей в обычном понимании, но и всей огромной, прекрасной семьей советских людей, вносит порой свои нравственные коррективы.

К примеру, один из героев Алексина поучал сына, что жизнь — это «маршрут от станции Рождение до станции Смерть», который надо пройти, не сбиваясь с пути и не выходя из графика. Сын же думал о поездах и самолетах, которые идут вне графика и расписания. Это самолеты и поезда особого назначения. Самые важные. Они помогают. Они спасают...

Повести Анатолия Алексина — это поезда особого назначения. Их бесценный груз — человеческое благородство и деятельная доброта, которые так необходимы всегда — и вчера, и сегодня, и завтра.

Игорь МОТЯШОВ

Анатолий Алексин. «Повести и рассказы». Издательство «Детская литература». М. 1973.

ГРАНИ РАБОЧЕЙ ТЕМЫ

Сергей САРТАКОВ

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ

ХОРОШО ботаникам, геологам и вообще всем тем, кто имеет дело с точно разработанной научной терминологией! Открывают они справочник, сравнивают цветок или камень с подробным описанием его — все сходится! — и кладут в рюкзак.

В литературе так не получается. То есть роман от пьесы или поэмы, разумеется, отличить можно с полной уверенностью, а вот, допустим, определить, психологический это роман или производственный, любовный или бытовой, совсем не просто: «чистопородные» произведения редко встречаются. Обычно приходится иметь дело с «гибридами», и подчас весьма отдаленных скрещиваний. Попробуй разберись.

Возможно, именно поэтому в дискуссии «Грани рабочей темы», закономерно привлекшей внимание и писателей, и критиков, и читателей, спорящие стороны зачастую апеллировали к одним и тем же повестям, романам, стремясь защитить порой полярно противоположные суждения. Одни доказывали: произведения эти написаны на рабочую тему. Другие, в противовес, утверждали, что по ряду бесспорных признаков они к рабочей теме как раз прямого отношения не имеют.

Один и тот же персонаж представал то обладающим достаточным набором личных свойств, чтобы получить право быть зачисленным в герои романа, написанного на рабочую тему, то казался совсем не обладающим такими свойствами. Термин не точен? Или мысль писательская не отчетливо выражена, не ясна идейная сущность произведения?

Мнения сталкивались, расходились. Кто же он, герой, олицетворяющий собою творческий рабочий класс нашего времени? Тот ли, кто отлично и вдохновенно работает, хотя у него, может быть, и недостаточно развиты духовные свойства и в повседневной жизни он далек от нравственного идеала? Или тот, чей кругозор широк, кто принципиален и честен в вопросах общественной морали и вообще всем хорош, но в труде видит только источник заработка, а потому труд признает лишь как необходимость? Кого писателю избрать как некий положительный образец? И даже без особого акцента на положительность...

Ну что же, дискуссия есть дискуссия, и в споре рождается истина. Свой добрый след оставят и «Грани рабочей темы». Этот спор дал толчок новым мыслям, подчас неожиданным, и утвердил основное: рабочий класс — ведущая сила современности, что и определяет собою важнейшее место, которое он по праву должен всегда занимать в литературе, и «рабочая тема» должна в ней играть всеми своими бесчисленными гранями.

Однако меня не покидает беспокойная мысль о том, что за деревьями иногда теряется лес, в лесу же порой не видно деревьев, а жизнь настолько сложна и многообразна, что применительно к художественной литературе прочертить отчетливую грань между социальными группами нашего современного общества весьма затруднительно. И «рабочая тема» как таковая — термин настолько расплывчатый, что ориентироваться на него — это плыть по реке, где фарватер обставлен не как положено, красными и белыми, а пестрораскрашенными многоцветными бакенами.

В моей памяти возникают впечатления детства и юности. Поток людей, текущий по улицам. Стоило только вслушаться в речь многоголосой толпы, приглядеться к одежде, внешнему облику, и можно было, допустим, не очень легко, но все-таки определить социальную принадлежность этих людей: кто служащий, кто ремесленник, кто деревенский мужик-пахарь.

Сегодня, в вагоне ли электрички, в автобусе или на улицах города, в зале театра, сумейте-ка определить безусловную принадлежность человека к той или иной социальной группе! Я уж не говорю — по внешности, а вступите в беседу с ним — по образу мыслей, кругозору, чистоте речи. Попробуйте среди лично вам не знакомых людей завязать разговор на сложнейшие темы — политические, философские, экономические — или затеять обсуждение новинок литературы, искусства. Не выпытывая анкетных данных у своих собеседников, сомневаюсь, чтобы с достаточной точностью удалось распознать, кто есть кто.

Это следствие главной линии развития нашего общества, постепенного сглаживания, стирания противоречий между физическим и умственным трудом. Это конкретное доказательство успешного движения развитого социалистического общества к коммунизму.

Поэтому стремление чеканно «классифицировать» героя современного художественного произведения — да и сами произведения — кажется мне стрельбой по квадратам.

А между тем без определенных терминов, конечно, тоже не обойтись. Словом, пока не освоена человечеством термоядерная энергия, приходится жечь уголь и нефть. При всем несовершенстве и расплывчатости многих терминов в литературном деле мы все же вынуждены ими пользоваться.

И тогда: далека ли «рабочая тема» от прежнего «производственного романа»?

Тут опять можно дискутировать о точности применения терминов, но бесспорно то, что одно время словосочетание «производственный роман» носило явно иронический оттенок. Считалось, что «производственный» — это такой роман, который больше похож на технологический трактат в хорошем литературном изложении или на художественный отчет о работе промышленного предприятия.

В пылу прежних баталий, во многом вполне справедливых, существовало все же и чрезмерное преувеличение недостатков; в столь гиперболически чистом виде «производственный роман», мне думается, вообще никогда и никем не был написан. С большей или меньшей глубиной и полнотой в нем непременно разрабатывались и характеры, и общественные конфликты, и бытовые стороны жизни. Губила репутацию такого романа не технология производства, необходимо изображенная в нем, а невысокая степень мастерства писателя. Гранить алмазы — великое искусство. Написать роман о гранильщиках алмазов — искусство еще более великое. Гранильщик, как творец красоты, имеет дело только с алмазом, писатель, в таком же качестве, должен дело иметь и с алмазом, и с гранильщиком, и с теми, для кого гранильщик шлифует драгоценные камни, а главное — не упиваться только красотой, но помнить и о суровой правде жизни.

Так или иначе, а «производственный роман» получил негативную оценку. Многие писатели стали как-то сторониться этого жанра, полагая, что не достигнут в нем успеха, не покорят читательских сердец.

И вот в последнее время мы радостно становимся свидетелями того, что пьесы, стихи, романы, созданные в нашей многонациональной литературе на «рабочую тему», стремительно охватывают широкий круг читателей и завоевывают их благодарное признание. Само развитие общественной мысли доказывает, что, если художественных произведений, в которых, говоря словами А. М. Горького, главным героем является труд, а точнее — человек, организуемый процессами труда, что, если таких произведений — не счетом, разумеется, а ярких, талантливых — не будет в достатке, читателю придется довольствоваться неполновесной, «безбелковой» духовной пищей. Она удовлетворить его никак не сможет. Нынешнее «возвращение» литературы к главному содержанию нашей жизни, возвращение на более высокой профессиональной основе — в чем также нет сомнений — становится вполне закономерным, как закономерен и повышенный к ней читательский интерес.

Дискуссия о «гранях рабочей темы» как будто завершается. Желанная ясность, как понимать рабочего — героя наших дней, вообще-то говоря, угадывалась уже и с самого начала. Теперь спорящие стороны и здесь дружно подтвердили одну несомненную истину. Истина эта — в самой жизни.

А жизнь действительно усложняется в век НТР. Происходят беспрестанное и перекрестное взаимообогащение наук и их слияние. В чистом виде, к примеру, физика хотя и продолжает, и будет существовать, но, соприкасаясь с химией, на «стыках» с нею она еще щедрее приносит новые успехи. Серьезной, перспективной наукой становится бионика. Мы изучаем естественные процессы в живом мире и поверяем их математикой. Мало какая наука ныне остается в отфильтрованном виде, отчужденной от других наук. То же самое свершается и в литературе. Повторяю, сейчас почти уж нет «чистопородного» жанра — только производственного, или бытового, или любовного, или приключенческого. В той или иной степени все эти элементы органически сплетаются между собой.

И силой растаскивать их нет надобности.

Век НТР, новые люди, характеры. Если речь идет о герое, который больше всего должен был привлекать читательское внимание и должен быть, по замыслу автора, особо любим читателями как нравственный образец, я не могу согласиться, чтобы такие герои, а это, похоже, ныне входит в некую «литературную моду», были обязательно людьми жесткого и даже беспощадного характера. Понимаю, что появляются они как закономерная форма резкого протеста против убаюкивающей, мелкотемной и беззубой литературы. Да, время требует: должны быть у нас такие люди. Должно быть много таких людей. Не тщусь свергать их с высокого пьедестала, они, разумеется, хорошие, преданные делу люди, но думаю, что их жесткую рационалистичность, неприятную колючесть, эмоциональную оскудненность всегда преувеличенно определять как общественный идеал. Мне думается, что здесь как раз и присутствует тот своеобразный взгляд на возможность существования, подобно литературному жанру, «чистопородного» характера эпохи НТР — фанатичного «аналитика», коему за это его главное качество прощается все остальное.

А духовное совершенствование человека не может быть сопоставимо с темпами развития науки, техники, оно не пропорционально скорости внедрения в жизнь открытий и изобретений технического порядка. Если согласиться с мыслью, что здесь существует прямая зависимость, это означало бы, что не только каждое новое поколение, но даже на протяжении лишь собственной жизни человек несколько раз должен в корне изменить все присущие ему свойства.

Конечно, человек эпохи научно-технической революции — это качественно иной человек. Но это не значит, что он постепенно — и тем более вдруг — превращается в сухого делягу в связи с тем, что в его жизни все большую роль занимает машина. Узкая специализация, которая сейчас необходимо происходит в науке, технике, в производственных процессах, не влечет за собой такую же специализацию чувств в человеке.

Влияние НТР на человека, по моему мнению, выражается не в коренном и взрывчатом преобразовании его характера, а в том, что интеллект его становится шире, многограннее, всеохватнее. Сочетание же разнообразных свойств характера в человеке подобно менделеевской таблице химических элементов. Ее основа, казалось бы, вечна, незыблема, как и известные образующие ее элементы. А между тем бегущие годы откладывают на нее свой отпечаток. Так, скажем, уран и алюминий (имея здесь в виду их практическое значение) ныне приходят в иное соотношение с золотом и серебром, чем было ранее, а современная физика умеет преобразовывать одни вещества в другие. «Таблица свойств души человеческой» подчинена таким же законам, ничто в ней не исчезает совершенно. Однако социальные преобразования в нашем обществе со всей неизбежностью влекут за собою усиление одних свойств и ослабление других. Но не способом взрыва.

Усложненность задач литератора в эпоху НТР я вижу в его неизмеримо возросшей ответственности за свое слово перед читателем. Если в не столь уж отдаленные годы писатель в силу своего таланта, образованности, умения зорко схватывать главное в жизни, естественно, мог обладать повышенным авторитетом перед читательскими массами — знал больше, ярче и аргументированнее высказывал свои мысли, — то в наше время весь читательский круг поднялся на неизмеримо высокий уровень и по образованности, и по остроте восприятия художественных образов, и по глубочайшему пониманию любых проблем, стоящих перед обществом. Нынешний писатель, конечно, не в состоянии до тонкости постичь все сложности научно-технического прогресса, тут вряд ли будет под силу ему состязаться с инженерами и академиками, а состязаться все же надо, дабы не оказаться профаном, затрагивая мир науки, но что касается общественной, политической, психологической сторон жизни — вот тут в особенности! — писатель не может быть приблизительным. Конфликты, существующие в современном обществе, и в смысле социальном, и чисто человеческом, интимном, ему должны быть видны, словно на ладони.

Иначе ему не проникнуть в читательские умы и сердца. А стучаться в дверь, не рассчитывая на отклик, — лучше и не стучаться.

Ныне врачу недостаточно молоточка и стетоскопа, чтобы поставить уверенный диагноз, — он требует все новых и новых приборов, инструментов, аппаратуры. Так и писатель не может сейчас оставаться творчески застывшим, он должен находиться в непрестанном поиске нового. Но в каком направлении? Как? Даже попытки подсказов здесь невозможны и были бы самонадеянны и самозванны. Все, что говорилось, — это лишь размышления вслух. И не больше.

Однако не думаю, что надо вручную распиливать шар земной пополам в надежде подержать половинки его на ладонях и своими глазами увидеть раскаленную магму, не думаю, что на путях поспешной ломки национальных традиций, «акробатического» построения того же романа, пьес, стихов нас могут ждать большие и устойчивые успехи. Не вижу существенной пользы и во всякого рода безмысленном фокусничестве, в формалистических изысках. Мне представляются бесплодными все эти направления. Поставленные в вазу цветочки, конечно, некоторое время покрасуются, а затем неизбежно завянут, завязи, семян у них не будет. Не считаю я также, что писателя возвышает манера запанибратски обращаться со словом, с такой степенью вольности, когда оно становится непонятным читателю и превращается в пустую погремушку.

Мне думается, что и в достаточно свободных пределах существующих издревле законов естественного развития языка, чуткого и бережного совершенствования литературных приемов и форм, при разработке магнитно притягивающих читателя крупных характеров современника в крупных масштабах его созидательной деятельности — в чем во все времена, а ныне в особенности, неизбывна нужда — писателю еще предстоят многие удивительные и волнующие открытия.

Надо только искать и искать. Всегда искать.

И здесь, может быть, мы находимся в преддверии нового обмена мнениями, живо возбуждающего творческую мысль.

Что никогда не бесполезно.

ОТ РЕДАКЦИИ

Сегодня мы завершаем дискуссию «Грани рабочей темы», начало которой положили полемические заметки критика Б. Анашенкова. Разговор на магистральную тему советской литературы развернулся в газете (№№ 1, 6, 7, 9, 10, 15, 19, 22, 24, 25, 28, 29, 30) в знаменательный год — год сорокалетия Первого всесоюзного съезда советских писателей.

Рабочая тема — важнейшая тема советской литературы с первых дней ее истории. В эпоху НТР эта традиционная тема нашей литературы обретает новое дыхание, новые аспекты и параметры. Об этом писали в своих статьях писатели и критики Ю. Антропов, Г. Гулиев, М. Колосников, А. Медников, Ф. Мусин, В. Сирнос-Гиря, Д. Тевекелян, В. Шепошников, Г. Щенников. Грани рабочей темы обсуждались на заседаниях «круглого стола» «ЛГ», которые состоялись в Новосибирске, Киеве — на ордена Ленина заводе «Арсенал», в Минске — на ордена Ленина заводе ЭВМ имени Г. К. Орджоникидзе. В обмене мнениями участвовали рабочие, инженеры, партийные работники, а также писатели и критики А. Адамович, М. Арочко, А. Бочаров, Я. Баш, Ю. Бедзик, А. Греченков, П. Загребельный, А. Кулаковский, В. Коньяков, И. Лавров, А. Макаёнок, Р. Мустафин, Ю. Оклянский, Г. Панджикидзе, А. Плитченко, М. Рудь, Н. Самохин, А. Сизоненко, В. Собко, И. Шамякин, А. Черноусов и другие.

Основные аспекты дискуссии — границы рабочей темы, новые проблемы, которые ставит сегодняшний день перед литературой, соотношение этих проблем с характером героя современности — рабочего, инженера, ученого. В круг обсуждения были вовлечены многие произведения последних лет. Участники дискуссии выступали против расширительного толкования понятия «рабочая тема». Первостепенный критерий здесь состоит в том, насколько глубоко и правдиво отражается в художественных произведениях все возрастающая социальная роль рабочего класса нашей страны, насколько полно выявляются его мировоззренческие основы.

Дискуссия завершена, но разговор о магистральной теме современной литературы, естественно, не исчерпан. Ведь ее проблемы, ее поиски — это проблемы и поиски всего советского искусства, главной задачей которого во все времена остается глубокое познание современника.

АРХИВ «ЛГ»

ПЕРЕД БОЛЬШИМ РАЗГОВОРОМ

Первому всесоюзному съезду советских писателей предшествовала большая подготовительная работа Оргкомитета ССП. За два года своего существования он провел три пленума и ряд совещаний, на которых обсуждались организационные и творческие вопросы, шел откровенный и деловой разговор о путях развития советской литературы.

Ниже приводятся отрывки из хранящихся в ЦГАЛИ СССР стенограмм пленумов и совещаний Оргкомитета. К печати материалы подготовили научные сотрудники архива А. Н. ВАЖЕНКОВА и А. В. ГУТЕРЦ.

В. СТАВСКИЙ:

К съезду писателей очеркисты нашей страны идут с большими победами. Такие книги, как «История фабрик и заводов», написанные в очерковом жанре, пользуются заслуженным уважением и любовью сотен тысяч читателей. Очерковая книга «Люди Сталинградского тракторного завода» выдержала не одно издание и является, как сказал А. М. Горький, огромным событием в нашей литературе.

Читатель — а это читатель многомиллионный, а это читатель, который чрезвычайно вырос, — жадно хочет знать о том, что делается в нашем Союзе. Его интересует и то, какие победы одержаны в Арктике, и то, какое строительство развертывается в Балхашском округе, и то, как крепнет оборона страны, какие люди составляют кадры защитников нашей Страны Советов. Очерк является наиболее оперативной формой и оперативным жанром. Собственно говоря, нет такой области, пожалуй, где бы не успели побывать наши очеркисты, о которой они не поведали бы читателю. Но этого мало. Вопрос стоит о том, в какой мере успешна работа очеркистов, удовлетворяет ли она нашего читателя в полной мере.

Я помню беседы свои на Кубани, в Кабарде с колхозниками. Особенно запомнилась, врезалась в память беседа со стариками, участниками краевого слета стариков — инспекторов по качеству, которые с гордостью заявляли: мы победители, мы в особо тяжелых условиях построили колхозы, и мы требуем от писателей — расскажите, как мы работаем, сделайте нас известными всей стране и покажите нам такую хорошую жизнь, чтобы мы захотели жить, чтобы мы научились жить по вашему очерку, по вашему произведению. Наша задача — удовлетворить их требования.

(Из выступления на Всесоюзном совещании по художественному очерку 5 июня 1934 г.)

Н. ДЕМЕНТЬЕВ:

У нас происходит уплотнение культуры. Сейчас культура проникает в каждый производственный центр.

С каким людским материалом мы имеем дело? Мы имеем дело со строителями социализма. Но абстрактного строителя, строителя «вообще», не существует. Существуют строители социализма на определенных, конкретных участках. Основная характерная черта этого строителя — ответственность не за социализм вообще, а за социализм на каком-то конкретном, определенном участке. А через это — и за дело всеобщее.

Многие неудачи в изображении наших строителей, передовых людей эпохи проистекают именно от того, что писатели совершенно не знакомы на личном опыте с тем, что такое чувство ответственности за конкретный участок. Они не представляют себе, что значит работать в производственно организованном коллективе. Имеется очень много случаев наездов бригадами и в одиночку, проживания по неделе, по две на том или ином строительстве, но все это может дать только поверхностное представление о работе людей, поверхностное представление об их характерах и ощущениях, потому что у писателя нет самого главного — нет ощущения его личной ответственности за то общее, новое, конкретное дело, которое выполняют все окружающие его. В силу таких наездов, бригадных или одиночных, писатели являются выключенными из общего настроения, из общего чувства того коллектива, в котором они только присутствуют.

У нас очень часто писатели находят какой-то материал, а затем сразу садятся и почти набело пишут то или иное произведение. Это ненормально. Всегда имелась какая-то промежуточная форма между материалом и законченным литературным произведением. В XIX веке наиболее плодотворной промежуточной формой были письма. Прочтите письма Флобера, письма Пушкина. Везде в этих письмах мы видим черновую колоссальную переработку, еще дискуссионную, того материала, который откладывается в «Мадам Бовари», в «Евгении Онегине».

У нас личная переписка, в силу исторических причин, увяла. Есть целый ряд других возможностей для сообщения своего мнения: печать, журналы и газеты идут на смену письмам. В газете можно общественно поставить и проработать материал в форме художественных очерков, публицистики, материал, еще не выкристаллизовавшийся в образы. Журналистика дает тот запасный фонд, из которого писатель в дальнейшем будет черпать свою мысль и свои образы.

(Из выступления на Всесоюзном совещании по художественному очерку 5 июня 1934 г.)

С. ГОРОДЕЦКИЙ:

...Чрезвычайно важно, чтобы писатель вплотную поставил перед собой вопрос о языке. В поэзии проблема языка обостряется. Мы не можем писать языком, который не был бы доступным всем. Сейчас, например, строится метро. Туда приходит мальчишка из глуши, он только-только научился читать, но через три месяца он становится человеком современной действительности.

Основной тезис, который я выдвигаю, это то, чтобы не идти ни на какое снижение, давать самому массовому, самому непросвещенному читателю всю сумму той культуры, которой мы владеем, но давать простым современным языком.

Теперь о поэме. Вот приехал Янка Купала, подарил мне свою книгу. В этой книге — перевод на белорусский «Слова о полку Игореве». Превосходный перевод, равного которому мы не имеем еще.

Несмотря на то, что я лет 40 знаю «Слово о полку Игореве», я в первый раз проанализировал его структуру и увидел, что в нем использован тот же самый прием, которым написаны «Двенадцать» Блока. «Слово о полку Игореве» по своей структуре является циклом лирических стихотворений, которые составляют единое целое. Это стилевой прием, который мы наблюдаем во всех попытках написать большую советскую поэму.

Все наши поэмы, начиная с классического произведения «Двенадцать» Блока, написаны тем же стилевым приемом, что и «Слово о полку Игореве». Мы потеряли пушкинский канон, то есть эпический рассказ с планомерным развитием событий, с полным показом портретов и лиц героев, с ростом противоречий, с могучей катастрофой и развязкой, которая бы ударила вас по лбу, — такой тип произведения мы забыли. Нужно к этому вернуться. Нужно в противовес разбросанным лирическим стихотворениям построить могучую по плану, столь же строго продуманную по плану, как продумывается план наших строек, поэму.

(Из выступления на III Всесоюзном пленуме Оргкомитета 9 марта 1931 г.)

М. ПРИШВИН:

Я пережил две эпохи — эпоху декадентскую и революционную. Я помню, как в декадентскую эпоху сегодня писатели писали очень талантливо, а завтра лопались, как пузыри, и люди в недоумении спрашивали, где ж эти таланты.

Поэтому я решил, что даже если верно, что у меня есть талант, я должен его беречь, чтоб он не лопнул. Возвысишься сразу или впадешь в уныние сразу — талант лопнет. Я это теперь осознал и стал думать, как сохранить его, чтобы пользоваться им до гробовой доски.

Я думал над этим и пришел к выводу, что сохранить и охранить талант можно знанием. Нужно много работать над собой. Я был неплохим научным работником и знал, как надо работать в научной лаборатории. Почему, думаю, не применить те же твердые методы для обработки своего таланта? Я исхожу из того, что если мне сегодня кто-нибудь нравится, что-нибудь блеснуло в жизни, я должен не сразу писать, а изучать. С этого, я считаю, нужно начинать. Меня, например, не интересует беллетристика, а интересует очерк, потому что он на границе с наукой. В искусстве, в живописи меня интересует гравюра, офорт.

Если что-нибудь изучаешь, то не нужно быть наивным, думая, что непосредственно знаниями и напишешь. Этого никогда не бывает. Я вам приведу здесь сравнение с летучей мышью. Если вы сделаете квадратики из проволочки и потом всю комнату ими оплетете, то летучая мышь, ночью летая по комнате, не зацепится ни за один квадратик. У нас же современный человек проявить такую «интуицию» не может. Он должен пройти через освоение человеческих знаний. Я сначала проволочки изучу, а потом через них полечу... Но не надо думать, что если ты изучил проволочки, то этим самым ты что-то сделал, — ты подготовил только почву для того, чтобы лететь. Ты проделал то, что отличает человека от летучей мыши, ты освоил знания людей, которые работали над этим предметом.

(Из выступления на Всесоюзном совещании по художественному очерку 6 июня 1934 г.)

Иосиф ИГИН

УЛЫБКИ ТОЙ ПОРЫ

В толпе, запрудившей Большую Дмитровку, возле Дома союзов я увидел Веню Рискинда — автора скетчей, реприз и куплетов, исполняемых эстрадными актерами. Билетов на Первый съезд писателей, куда и стремилась толпа, у нас обоих не было. Зато у Вени была идея. Он потащил меня во двор соседнего дома, там стояла стремянка и валялся моток электрошнура.

— Бери! — сказал он.

Таким образом, один с мотком шнура, а другой со стремянкой на плече и альбомом под мышкой, с криком «монтеры!» мы прошли мимо расступившихся контролеров.

Оставив под лестницей стремянку и шнур, мы взбежали на второй этаж и нырнули в ближайшую ложу.

И вдруг я увидел... Горького. Совсем близко.

Слегка ссутулившись, он сидел за столом президиума. Отчетливо были видны морщины над сдвинутыми бровями, глаза, внимательно смотрящие в зал, большие рыжеватые усы, крупная рука, зажавшая между пальцами мундштук, в котором почему-то не было сигареты. Изредка рука с мундштуком слегка ворошила усы. Этот естественный, в чем-то даже домашний жест снял охватившую меня в первый момент растерянность.

Я раскрыл альбом...

Во время перерыва там же, в Колонном зале, я встретил моего учителя, профессора Полиграфического института Льва Александровича Бруни. Узнав о способе моего проникновения на съезд, он достал для меня гостевые пропуска на три заседания...

Прошло сорок лет. Публикуемые сегодня шаржи на М. Горького, А. Толстого, Ф. Гладкова и Вс. Иванова предлагаются вниманию читателей не в первозданном виде. Они доработаны с учетом техники газетной печати и в соответствии с нынешними требованиями автора к своим рисункам.

СТРАНИЦЫ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Н. МАР, специальный корреспондент «Литературной газеты»

В КАРАЧАРОВЕ, НА ВОЛГЕ...

1.

Такой географической карты еще не существует. Но когда картографы возьмутся ее делать, а уверен, что привольное Карачарово, много веков назад взбежавшее на берег Волги, займет на этой карте свое достойное место. И не только потому, что здесь, невдалеке, давным-давно пролегла дорога, соединившая Москву с Петербургом, которую каждый из нас знает по бессмертной книге Радищева.

И в наше время поселок этот давно снискал право быть помеченным на карте истории отечественной литературы. Несколько лет назад Константин Александрович Федин, возвратившись осенью в Москву, рассказывал мне о своей «летней жизни»:

— Именитое место Карачарово: Волга, старый тенистый парк, тихие леса, простор лугов... Карачарово приятно всем, а писателям — особенно. Поэтому мы с дядей Ваней и нынешнее лето провели там вместе...

...Я отправился в Карачарово тоже к «дяде Ване». Но, перед тем как рассказывать, зачем ехал и кто такой «дядя Ваня», приведу одно любезно предоставленное мне К. А. Фединым письмо. Пятьдесят лет назад, в 1924 году, К. А. Федин завершал работу над романом «Города и годы» и, конечно же, очень устал и нуждался в отдыхе. Но отдохнуть удалось лишь летом следующего года. 27 мая 1925 года он писал сестре Александре Александровне в Саратов о том, что выезжает:

«...к куму и душевному другу Соколову-Микитову в Смоленскую губернию. Наверно, проживу там до половины июля... Может быть, останусь подольше. Подумаю выстроить себе на деревне этакую — черт побери! — виллу. Чтобы подальше от суеты. Поближе к созерцанию. Не знаю, что из этого выйдет.

...Обо всем этом напишу из деревни. А пока — молю Христом-богом: пиши туда почаще!.. Вот адрес: почтовое отд. Бабынино-Угра. Смоленской губернии, село Кислово, И. С. Соколову-Микитову, для меня. Запиши! Запомни! Не напутай! Не сбейся! Именно в том порядке, как записано у меня, не иначе. Не иначе!

Золотая моя, в остальном у меня по-старому... Роман славословят и ругают одновременно, черт ногу сломит! Весь мир шлет мне письма... За переводы — ни копейки! Очень, пишут, хороший роман. Можно сказать — эпоха! Ну, а насчет чего прочего, так у нас с СССР никаких конвенций...»

Первая памятная поездка К. А. Федина в смоленские леса к «куму и душевному другу» И. С. Соколову-Микитову много значила в более чем полувековой дружбе двух писателей, но об этом — чуть ниже. ...А сейчас, в промытый дождями августовский день, отправимся из Москвы в Карачарово, которое связано с именами многих литераторов, в том числе Александра Твардовского, Константина Федина и, конечно же, «дяди Вани» — самобытного русского, советского писателя, человека удивительной судьбы, больших душевных сил и мужества — Ивана Сергеевича Соколова-Микитова.

Да, он именно такой. Ивану Сергеевичу идет девятый десяток. Некогда крепкий, богатырского здоровья пахарь, охотник, рыболов, путешественник, матрос, воздухоплаватель, солдат и, наконец, писатель, открытый Буниным и Горьким, он несколько лет назад ослеп. Иван Сергеевич, однако, не сломился, не опустил рук. Он продолжает творить: его новые книги выходят в свет, будущие — пишутся...

...Вот я и отправился в путь, чтобы побеседовать с Иваном Сергеевичем в милом его сердцу Карачарове, где вместе с супругой — верным другом Лидией Ивановной — летом он обычно живет в небольшом деревянном домике, стоящем в лесу, невдалеке от Волги.

2.

Иван Сергеевич радушно встретил меня в тесноватой горнице и спросил:

— Вы впервые в Карачарове? А мы с Лидией Ивановной здесь уже 22 года живем... Места привольные! Тверские леса и Волга... Первое время мы даже зимовали, а теперь только на лето приезжаем... Пройдемте в мою келью...

Опираясь на руку Лидии Ивановны, постукивая тростью, он прошел в соседнюю комнату, сел в привычное кресло в углу, рядом со столом, на котором теснились магнитофоны, диктофоны и горки исписанных лент... Уже давно будущая книга занимает память и душу этого человека, которому несколько лет назад жизнь учинила столь суровое испытание. Хозяин «кельи» молчит, тихо постукивает тростью о пол, то и дело пьет чай из чашки, которая стоит перед ним на привычном месте. Молчит, думает, вспоминает. Я прошу его рассказать о себе.

— О себе? Что же тут рассказывать? Да, шесть лет назад внезапно отказал левый глаз, а года четыре — правый, и врачи сказали, что ничего уже сделать нельзя... Так что все это время я ничего не вижу, не могу читать и писать... Невеселое дело! Как говорится, и врагу не пожелаешь... Всю жизнь путешествовал, плавал, ходил, бродил, а теперь никуда не выезжаю... И все равно — писать хочется, писать надо...

— Как же вы сейчас работаете, Иван Сергеевич?

— Диктую! Техника, как видите, под руками: магнитофоны — штука немудреная... Конечно, лучше всего диктовать машинистке. И очень важно, кому именно диктовать — своему, родному, близкому или чужому человеку... Когда ослеп Аксаков, он диктовал родной дочери: она, конечно, все понимала, ей все написанное, задуманное отцом было близко... Когда Лидия Ивановна не болеет, а это, увы, редко бывает, тогда я диктую ей. Но чаще всего приходится иметь дело с «механикой». Трудновато...

Хозяин дома скромен, он не говорит о том, что минувшие годы были для него отнюдь не бесплодными. В 1969 году в Ленинграде вышла его книга «У светлых истоков», в 1971 году — в Москве — «Звуки земли», в 1972 году — «Год в лесу»... И все эти книги были задуманы и подготовлены Иваном Сергеевичем уже тогда, когда он потерял зрение.

Мы часто говорим о нравственном мужестве нашего современника, восхищаемся и пишем о душевной отваге шахтеров, моряков, геологов, нефтяников... Иван Сергеевич тоже знает многих таких необыкновенных людей и увлеченно пишет о них. Но, слушая его, я думаю о том, что мы очень редко пишем о такой стойкости духа в нашей литературной среде...

— Чем же вы заняты сейчас? — спрашиваю Ивана Сергеевича.

— Вот уже три года диктую новую книгу. Она называется «Давние встречи». Ее герои — люди известные и простые, с которыми меня сводила судьба. Родился я под Калугой, долго жил на Смоленщине, в глухих лесных углах, в русской деревне, которой суждено было на ее давнем веку повидать много трудного, но и светлого тоже. Отсюда я ушел в жизнь... Долго бродил по земле — охотничал, работал на реках, больших и малых, русского мужика слушал и жизнь его нелегкую видел... А потом армия, война, Октябрьская революция, плавание по морям-океанам простым матросом, Англия, Германия и снова родная земля... Многих людей повстречал я на своем веку. Это крестьяне, рабочие, охотники, солдаты, моряки... Это Владимир Ильич Ленин, которого в 1917 году я, солдатский делегат, слушал в Таврическом дворце.

В новой книге я рассказываю о встречах с Буниным, Куприным, Горьким, Алексеем Толстым, Форш, Шишковым, Грином, Твардовским, Фединым, Исаковским, путешественником Сватошем, полярным капитаном Ворониным... Да, на этот счет судьба меня не обидела — немало повидал я достойных людей.

— И много вы уже успели для новой книги сделать?

— Пока готовы двенадцать листов...

...За окном шумит дождь, тучи прикрыли солнце, в горнице стало совсем темно, а я слушаю и, можно сказать, читаю необыкновенные страницы будущего повествования нашего замечательного современника.

3.

Биография писателя И. С. Соколова-Микитова отмечена многими памятными событиями. В 1921 году Иван Сергеевич, матрос русского парохода «Омск», вырвался из невольного плена в одном из английских портов и отправился на Родину. По пути в Берлина он гостил у Горького.

— Горькому я обязан строгим, дружеским словом, вниманием, добрым напутствием, — негромко говорит Иван Сергеевич.— Он благожелательно отнесся к моим писаниям и помог вернуться в Россию. Там, в Берлине, он нагрузил меня письмами к друзьям и знакомым — одно было адресовано Федину.

Не раз и не два я слушал потом Алексея Максимовича, но, пожалуй, самое сильное впечатление произвел на меня его знаменитый доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году, на котором я был. Да, четыре десятилетия минуло — как говорится, временочко немалое. А я вот и сейчас слышу глуховатый голос Горького. Он говорил о нашем новом читателе — читателе-друге, которого так страстно годами ждали в XIX веке честные литераторы России и который наконец пришел и окружает нас, писателей, любовью и заботой. Сорок лет много и поистине плодотворно работает наш большой Союз писателей СССР. Говорю «большой», ибо он соединил в себе огромные художественные силы нашей великой Советской страны, успешно развивает богатейшую нашу многонациональную литературу. Первый съезд не забудешь! Я до сих пор храню старый писательский билет, подписанный Горьким.

Я знал Горького, Бунина, Куприна... С Иваном Алексеевичем Буниным дважды встречался в годы гражданской войны в Одессе. Здесь тогда выходила газета, литературный отдел которой он возглавлял. Я принес ему деревенские рассказы — он попросил зайти через два дня. Затем мы встретились снова. Поговорили. Дал хорошие советы, кое-что поправил — одним словом, я ушел окрыленным... А несколько лет спустя, будучи в Берлине, я получил от Бунина письмо из Парижа и книгу его в подарок с лестной надписью...

— Смею думать, что я хорошо знал настроение Бунина до самого конца его жизни, — продолжал Иван Сергеевич. — Если бы он прожил еще несколько лет — непременно вернулся бы домой, на родную землю...

Между прочим, когда я узнал о том, как высоко Бунин оценил Твардовского, мне было очень приятно. С Твардовским я познакомился только в 1954 году, хотя за много лет до этого, в двадцатые годы, встречал его в Смоленске, в редакции губернской газеты... Вскоре после первой встречи в Ленинграде Александр Трифонович гостил у нас в Карачарове. Ему здесь понравилось, и он попросил разрешения приехать снова...

И. С. Соколов-Микитов и К. А. Федин

4.

Перед тем как продолжить свой рассказ, Иван Сергеевич заметил, что у него хранится много писем Твардовского, и предоставил «ЛГ» некоторые из них для публикации:

«...Прочел по приезде Ваше доброе и такое лестное письмо — спасибо, спасибо, дорогой Иван Сергеевич. Я очень рад, что свое впечатление от Вашей «Теплой земли» высказал до того, как получил это письмо, а то показалось бы, что я под его воздействием, так сказать, в ответном порядке, говорил Вам свои слова. Хотя это, конечно, пустяки — между серьезными людьми такие условия высказываний не должны иметь силы. Крепко, крепко жму Вашу большую и отечески добрую руку.

Вспоминаю о Вас, дорогой Иван Сергеевич, все с большей и Вам любовью. Иной раз кажется, что, несмотря на некоторую разницу возраста, мы с Вами люди как бы одного поколения. Есть вещи, которые могут быть понятны только нам с Вами, хотя и редко мы встречаемся и в разговорах говорю-то собственно я, а Вы только умно и чутко молчите — за редкими и всегда приятными исключениями.

Обнимаю Вас крепко, дорогой друг, и очень хочу, чтобы Вам стало лучше.

Ваш А. Твардовский».

Однажды И. С. Соколов-Микитов направил Александру Трифоновичу свои, как он выразился, «книжечки» и в ответ получил письмо:

«...В редакции не был до недавних дней, поскольку с 1.IX уже в отпуску. А тут заехал и нахожу Ваш дорогой дар — четыре томика Ваших сочинений. Что же это Ваши издатели не смогли выдержать четырех томов в одном цвете? Конечно, мне ясно, что тут и Ваша вина — пусть, мол, не все ли равно... Но что же теперь сетовать, по правде говоря, я и сам не считаю это большой бедой. Все дело ведь в том, ЧТО в томиках заключено, а там настоящая русская литература, которая, к сожалению, иногда забивается сорняками. Говорю это с грустью, но и с гордостью за Вас, писателя, который мало по объему написал (придется добавлять, Иван Сергеевич!), но не поступился ни разу заветами отцов наших, великих старинов русской литературы».

В минувшие годы Иван Сергеевич часто болел — и в тот раз болезнь уложила его в постель. А. Твардовский прислал ему письмо, в котором, в частности, было сказано:

«...Сейчас я совершенно здоров и очень, очень хотел бы, чтобы и Ваше серьезное, по-видимому, нездоровье сошло поскорей с Вас или, лучше сказать, вышло из Вас. По последнему Вашему письму я заметил, что Вы несколько поупали духом, а не надо, Иван Сергеевич, не надо поддаваться, ведь это все он, нечистый, старается, ему-то самая сласть, когда мы предаемся унынию и думаем, что все праздники кончились, остались одни будни. Нет, мы с Вами еще не только посидим у камелька, покурим за рюмочкой, но и предпримем какое-нибудь занятное путешествие. Все-таки нет ничего лучше родной земли с ее погодами, временами года, с ее красой и грустью, теплом, дождями и грозами, всяческими растениями и цветением.

Милый и мудрый Иван Сергеевич, очень мне хочется сказать Вам, как я Вас люблю и уважаю, как высоко ценю Ваш талант, Ваш ум и сердце, как мне все понятно и дорого в Вас, честнейшем, красивейшем русском человеке, судьба которого не побаловала удачами на пути, но не сломила, нет, я знаю, что она не подмяла Вас и не подомнет. Поправляйтесь, отдыхайте, вздумаете и будет охота черкнуть мне — черкните, не утруждаясь и не считая это обязательным по долгу вежливости, — мы с вами можем строить отношения без этих условностей.

Обнимаю Вас, дорогой друг.

Ваш А. Твардовский».

— Да, с Твардовским мы подружились в Карачарове. Здесь он когда-то написал немало строк поэмы «За далью — даль»... Он не был склонен говорить о себе. Любил колоть дрова, топить печку и вообще делать всякую крестьянскую работу. Помню, приехал он в Карачарово, привез свою бумагу, свое перо, сидит весь день в комнате и пишет, пишет... С Твардовским нас подружила, сблизила смоленская земля. Правда, мы из разных уездов: он — из Рославльского, я — из Дорогобужского, но все равно — смоляне, одними дождями омыты...

Исаковский тоже всегда помнил, что он из смоленских. С Михаилом Васильевичем мы также были в добрых отношениях... Его деревня стояла в семи верстах от нашей — и все же так случилось, что мы редко встречались... Многие его песни, думаю, долго и после нас будут жить в народе. Следил я за его работой. И письма мы, бывало, писали друг другу...

...Одно из них, тоже, разумеется, с согласия Ивана Сергеевича, публикуем ниже:

«16.IV. 72 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам 11-й и 12-й номера журнала «Дружба народов» за 1971 г.

В этих номерах напечатано продолжение моих записок «На Ельнинской земле». Но посылаю я их Вам отнюдь не для того, чтобы Вы утруждали кого бы то ни было просьбой прочесть Вам мои записки. Нет, читать их совсем необязательно — тем более читать все с начала до конца. А посылаю Вам потому, что раз Вы знаете и помните начало моих заметок — тех, что печатались в «Новом мире», то пусть у Вас будет и продолжение.

Я, как уже говорил Вам по телефону, скоро лягу в больницу. Я также думаю, что и Вам станет лучше, если Вы полечитесь в больнице, у Вишневского. Конечно, совершенно избавиться от болезней — трудно и, пожалуй, невозможно. Но то, что Вам должно стать гораздо лучше, — это факт. Я приблизительно представляю Ваше заболевание и потому знаю, что в таких случаях врачи могут помочь.

Будьте благополучны, дорогой Иван Сергеевич, — всего вам доброго!

Сердечный привет от меня Лидии Ивановне.

Ваш М. Исаковский».

5.

В день нашей встречи Иван Сергеевич не очень хорошо себя чувствовал, но об этом он сказал лишь два слова в конце дня, перед тем как мы завершили беседу.

— Как вы относитесь к своей литературной судьбе? — спросил я писателя.

— Никогда об этом не думал, не знаю... Ясно одно: мало написал... Но тут валить не на кого, если сам виноват... А почему мало? Ленив, видно, был... Писать я учился у самой жизни — поэтому в моих книгах нет ничего выдуманного. Я не люблю придуманную литературу.

— Следовательно, по-вашему, писателю вовсе и не нужна фантазия?

— Почему же, смотря какая фантазия... Вот, скажем, теперь наблюдается повальное увлечение детективами. Разумеется, каждый волен читать то, что ему хочется. И все же я убежден, что истинно чистым воздухом для читателя является реалистическая литература, традиции которой столь могучи в нашей великой отечественной литературе... А детективы... Что ж, еще один коварный преступник, еще один проницательнейший следователь... Надеюсь, вы не сочтете это стариковской ворчливостью...

— А какая новая работа ждет вас, Иван Сергеевич?

— Помилуйте, я еще только собираюсь эту книгу закончить... Но работа, разумеется, намечена. Работа меня держит на земле. И близкие друзья тоже. Таких у человека много не бывает, да и не может быть. У меня они, к счастью, есть. И прежде всего, конечно, это Константин Александрович Федин. Как я приехал летом 1922 года в Петроград и передал ему письмо от Горького, так до сих пор и дружим.

...Да, Федин и Соколов-Микитов дружат давно. Более полувека. У них, естественно, много памятных дней, событий и даже символов этой дружбы. Например, полвека назад смоленский пастух Прокоп сплел пару маленьких веселых лаптей: один взял себе на память и поныне хранит Федин, другой — у Соколова-Микитова... Все эти пятьдесят с лишним лет они переписываются и бережно хранят дружеские письма. В одном из них, тоже давнем, датированном 1924 годом, письме К. А. Федина к И. С. Соколову-Микитову, Константин Александрович так описывает свой отъезд из смоленской деревни Вяжное (здесь, у большого болота, гнездились волки, и на облаве Федин, которого Иван Сергеевич учил стрелять, убил волка):

«...Вот я и в городе, опять на прежнем месте, среди прежних людей. Вяжное кажется далеким прошлым, как детство, охота — как прудмираж, щуки на крючках, дырявая лодка, гречневая каша Марии Ивановны (мать Соколова-Микитова. — Н. М.) — было ли все это? Не поверишь, как все это далеко, точно заграница!

Спасибо тебе за салют! Выстрелы прямо расстроили меня, передать тебе чувство, с каким я пережил это прощанье, я не могу. И спасибо тебе за все лето — событие, незабываемое в моей жизни.

В Витютневе на сенокосе (за мостиком, по той дороге, где мы шли в Бездон, на облаву) я встретил Фрола. Он был с женой, обрадовался, бросил подавать сено (баба приветливо улыбалась мне с воза), закурил со мной, рассказал о волках. Второй выводок перешел ближе к деревне, к озимям (там был пар, откуда мы охотились)... Как мне захотелось опять поохотиться, побродить по тем местам! Ведь я проезжал по нашим, по моим дорогам...»

***

Говорят, что Карачарово прекрасно всегда — летом и зимой, весной и осенью... Я видел его только что, в августовские дни. И оно околдовало меня своей красотой. Наверное, это ощущение было столь сильным еще и потому, что здесь, в Карачарове, я прикоснулся к мужеству одного из наших замечательных современников-писателей.

— До свидания и, пожалуйста, не пишите о моих сложностях, — сказал мне на прощание Иван Сергеевич.

Признаться, я ничего не обещал ему, ибо считал себя обязанным рассказать об этом хотя бы немного...

ШОЛОХОВ: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

Как уже рассказывала «Литературная газета», режиссер Сергей Бондарчук снимает фильм по роману Михаила Шолохова «Они сражались за Родину». Сегодня мы публикуем фоторепортаж специального корреспондента «ЛГ» А. Хрупова с Дона, где сейчас находится творческая группа «Мосфильма».

...Вячеслав Тихонов, исполнитель роли Николая Стрельцова, здесь, на съемках, узнавший о присвоении ему почетного звания народного артиста СССР, готов к очередному дублю. У киноаппарата Сергей Бондарчук и оператор Вадим Юсов. Снимается ожесточенный бой у переправы...

ПИСАТЕЛЬ и КИНО

Отмечая 40-летие Первого всесоюзного съезда советских писателей, мы вспоминаем еще одну памятную для социалистической культуры дату — в том же 1934 году вышел на экран фильм «Чапаев», созданный по роману Дмитрия Фурманова.

Среди великих искусств, составляющих сущность кинематографа, не первом месте — всемогущая литература, писал в нашей газете режиссер С. А. Герасимов. Здесь имеются в виду, конечно, и ее всестороннее влияние на кинотворчество, и оригинальные сценарии, и фильмы-экранизации получивших всенародное признание книг.

Литература на экране — это «Мать» и «Война и мир», «Братья Карамазовы» и «Дама с собачкой», это «Молодая гвардия», «Судьба человека», «Как закалялась сталь», «Сорок первый», «А зори здесь тихие...». Были на этом пути и картины проходные, малозаметные, были и огорчительные неудачи, но закономерно желание миллионов читателей видеть на экране героев полюбившихся книг.

Сегодня «ЛГ» рассказывает о съемках новых фильмов, в основе которых — сценарии, романы, повести, рассказы, драматические произведения виднейших представителей многонациональной советской литературы.

«БЕГСТВО МИСТЕРА МАК-КИНЛИ»

Донатас Банионис снимается в фильме режиссера М. Швейцера по киноповести Леонида Леонова «Бегство мистера Мак-Кинли». Корреспондент «ЛГ» З. Конышева попросила артиста рассказать о его новой работе.

— Донатас Юозович, «Бегство» — не первая ваша встреча на экране с творчеством больших мастеров литературы. Но вы впервые обращаетесь к произведению выдающегося советского писателя...

— Большой художник написал оригинальное драматургическое произведение специально для кино. Случай в кинематографической практике достаточно редкий. Естественно, что киноповесть, написанная в 1960 году, сейчас потребовала большой авторской правки. Привлекают прежде всего публицистическая направленность сценария, присущее Леонову внимание к морально-этическим проблемам, четкость драматургической задачи. Богатство психологических нюансов Леонов передает физически весомым словом. Это будет фильм, в котором ирония автора соседствует с его глубоко человеческим отношением к маленьким людям — жертвам сурового мира.

— А как вы относитесь к своему герою?

— С уважением. Дело в том, что маленькому человеку Леонов дал большие мысли, и мыслит Мак-Кинли категориями Леонова, который подает этой киноповестью голос за «желанный мир на земле».

— Вы не раз говорили раньше, что герой должен «провоцировать» зрителя на размышления. Какие мысли вызывает у вас Мак-Кинли?

— Мак-Кинли — обыкновенный, очень честный человек. Он боится не только и не столько атомной бомбы, как того мира, в котором слишком просто убить человека. Он собирается спрятаться в так называемый «сальваторий» — подземное убежище, где за большие деньги можно «законсервировать» себя на сотни лет, переждать чреватое войнами время. Но, чудом раздобыв деньги и уже подписав чек на оплату «сальватория», глубоко осознает тот будущий мир, о котором он мечтает, — земля, покрытая люками бомбоубежищ, куда, как крысы, попрятались люди.

Вот тут, через потрясение, Мак-Кинли с ужасом понимает, какой губительной может оказаться его трусость, желание, чтобы кто-то другой строил человечеству гармоничную жизнь.

— В какой манере будет решен фильм?

— В реалистической. Хотя страна, в которой происходит действие, вымышлена, в сценарии есть реальные приметы времени и места событий.

Как буду строить роль я?..

Сценарий дает мне возможность выразить через Мак-Кинли свое отношение к проблемам сегодняшнего мира. А как это получится?.. Не знаю...

Во всяком случае, радует работа над сценарием большого писателя.

«БЕЛЫЙ ПАРОХОД» И «КРАСНОЕ ЯБЛОКО»

Пожалуй, нет сколько-нибудь значительного произведения Чингиза Айтматова, которое бы не получило экранного воплощения. По повести «Тополек мой в красной косынке» создано уже два фильма: «Перевал» режиссера А. Сахарова и «Я — Тянь-Шань» И. Поплавской. В ее же постановке зрители увидели «Джамилю». Л. Шепитько сняла картину «Зной» по книге «Верблюжий глаз». А. Михалков-Кончаловский сделал фильм «Первый учитель» по одноименной повести. С. Урусевский обратился к героям «Прощай, Гульсары!» («Бег иноходца»). Г. Базаров экранизировал «Материнское поле». По рассказам «На реке Байдамтал» (режиссер Б. Шамшиев) и «Солдатенок» (режиссер З. Орозбаев) сняты телевизионные фильмы.

Были среди этих работ ленты отличные, были и менее удачные. Думаю, и здесь многое зависит от самого автора книг. Я имею в виду даже не непосредственное участие его в создании сценария или, положим, закадровое чтение, авторские пояснения. Речь идет о поисках кинематографического эквивалента литературному первоисточнику, так как одно из коренных отличий драматургии от беллетристики в том и заключается, что автор как бы весь растворяется в видимых событиях и поступках своих героев.

Сейчас на Киргизской киностудии идут съемки сразу двух фильмов по произведениям Айтматова. Фильм «Красное яблоко» по одноименному рассказу снимает Толомуш Океев. Над фильмом «Белый пароход» работает Болот Шамшиев. Оба они — превосходные режиссеры, тонко понимающие специфику айтматовского письма, серьезно проанализировавшие неудачи и достижения своих предшественников.

— Когда-то мечтал снять «Прощай, Гульсары!» с великолепным казахским актером Шакеном Аймановым. Перед глазами навязчиво перемежался финал картины: старый человек и старый конь, чем-то очень близкие друг другу. Но мечте не суждено было сбыться. Шакена-ага уже нет с нами. Но я все-таки обратился к страницам Чингиза Айтматова, — говорит Толомуш Океев.

Режиссер только что вернулся с южного берега Иссык-Куля, отсняв эпизоды свадьбы, которых, между прочим, в рассказе не было. Они дописаны специально для кино. И, судя по сценарию, безусловно, углубляют и расширяют основную мысль рассказа.

— Работа над телефильмом «Эхо любви» по рассказу «На реке Байдамтал» была для меня своего рода репетицией перед «Белым пароходом», — сказал Болот Шамшиев. — Для съемок этой сложнейшей книги одной любви к произведениям Айтматова мало. Прежде чем приступить к работе, надо было подготовиться самому, тщательно изучить стилистику писателя, «секреты магии» его произведений. И проверить свои силы — «Белый пароход» знают миллионы читателей...

Сейчас съемочная группа «Белого парохода» работает в Семеновском ущелье. Идут съемки старой легенды о матери-олениихе.

М. БАЙДЖИЕВ

гор. ФРУНЗЕ

«СТРОГОВЫ» — «СОЛЬ ЗЕМЛИ»

Стройные корпуса киностудии «Ленфильма» в Сосновой поляне все еще по привычке называют новыми, хотя в них уже отснята не одна тысяча метров пленки. Вот и сегодня, едва в одном из павильонов закончила работу первая смена, как площадку заняла съемочная группа многосерийного телевизионного художественного фильма, который снимается по романам Георгия Маркова «Строговы» и «Соль земли». И пока главный оператор Э. Розовский с ассистентами «колдует» над освещением декораций сибирской избы, в которой будет происходить действие очередных кадров, я обращаюсь к постановщику картины Владимиру Яковлевичу Венгерову с просьбой поделиться впечатлениями о работе над фильмом.

— Нам — всей съемочной группе — давно полюбились романы Г. Маркова, — говорит В. Венгеров. — Они нравятся тем больше, чем основательней мы погружаемся в их атмосферу, в их непростой жизненный материал. Вы обратили внимание, насколько они внутренне полемичны по отношению к некоторым «экзотическим» произведениям о Сибири? Здесь в романах присутствует подлинное знание жизни Сибири, ее людей, тончайших подробностей эпохи и быта...

Мы отдаем себе отчет, насколько это сложная задача — воссоздать средствами кинематографии ту истинно народную эпопею, которую представил Георгий Марков в своих книгах. Ведь их действие охватывает бурное, полное противоречий время от начала века до наших дней...

...Между тем приготовления на площадке закончены. Будут сниматься кадры 152—158. В городе совершен белогвардейский переворот. Матвею Строгову надо уходить в тайгу.

...Тихо скрипит дверь. В дом входит Матвей (артист МХАТа Б. Борисов). Спит Анна (артистка Л. Зайцева), обняв дочку Маришку. Матвей смотрит на них, берет из-за зеркала какие-то бумаги...

После окончания павильонных съемок группа выедет на натуру в Вышний Волочек, в окрестностях которого уже построены деревня, заимка, пасека.

Другая часть группы продолжит съемки в Сибири.

Е. ГАБИС

ЛЕНИНГРАД

«ГУСИ-ЛЕБЕДИ ЛЕТЯТ...»

Почти вся проза Михаила Стельмаха получила экранное воплощение: в разное время были поставлены фильмы по мотивам его романов «Кровь людская — не водица», «Большая родня», «Хлеб и соль». А в эти дни на Киевской киностудии имени А. П. Довженко полным ходом идут съемки нового фильма — «Гуси-лебеди летят...».

Эта небольшая повесть носит подчеркнуто автобиографический характер (Стельмах писал ее в родном селе Дьяковцы, посвятил отцу и матери. Рассказ ведется от лица девятилетнего Михайлика). Но, показывая жизнь украинского села в первые годы Советской власти, автор затрагивает очень широкий круг проблем.

— Густая, насыщенная интереснейшими жизненными деталями проза Михаила Стельмаха всегда окрашена философскими раздумьями, окрылена поэзией, и поэтому нам очень хочется, чтобы картина получилась предельно реалистической и в то же время предельно поэтической, — говорит режиссер-постановщик фильма Александр Муратов. — Впервые я подумал о том, чтобы экранизировать эту книгу, еще лет пять назад и с радостью принял сценарий, написанный Михаилом Афанасьевичем. Работаем мы в хорошем творческом контакте. Вместе подбирали актеров, вместе выбирали натуру. К слову, в Винницкой области, где происходили события, описанные в повести, мы никак не могли подыскать подходящей деревни для натурных съемок — нужен был, по крайней мере, десяток старых хат под стрехой. Так и не нашли...

...Зато нашли прелестного исполнителя главной роли. Володя Чубарев, светлоголовый, вихрастый, восьмилетний мальчишка, играющий Михайлика, чувствует себя на съемочной площадке, кажется, лучше, чем дома.

— Михайлик получается, — сказал режиссер.

На одну из главных взрослых ролей — председателя комбеда Себастьяна — приглашен артист Львовского театра имени Заньковенкой Федор Стригун.

«Гуси-лебеди летят...», разумеется, не единственная картина, которую в настоящее время готовит Киевская студия по произведениям современных украинских писателей. Пишет сценарий по своей повести «Бригантина» Олесь Гончар. В Черкасской области заканчиваются натурные съемки картины «Землянка» (сценарий Ю. Збанацкого)... Работают для довженковцев также А. Кешоков и Ан. Алексин.

Г. КИПНИС

КИЕВ

Сергей ЮТКЕВИЧ: СНОВА — МАЯКОВСКИЙ!

Сергей Юткевич ставит на киностудии «Мосфильм» свою новую картину. В ее основе — «Клоп» Маяковского.

Первый, естественный вопрос: почему Маяковский? И почему именно «Клоп»?

Биография художников моего поколения неразрывно связана с именем великого пролетарского поэта, все мы в какой-то мере можем считать себя его учениками. А главное, сегодня драматургия Маяковского, как всегда, современна!

Пьесы Владимира Владимировича сейчас идут во многих театрах нашей страны и за рубежом, идут с огромным успехом. С кинематографическим Маяковским дело обстоит значительно хуже. А ведь он написал более десятка сценариев. Поставлены были, кажется, только четыре, очень неудачно и совсем не по его вине. Первоисточником «Клопа», например, был сценарий «Позабудь про камин». Значит, наш долг — вернуться к этому наследию. Вернуться не просто как к незыблемой хрестоматийной классике, но к тому остросовременному, публицистическому, откровенно агитационному, или, как мы бы сегодня сказали, политическому кинематографу, за который он всю жизнь боролся.

Вот почему мы с Анатолием Карановичем решили вновь обратиться к драматургии Маяковского. «Клоп» — это же вещь исключительной актуальности! Маяковский говорил: «В пьесе — факты об обывательской мрази и века, и сегодняшнего дня... Я буду вставлять в пьесу актуальные политические и бытовые новости». Перед каждым художником, рискнувшим взяться за воплощение его замыслов, встанет задача продолжить новаторский поиск поэта.

Разящая сатира и великая поэзия. Это сочеталось у него органически. Если внимательно прочесть его сценарии — например, «Как поживаете?» — то легко заметить, какое огромное значение придает автор разнообразию средств художественного воздействия. Вы увидите там героя — самого поэта, сценарий, как теперь принято говорить, автобиографический, исповедальный. Вы встретите там свободно вставленную кинохронику, стоп-кадры, обратную киносъемку, вы, наконец, увидите мультипликацию, которую во всех разновидностях очень любил Маяковский. Он был изобретателем нового стиля, нового кинематографического языка.

Присыпкин — это и Тартюф, и Хлестаков, и Расплюев, и Фальстаф, то есть характер, который выдерживает сравнение с великими сатирическими образами мировой литературы. Выступая у рабкоров «Правды», Маяковский сказал: «У меня в пьесе: человек, с треском отрывающийся от класса во имя личного блага. Это образец политического замирения. ...Дело не в вещах, а в отрыве от класса. Из бытового мещанства вытекает политическое мещанство».

Перед каждым художником, пытающимся реализовать замыслы великого поэта революции, встает задача — остаться верным не только букве его творчества, а главным образом духу, направленности, целеустремленности. Наш фильм является в известной степени экспериментом.

Так, наряду с живыми актерами, в фильме «Маяковский смеется» (хотя, быть может, мы назовем его «Клоп-75») будут действовать и персонажи кукольные. И это для поэта, вероятно, органично. Вспомните хотя бы сцену свадьбы — она происходит в парикмахерской «Красный вежеталь», принадлежащей мадам Ренесанс... Восковые манекены, куклы с париками, образцовые прически на идиотских физиономиях с нафабренными усами. Можно себе представить, что гости, присутствующие на этой свадьбе, тоже выглядят куклами, манекенами.

Рисованная мультипликация может быть интересно использована в той части фильма, где прослеживается современная судьба Пьера Скрипкина. Маяковский написал, что переносит своего героя через десять пятилеток, то есть практически в наши дни. Но мы-то живем пока не в бесклассовом обществе. В мире и сегодня идет жесточайшая идеологическая борьба. Если противопоставить мечтам Маяковского о новой жизни «общество потребления», то можно этот фрагмент в фильме решить в манере так называемых комиксов. На Западе они имеют миллионные тиражи, буржуазная пропаганда широко использует такую форму воздействия на зрителя, и я думаю, что мы закономерно обращаемся к ней, пародируя похождения Пьера Скрипкина в «свободном мире». А Сухаревка, нэп так и просятся в шарж, карикатуру. Здесь нами используется так называемая перекладочная мультипликация — рисованные куски перемежаются с игровыми.

Мы хотим следовать эстетике Брехта, несомненного ученика Маяковского, призывавшего сделать зрителя как бы соучастником всего происходящего, размышляющим вместе с художником. Это и фильм о фильме. В большом павильоне сняты актеры, исполнители главных ролей, которые полемизируют с режиссерами, их трактовкой, спорят со своими персонажами... Словом, это одновременно и феерическое зрелище, и фильм-диспут, если хотите, фильм полемический, ибо мы меняем финал пьесы. Поэт посадил Присыпкина в клетку, как исчезнувшую редкость, а мы хотим показать мещанина, приспособившегося к современности, тем более нуждающегося в разоблачении.

В таком фильме очень многое зависит от актеров. Например, Олег Баян возникает у нас не в одном и даже не в двух, а в трех обличьях — как персонаж, действующий в эпоху нэпа, и как сегодняшний приспособленец, и как зарубежный идеолог (помните его призыв сочетать законным браком «великий труд с поверженным, но очаровательным капиталом»!). Баяна играет Леонид Броневой. Роль мадам Ренессанс исполняет Галина Волчек. Зою Березкину согласилась сыграть Ия Саввина. На роль Присыпкина мы долго искали нового, молодого актера. На выпускном экзамене в училище циркового и эстрадного искусства «высмотрели» Юрия Чернова и поверили в него.

Наконец, в фильме есть еще одно действующее лицо, комментирующее весь ход киноповествования. Зрители, конечно, узнают Алексея Яковлевича Каплера — писателя, сценариста, человека, хорошо помнящего поэта...

Записал О. БЕЛЯВСКИЙ

НА ЭКРАНЕ — ГЕРОИ ГЛАДКОВА

«Так же, как три года назад, в этот утренний час... море за крышами казарм и арнадами завода кипело солнцем, а воздух между горами и морем был винным... И голубые трубы, и железобетонные корпуса завода, и рабочие домики Уютной Колонии, и ребра гор в медной эмалине плавились в солнце и были льдисто-прозрачны» — так начинается роман Федора Гладкова «Цемент». Как можно перевести эту образную, имеющую «цвет и вкус» прозу на язык кино? Что волнует в книге сегодня? Недавно роман Гладкова был экранизирован в ГДР, сейчас заканчивается работа над цветным двухсерийным телевизионным фильмом «Цемент» на студии «Ленфильм».

Наш корреспондент Г. Силина попросила режиссеров А. Бланка и С. Линкова рассказать о работе над картиной.

— Нелегко дается «перевод» значительного литературного произведения на язык кино. В картину, состоящую из двух часовых серий, невозможно вместить

Чумалов — арт. Р. Громадский

все обилие персонажей, все коллизии и все линии сюжета. От некоторых событий романа пришлось отказаться, хотя на наш взгляд, Е. Митько сделал сценарий умело и профессионально, стараясь свести к минимуму потери.

Главное внимание в картине сосредоточено на истории Глеба Чумалова и Даши. Глеб Чумалов (его играет Р. Громадский) в романе и в фильме занят поисками своего места в жизни, в обществе и в поисках формирует себя как личность. «Цемент» Гладкова был одним из первых советских романов, посвященных людям труда. За 50 лет, прошедших после появления «Цемента», было создано много произведений, где в центре стоял сильный человек, пришедший на производство и круто изменивший там обстановку. Создавая картину сейчас, в середине 70-х годов, нужно понимать и знать всех предшественников того Чумалова, который рождается на экране.

Кроме главных героев, у Гладкова много сильных, самобытных, ярких характеров. Поэтому актеры, занятые в фильме (Л. Зайцева, В. Сергачев, А. Джигарханян, Э. Романов, Б. Фрейндлих и другие), были увлечены работой.

Насколько удалось нам деть кинематографическую жизнь роману, судить зрителям. Что же касается всей съемочной группы, то она работала с большим подъемом. Особенно запомнились съемки в Новороссийске. Мы попали в рабочую среду, и все окружающие относились к нам самым внимательным образом. Первый директор цементного завода рассказал нам об экранизации «Цемента», которая была осуществлена в 1928 году Одесской студией. В городе есть Народный театр, в котором играют рабочие и служащие цементных предприятий, студенты. Театр года два назад поставил пьесу по роману Ф. Гладкова. Она с успехом шла в Новороссийске.

По сравнению с цементным заводом, описанным Гладковым, современные предприятия совершенно иные — другая техника, другие люди. Но главная тема «Цемента» — тема становления личности в рабочем коллективе — устареть не могла.

ИЛЬИНСКИЙ ЧИТАЕТ ЗОЩЕНКО

В тринадцатой студии Останкина полным ходом идет работа над новым фильмом, в котором снимается Игорь Владимирович Ильинский. На этот раз он читает рассказы Михаила Зощенко.

— Меня привлекало в этом писателе-юмористе то, что он не только изображал «уходящих» людей и парадоксальные ситуации, несовместимые со здравым смыслом новой жизни, но и не скрывал своего к ним резко отрицательного отношения, хотя и не выражал его в лоб, открыто. Он верил в проницательность своего читателя, верил, что тот сделает единственно правильный вывод. «...Юмор ваш я ценю высоко, — писал ему Горький в одном из своих писем, — своеобразие его для меня — да и для множества грамотных людей — бесспорно, так же, как бесспорна и его «социальная педагогика».

Артист, взявшийся читать Зощенко, может легко сбиться на внешние приемы перевоплощения, увлечься мимикой, жестами, характерными интонациями, чем, собственно, и грешили многие, не исключая и меня. В этой, я бы сказал, «пене» нередко исчезала суть рассказов. Иные склонны были воспринимать их исключительно как произведения, написанные с одной целью — посмешить и позабавить. Годы и опыт позволяют каждому из нас избавиться от всего наносного.

Игорь Владимирович читает восемь рассказов — «История болезни», «Аристократка», «Баня», «Искусство Мельпомены», «Лимонада», «Рогулька», в том числе рассказы для детей «Глупая история» и «Елка». Он читает их в одном и том же строгом темном костюме. Весь реквизит — венский стул двадцатых годов с высокой округлой спинной. Артист не позволяет себе лишнего движения. Все тщательно взвешено и скрупулезно выверено. Лишь в редких случаях «играет» неповторимая мимика... Беспощадная взыскательность художника к себе чувствуется во всем.

У нового фильма есть примечательная особенность. Игорь Ильинский не только исполняет произведения Михаила Зощенко, но и рассказывает о писателе, с которым был близко знаком и часто встречался. Зощенко нравилось, как Ильинский читает его рассказы.

— Когда берешь в руки книгу Зощенко, сразу видишь, как старательно отшлифовано каждое слово, и стоит оно всегда в том месте, которое для него предназначено всем ритмом речи. Ни заменить, ни переставить нельзя.

Михаил Михайлович обладал удивительной способностью располагать к себе людей. Он и сегодня, как живой, стоит у меня перед глазами. Я не упускал ни одной возможности послушать, как он читает свои рассказы. Видел, что к своей работе сатирика и юмориста относится очень серьезно. Когда сейчас вспоминаю его чтение, невольно приходят на ум слова Флобера о том, что крайний предел комизма — комизм, от которого не становится смешно. Но чему писатель искренне радовался — это утверждению и торжеству светлых и высоких идеалов. Все, над чем Зощенко смеялся, он считал уходящим и обреченным. Именно это я и хочу показать в фильме.

И. ОКУНЕВ

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

ВСТРЕЧА В БАДЕНЕ

В Бадене — курортном австрийском городке — завершила работу XXIV пагуошская конференция — традиционная международная встреча ученых, выступающих за мир, разоружение и международную безопасность, за предотвращение термоядерной войны.

По просьбе «Литературной газеты» спец. корр. ТАСС З. ВАСКАКОВ обратился к участникам встречи с просьбой прокомментировать ее итоги.

— Успешное завершение работы баденской конференции было предопределено весьма актуальными вопросами, включенными в повестку дня, и, бесспорно, высоким уровнем представительства от большинства стран. Наконец, явно благоприятной международной обстановкой, — сказал президент Пагуошского движения, лауреат Нобелевской премии, известный шведский ученый-физик Х. Альвен. — Однако очевидное улучшение международного климата не позволяет нам закрывать глаза на то, что гонка ядерных вооружений еще не остановлена, что опасность опустошительной войны на нашей планете не устранена.

Тем с большим удовольствием я хотел бы подчеркнуть, что весь ход дискуссии на XXIV пагуошской конференции и ее итоговые документы говорят о дальнейшем сближении точек зрения ученых из самых разных стран по важнейшему вопросу — о том, как нужно укреплять мир.

— Когда-то пагуошские встречи были чуть ли не единственной возможностью для контактов между представителями научной общественности Востока и Запада, — заявил видный американский ученый-международник, советник сенатора Э. Кеннеди по внешнеполитическим вопросам Р. Хантер, кстати, впервые участвующий в пагуошской конференции.— Сегодня, в благоприятных условиях разрядки международной напряженности, такие встречи стали уже одними из многих. Однако это обстоятельство вряд ли умаляет значение Пагуошского движения. Ведь на ученых, в чьих руках находится поистине огромный и все растущий потенциал современной науки и техники, лежит огромная ответственность за судьбы мира. И именно ученые должны не только подавать хороший пример сотрудничества, но и всемерно содействовать углублению разрядки и в конце концов ликвидации опасности войны. Вслед за советско-американскими соглашениями о предотвращении ядерной войны и о первых мерах по ограничению стратегических вооружений должны быть сделаны новые шаги в том же направлении. Необходимо также сообща добиваться скорейшего решения на научной основе проблемы энергетики и ряда других острых экономических проблем. И я рад отметить, что участники XXIV пагуошской конференции, детально обсудив эти вопросы и согласовав общие рекомендации, внесли тем самым большой вклад в их решение.

БАДЕН (По телефону)

РЕПОРТАЖ ИЗ БОЛГАРИИ

ПРАЗДНИК ИДЕТ ПО СТРАНЕ

Пышно нарядан в Болгарии сентябрь—месяц обильных даров нового урожая. Прекрасна эта древняя земля, украшенная, словно причудливой мозаикой, сочной зеленью виноградников, блеклой желтизной кукурузных полей, нежным разноцветьем роз. Нынче к ярким краскам сентября щедро добавлен людьми пурпур знамен и транспарантов, плакатов и лозунгов, на которых горит цифра «9».

Тридцать лет назад, 9 сентября 1944 года, мужественный болгарский народ, который вела партия коммунистов, завершил победой свою многовековую борьбу за свободу. Решающую роль в этой победе над фашизмом сыграла помощь непобедимой Советской Армии.

Сегодня, когда смотришь на цветущие села и светлые кварталы новых домов в старинных городах, на просторные заводские корпуса и изумительные курортные комплексы, поражаешься этому чуду возрождения, сотворенному за столь короткий отрезок истории. Но в XX веке мы привыкли верить, что чудес не бывает. Социалистическая Болгария родилась благодаря упорному, героическому труду народа, сплоченного волей БКП.

«1974 — юбилейный, ударный» — этот лозунг определяет ритм жизни в тридцатую годовщину болгарской свободы. Размах трудового энтузиазма лучше слов выражает строгая поэзия цифр: промышленное производство должно вырасти на 11 процентов, сельскохозяйственное — на 5 процентов, национальный доход — на 10 процентов.

Уютная Болгария показалась мне сплошной новостройкой. В сказочном городе Велико Тырново (был он славной столицей древнего болгарского царства), который будто привязан виноградными лозами к крутым холмам, отражающимся в извилистой Янтре, строятся дом окружного народного совета, широкоэкранный кинотеатр, новый комплекс зданий местного университета, роскошный отель «Балкан турист» и многое другое.

В промышленном Пловдиве, который готовится принять гостей традиционной международной ярмарки, горячий патриот своего родного города Коста Странджев, редактор журнала «Трания», с гордостью водил меня по новому жилому кварталу, названному именем Юрия Гагарина.

На окраине Софии стремительно растет жилой массив «Молодость».

Но юбилей свободы — это не только стройка и ударный труд. Это еще и благодарная, благоговейно хранимая память обо всех, кто отдал за нее свою жизнь. «Не умирает тот, кто умирает за свободу»,— говорил великий поэт Христо Ботев. В Пловдиве 9 сентября откроется мемориал героев — борцов за свободу Болгарии. В память о них будет зажжен вечный огонь. В ближайшие пять лет планируется соорудить Аллею героев, на которой установят 48 бюстов. Широкая эстакада соединит этот мемориал с грандиозным памятником Советской Армии-освободительнице, который болгары ласково называют «Алешей».

Какой глубокий, волнующий символ нерушимой, кристально-чистой советско-болгарской дружбы! «Для БКП и болгарского народа болгаро-советская дружба — как солнце и воздух для всякого живого существа,— торжественно заявлено в Программе БКП, принятой на X съезде партии.— это дружба вечная и на вена, одна из главных движущих сил нашего развития, условие и залог дальнейшего подъема нашего социалистического отечества, его грядущего».

И это коммунистическое грядущее Болгарии уже сегодня принимает зримые очертания.

Л. ТОКАРЕВ, спец. корр. «ЛГ»
СОФИЯ—ПЛОВДИВ—ВЕЛИКО ТЫРНОВО

2 сентября героический вьетнамский народ отметил 29-ю годовщину образования Демократической Республики Вьетнам.
НА СНИМКАХ: ДРВ на стройке.

Фото из журнала «Вьетнам»

СЕМЬ ДНЕЙ В АВГУСТЕ...

С МЕСТА СОБЫТИЯ

ТАМ, ГДЕ ПРОИСХОДИЛИ БОИ...

...До города добираемся на вездеходе войск ООН. Офицер предупреждает, что мы едем исключительно на свою ответственность...

Никозия—118-тысячный город, расположенный на плато, окруженном горами, особенно высокими с северной стороны. Издали она напоминает городки Южной Испании или Сицилии: белые, тесно сплоченные в поисках тени домишки, какие-то садики, выжженные солнцем, плоские крыши, во многих случаях превращающиеся в балконы, и узкие, как правило, кривые улочки, пахнущие, как на Балканах, маслом и жареной бараниной. В некоторых местах лес пиний преграждает заселенную территорию. Этот лес — знаменитая зеленая линия, отделяющая греческую Никозию от турецкой. Именно здесь происходили ожесточенные бои.

Мы находимся в кабинете вице-президента республики и руководителя турецкой общины доктора Данкташа. Он рассказывает о положении турецкого меньшинства на Кипре. Денкташ заявляет, что турки уйдут с занятой территории «лишь тогда, когда будут выполнены многочисленные условия, гарантирующие независимость, нейтралитет и полный суверенитет Кипра и в то же время полное соблюдение всех прав и безопасности турецкого меньшинства».

О независимости и суверенитете говорят здесь многие. Доктор Косматопулос, юрист из Никозии, признает, что принадлежал к ЭОКА — подпольной организации, борющейся за присоединение Кипра к Греции.

— Однако время, прошедшее со дня переворота, вылечило меня от подобных иллюзий. Только независимый, нейтральный и демилитаризованный Кипр может гарантировать местному населению человеческое существование — как грекам, так и туркам.

На стене школы в Лимасоле, куда мы прилетели на вертолете, висела огромная надпись: «Лучше вместе жить, чем вместе умирать». Эти горькие слова написаны по-гречески и по-турецки. Они содержат подлинную альтернативу для обеих общин.

Исполняющий обязанности президента Кипра, бывший председатель парламента Клиридис, с которым нам удалось поговорить по телефону, высказался за восстановление суверенитета острова, за его нейтралитет и демократизацию. Беседу с Клиридисом мы провели по телефону из кабинета Денкташа: оба политика, друзья еще со школьной скамьи, находятся в постоянном контакте.

Характерно, что оба много говорили о советской позиции по Кипру, сводящейся к требованию обеспечить восстановление конституционной законности и соблюдение нейтралитета острова, который должен быть полностью освобожден от присутствия иностранных войск.

Эта позиция здесь чрезвычайно популярна, она широко обсуждается и рассматривается как основной шанс Кипра. Канадский полковник из частей ООН, беседуя с журналистами, утверждал, что своей позицией в кипрском кризисе Советский Союз сильно укрепил свой моральный и политический авторитет в этой части Средиземного моря.

Мы спрашиваем:

— Почему?

— Потому что, — отвечает полковник, — это была единственная держава, сохранившая в вопросе о Кипре принципиальную позицию, продиктованную интересами мира и разрядки.

Здислав МОРАВСКИЙ, польский журналист
(Перепечатывается с сокращениями из еженедельника «Культура»)

КИПР. В одном из лагерей беженцев
Фото из газеты «Юманите» (ФРАНЦИЯ)

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

О КРАХЕ ИМПЕРИИ «КОРТ ЛАЙН»...

— Нам сказали: «Уходите, освободите помещение, фирма ликвидирована»...

— Ужасно, пять месяцев мы копили деньги. Работали сверхурочно. Все пропало...

— Я приехал в аэропорт с двумя детьми вечером. Утром услышал сообщение о банкротстве. Пошел к управляющим узнать, в чем дело. В контору меня не впустили...

Норма Вайтл и Сьюзен Ридсдейл из Блекпула и Колин Уэйк из Дайстэйбла дали эти интервью в аэропорту Лутон сразу после того, как стало известно, что туристская фирма «Корт лайн» обанкротилась. Накануне рекламные агенты растолковывали британцам, какие блага они получат, воспользовавшись услугами всемирно известной компании, а сейчас на вопрос: «Ну а деньги-то хотя бы вернете?» — лишь скромно пожимают плечами.

«Корт лайн» с ее годовым оборотом в 80 миллионов фунтов стерлингов относилась к числу тех фирм, которые, начиная почти скромно, за несколько лет стремительно вышли в разряд крупнейших компаний. Чаще всего причина подобных взлетов приписывается необыкновенным способностям менеджера — человека, идущего на риск, но умного, способного обвести вокруг пальца и конкурентов, и биржу, и заимодавцев. Джон Янг в свои 44 года считался именно таким дельцом.

Он покупал доки, суда, самолеты, туристские агентства, вкладывал деньги в нефть и строительство. Покупал даже тогда, когда банковский счет «Корт лайн» был уже более чем скромным. На содержание своей империи фирма тратила больше, чем получала доходов. В нынешнем году число туристов, пожелавших воспользоваться услугами «Корт лайн», сократилось на миллион. Но руководители компании не решились увеличить стоимость услуг: туристов стало бы еще меньше. Разразившийся нынешней зимой финансовый и энергетический кризис поднял цену на авиационный бензин с пяти пенсов за галлон до двадцати! Нефтяные монополии заработали на этом перепаде миллионы. «Корт лайн» эти миллионы потеряла. Фирма стала падать в долговую яму. В марте долги компании достигли многих миллионов фунтов стерлингов. Янг, однако, храбрился, уверял держателей акций, что все образуется, что «Корт лайн» обязательно выкрутится.

Не выкрутилась... Превратились в бумагу акции, стали безработными три тысячи служащих фирмы — летчики, механики, «самые красивые в Европе», как пишут, стюардессы.

Скандал вокруг «Корт лайн» перехлестнул рамки очередного финансового краха. Консервативная партия решила извлечь из этого максимум политических дивидендов, обвиняя лейбористов в том, что те вовремя не спасли погибающую фирму — «знали, но молчали». Между тем известно, что в июне правительство за 16 миллионов фунтов стерлингов купило у «Корт лайн» не судоверфи, и тогда же фирма уверяла: этой суммы достаточно для того, чтобы справиться с кризисной ситуацией.

Негодование консерваторов лишь тогда несколько потихоньку, когда стало известно о давних деловых связях тори с «Корт лайн». Телевидение прокручивает сейчас старые, эпохи зимней избирательной кампании, кадры кинохроники, на которых запечатлено, как лидер тори Э. Хит, прибывая в очередной город, всякий раз спускается по трапу реактивного самолета с эмблемой «Корт лайн». Консерваторы признали, что, да, лидер партии летал целую неделю на самолете этой компании, но дело это, дескать, чисто коммерческое. Самолет был арендован на время турне.

А коль арендован, то должен быть счет за расходы. Стали искать счет, но, как ни старались, не нашли. Выяснилось, что его и не было, а фирма попросту сделала широкий жест ценою, как подсчитано, в 15 тысяч фунтов стерлингов.

Лидер тори летал, но не заплатил, а десятки тысяч англичан заплатили, но не полетели не самолетах «Корт лайн». Таких клиентов, кстати, 150 тысяч.

Впрочем, им, вероятно, еще повезло по сравнению с другими 50 тысячами британцев, развезенных по всему свету лайнерами «Корт лайн». Сейчас они начинают постепенно возвращаться домой, и сообщения об их возвращении на родину звучат в прессе, как сводка о снятии со льдины: кое-где отношение владельцев отелей к подопечным обанкротившейся фирмы оказалось поистине ледяным.

Газета «Санди телеграф» рассказывает, что в Италии только после вмешательства английского консула было приостановлено изгнание из гостиниц женщин и детей.

Было бы, конечно, удивительно, если бы та же «Санди телеграф» ни словом не обмолвилась о судьбе английских туристов в СССР. «Будущее их загадочно, — уверяет газета, — и, вероятно, бесперспективно... Туристы, главным образом англичане и американцы, видимо, окажутся в СССР в трудном положении». Кто-то из них, пишет газета, позвонил в «Санди телеграф» из грузинской столицы Тбилиси и сообщил, что «14 туристов теперь не знают, как они доберутся домой». Несколькими строчками ниже читаем, что «Интурист» предложил продолжить два 14-дневных тура, но только при условии, что каждый турист сам заплатит деньги вперед...

Э. ЧЕПОРОВ, соб. корр. АПН — специально для «ЛГ»
ЛОНДОН. (По телефону)

...И О ТОМ, КАК ОСКАНДАЛИЛАСЬ «САНДИ ТЕЛЕГРАФ»

Прочитав последние строчки корреспонденции из Лондона о «жестоком обращении с британскими туристами в Советском Союзе», я отправился в «Интурист». Сотрудница «Интуриста» Татьяна Вложей представила меня трем английским гостям: Элизабет Уильямс, представительнице компании «Корт лайн», инженеру Х. Мэхью и преподавателю Фрэнку Бэрдоу. Они не выглядели несчастными, но я все же спросил:

— Господа, скажите, чем мы можем помочь в вашем бедственном положении?

Кажется, меня не поняли. Минута замешательства.

— Почему бедственном? — переспросили они.

Наконец, уяснив, о чем идет речь, Х. Мэхью по праву старшинства ответил первым:

— То, как мы бедствовали, вы видите сами. А вот «Корт лайн» действительно оказалась в нокауте. Мы же все благодаря «Интуристу» живы, здоровы, полны сил и энергии. Он взял все заботы о нас на себя, все экскурсии прошли по намеченному графику. Как опытный турист, объездивший полсвета, хочу отметить, что сервис здесь на уровне мировых стандартов.

— Но ведь «Санди телеграф» утверждала, что вам угрожали выселением из гостиницы? — упорствовал я.

— Боже, какая ересь! Никто нам ничем не угрожал, более того, русские были всегда предельно любезны, предупредительны. Я убедился и в том, что бытующее на Западе утверждение, якобы в России боятся контактов с иностранцами, — нелепость.

В разговор вступает Фрэнк Бэрдоу. Он интересуется русской литературой XIX века. Очень доволен, что во время поездки удалось посетить места, связанные с жизнью и творчеством М. Ю. Лермонтова. Восторженно рассказывает о Пятигорске, о Военно-Грузинской дороге... Спрашиваю, сообщил ли он своим родственникам о «злоключениях в России».

— Конечно. Сообщил, что живем в хороших номерах, что нас вкусно кормят, возят по всем достопримечательным местам, а то ведь, начитавшись английских газет, они наверняка подумали, что мы все тут голодаем...

— Просто удивительно, — говорит Элизабет Уильямс, — откуда наши газеты черпали свою информацию. Не перепутали ли они адрес — ведь во многих других странах после краха «Корт лайн» туристы действительно оказались в затруднительном положении. Но мы... Думаю, что наш вид вряд ли свидетельствует об истощении и бессонных ночах на улицах советских городов...

Итак, информация «Санди телеграф» и некоторых других английских буржуазных газет о «бедствиях туристов в России» обернулась, мягко говоря, дезинформацией. В который уже раз!

Я. БОРОВОЙ, спец. корр. «ЛГ»
МОСКВА

На этой выставке нет никаких муляжей. Все — подлинно нацистское: эмблемы со свастикой и мертвой головой, железные кресты, всевозможная амуниция, вплоть до форменных пуговиц. Манекены в натуральную величину при полном эсэсовском параде. Взгляд у них решительный и жесткий — как в свое время у живых прототипов, «белокурых бестий» во плоти. В стеклянных ящичках — биографии Гитлера. На стенах — штандарты, знамена, мундиры. Мундиры любовно залатаны, отутюжены. Сияют старательно надраенные армейские сапоги. Ярко сверкают кресты, бляхи и прочие погремушки. Нацист без оружия, как известно, не нацист, поэтому щедро представлено и оружие многих видов: автоматы, пистолеты, карабины. Зловеще ощерились стволы пулеметов. Готовая рвануться с места, застыла танкетка.

Выставка занимает целых три этажа. В австрийском местечке Ардаггере она открылась совсем недавно, но уже успела приобрести скандальную известность. Под внешне беспристрастным названием «Вермахт во второй мировой войне» демократическая общественность без труда распознала пронацистскую направленность этой кунсткамеры реликвий прошлого.

Устроители выставки (тоже любопытное обстоятельство) — два молодых австрийца. Один родился в 1945 году, другой — в 1947 году.

Спрашиваю их: «Вы из НДП?»

«Нет, — отвечают, — политикой мы не интересуемся, а вот той эпохой — очень. Мы уже давно собираем железные кресты, эсэсовские эмблемы, оружие».

Один из парней с восторгом говорит о фюрере. «Самое интересное чтиво для меня, — охотно сообщает он, — это биография Гитлера. Сейчас ведь так модно увлекаться всем, что связано с ним».

«А не кажется ли вам, что ваша выставка занята прославлением нацистского прошлого, не пытаетесь ли вы тихой сапой реабилитировать нацизм?»

ЧТО ЗА ФАКТОМ

КОРИЧНЕВАЯ СЫПЬ

Парни мнутся: «Вы знаете, для нас этот музей — бизнес всей жизни. Мы получили здесь столько выгодных предложений, а число заявок на нашу выставку все растет и растет».

Как выясняется, местные власти и ряд фирм активно помогали «экспонентам» при организации выставки. Устроители гордо заявляют, что она застрахована на миллион шиллингов. Более того, некие «анонимные организации» обещали им якобы содействие в демонстрации выставки по всей Австрии.

Невинная затея двух провинциальных недоумков? Так во всяком случае пытался представить выставку-музей кое-кто из моих собеседников. «Хлам прошлого, рухлядь», — уверяли одни. «Что же вы хотите? — говорили другие. — Парней в то время и на свете-то не было. Обо всем они знают лишь понаслышке».

Вот это-то как раз и наводит на размышления. Конечно, коричневая чума не бродит вновь по австрийским городам и весям. О неонацистской партии НДП в последнее время почти ничего не слышно. В Австрии не рвутся бомбы неофашистов, как в Италии, не гибнут ни в чем не повинные люди. И тем не менее на общем фоне нетерпимости к нацизму, на фоне активной деятельности антифашистов, прогрессивной общественности в стране проступает порой коричневая сыпь.

Когда в Западной Германии началась очередная кампания за помилование Гесса, многие австрийские органы массовой информации живо подхватили ее. Нет, они не пытались реабилитировать заместителя Гитлера. Они апеллировали к «гуманизму»: «Ведь Гесс такой больной и старый». Иные шли дальше, пытаясь доказать, что он якобы вообще выступал против войны с Советским Союзом, стремился помешать безумствам фюрера. Австрийское телевидение демонстрировало фильм о «благородной деятельности» сына и жены Гесса, пытающихся вызволить из тюрьмы «несчастного узника», активно настраивало общественное мнение в пользу одного из главных военных преступников третьего рейха.

На австрийском книжном рынке полно литературы о Гитлере. Здесь и биография фюрера в разных вариантах, и воспоминания его бывших сподвижников, генералов вермахта, асов люфтваффе...

Когда в разговоре с издателями и книготорговцами заходит речь о тлетворном влиянии таких изданий, они только пожимают плечами: «Ну что вы, для нас это только коммерция. Другое нас не интересует».

Иные пытаются гальванизировать интерес к Гитлеру и нацизму, так сказать, из «просветительских» соображений. В последнее время на австрийском экране то и дело мелькают названия: «Молодые годы Гитлера», «Последние дни Гитлера»... Во многих фильмах делается попытка «по-человечески» разобраться в жизни бесноватого фюрера, придать его судьбе чуть ли не элемент шекспировской трагедии, где демонический герой обманывается в своем недостойном народе.

...В 30 километрах от Ардаггера расположен другой музей, о котором знает весь мир, — Маутхаузен. В период нацистского господства в этом лагере смерти было уничтожено свыше 120 тысяч человек. В экспозиции же Ардаггера ничто не напоминает ни прямо, ни косвенно о существовании этого зловещего памятника нацизму. Нет там упоминания и о прочих следах нацизма в Австрии: о том, что в период между 1938 и 1945 годами в стране было истреблено около 400 тысяч человек (5,6 процента всего населения).

Упоминаний обо всем этом в Ардаггере нет потому, как мне объяснили, что они «не в профиле» музея...

Р. КРЕСТЬЯНИНОВ, соб. корр. АПН — специально для «ЛГ»
ВЕНА. (По телефону)

СТАТИСТИКА ПЛАНЕТЫ

СТРАШНЫ ЛИ ДВА ПРОЦЕНТА?

В Бухаресте проходила Всемирная конференция по народонаселению, созванная Организацией Объединенных Наций в рамках «года народонаселения».

Пересчитать людей нелегко, даже в наш век учета и контроля. Точно определить число современников вообще невозможно, поскольку в круговороте жизни каждую секунду несколько плачущих входят в жизнь, несколько смолкнувших ее покидают. Даже для общих расчетов ООН глобальные цифры желаемой точности пока не приобрели, так как методы проведения переписей не унифицированы и в ряде стран они проводятся слишком редко.

В частности, в самой населенной стране мира, Китае, последняя перепись проводилась двадцать один год назад. Много воды утекло с тех пор в Янцзы, могли измениться сами демографические тенденции, делая сомнительной любую экстраполяцию.

Кроме того, неизбежны ошибки. В Соединенных Штатах перепроверили итоги переписи 1970 года — обнаружили, что недосчитались около пяти миллионов — ошибка в три процента.

С учетом этих оговорок сообщим, что в 1973 году население земли составило 3 860 млн. человек.

Советская доля — около 6,5 процента.

Человечество быстро растет — на два процента в год. Ничего подобного в прошлом никогда не было. В средние века прирост составлял 0,3 процента, во второй половине прошлого века — 0,6, в десятилетие перед второй мировой войной — один процент.

Рост в два процента в год означает удвоение первоначальной цифры через 35 лет (учитываются сложные проценты, то есть проценты на проценты). Срок покажется мучительно долгим держателю вклада в сберкассе, но для истории он — страничка. Семь миллиардов землян к 2000 году — реальная возможность.

Хватит ли всем места под небом? Ресурсы планеты и ресурсы человеческого разума достаточны. Но мешает экономическая и социальная отсталость значительной части населения земли, проживающей в развивающихся странах. Мешает неоколониализм, стремящийся увековечить эту отсталость. Мешает политика империализма: сначала — пушки, потом — масло.

Два процента прироста — цифра средняя, глобальная. Население Советского Союза, Соединенных Штатов, Японии увеличивалось за последнее десятилетие на 1,1 процента в год, население стран Европы — на доли процента (например, Англии — 0,4). Население стран Азии, Африки и Латинской Америки росло значительно быстрее, например, Индии — на 2,2 процента, Египта — на 2,5, Мексики — на 3,5.

Разные страны по-разному относятся к росту собственного населения. Из 148 стран, опрошенных секретариатом ООН, 85 заявили, что считают темпы роста своего населения «приемлемыми», 42 страны заявили, что он «чрезмерен», а 21 страна сочла его «недостаточным». Следует иметь в виду, что в 42 странах, оценивающих темпы прироста как «чрезмерные», проживает 57 процентов населения планеты, или 81 процент населения тех называемого «третьего мира». Эти страны пытаются, без особого успеха, проводить политику ограничения рождаемости, поскольку их экономическое развитие не поспевает за ростом населения и в пересчете на душу населения уровень жизни в них понижается.

В глобальных масштабах эта проблема выглядит так: за последнее десятилетие производство в мире продовольствия, сырья и топлива возросло на 27 процентов, население же увеличилось на 20 процентов. Итог (повышение жизненного уровня в пересчете на душу населения) получается весьма скромный — семь процентов за десять лет.

Решение проблемы — в ускорении экономического развития, в проведении назревших социальных преобразований. На конференции в Бухаресте принят «План действий», могущий служить основой для национальных мер в области народонаселения.

Г. ГЕРАСИМОВ

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Конкурс «ЛГ» на лучший очерк

ЛИЧНЫЕ И ДЕЛОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ВЕРЫ МЯСОЕДОВОЙ

Геннадий ШПАЛИКОВ

В ПРОХОДНОЙ Куйбышевского авиационного завода на невысоком гранитном постаменте стоит военный самолет. Номер его — 1 872 932.

Самолет, сохранившийся с войны. Это кажется невероятным, но это так. Последний из легендарных, помнящий грохот взрывов, вой зенитных снарядов, жаркие стычки в воздухе. Трудно привыкнуть, что эти самолеты начисто исчезнут, растворятся во времени. Как те же «блерио», «фарманы». Тяжелая и славная выпала им участь — до конца, до последней машины отдать себя борьбе ради Победы.

Этот самолет молодые рабочие завода разыскали в болотистых лесах Карелии. Там была его последняя штурмовка. От самолета остались бронекорпус, одно крыло, пушка. Чертежей на заводе уже не было. Тогда собрали ветеранов. С их помощью бережно, по памяти восстановили весь самолет.

Теперь он стоит у проходной как памятник трудовому героизму рабочих военных лет.

Война... Завод был эвакуирован на ровное поле. Люди работали по две, а то и по три смены. Мерзли, голодали. От смертельной усталости засыпали прямо на плоскостях. Но фронт бесперебойно, до самого Берлина, получал новые машины.

С годами завод рос, появлялись новые корпуса, через проходную входило новое поколение рабочих. Но завод по сути своей, по духу боевого товарищества оставался прежним — со своими традициями, героями, с трудными поисками нового, без чего немыслима авиация.

И мне понятно, почему Вера Мясоедова, молодая женщина, родившаяся после войны, говорит, что заводу она обязана всем.

Девчонкой она пришла на завод. Здесь, в первом цехе, Вера получила специальность токаря-револьверщика. Восемь лет труда. Завод, его люди в самом прямом смысле воспитали ее как профессионала, как личность.

В июне этого года Вера Валентиновна Мясоедова была избрана депутатом Верховного Совета СССР.

Я застал ее разговаривающей с людьми в цехе, не в кабинете.

— Кабинета, верно, нет, — говорит Вера. — А люди все равно идут. Каждый день обязательно приходят или на завод, или прямо домой. Мы с мужем живем в общей квартире. Соседи... И дочке у нас три года. Но дома — это еще ничего. Дома я свободна более или менее... А на работе... У нас главное — не отвлекаться. Полностью сосредоточиться на операции. Мне перед мастером, Василием Михайловичем, неловко и перед девочками — все работают... Я со своим депутатством очень боюсь оторваться от завода... Понимаю, что люди сейчас от меня очень многого ждут. Тем более я своя, с завода. Все вроде бы могу понять.

Вера замолкает, припоминая что-то. Я не тороплю ее с расспросами. Трудно ей сейчас. За эти месяцы, пока ее выдвигали в депутаты, пока шли выборы, она переменилась. Я не знал Веру раньше. Так мне говорят ее товарищи по цеху, по группе. Вот Люба Шельмук, ближайшая подруга Веры. Восемь лет они работают рядом, знают друг о друге, кажется, все. Да, Вера переменилась, говорит Люба. Это заметно. Как будто она старше стала.

— ...У меня два района, — продолжает Вера, — Красноглинский и Кировский. Районы огромные, особенно Красноглинский. Рабочие районы... Первая встреча с избирателями. Об этом трудно рассказать... Я очень волновалась, это же само собой. Но, честно, я не думала, что столько придет народа. Все-таки после работы, вечером. Даже у стен стояли. Очень много молодых, примерно моего возраста. Я сижу, слушаю, как Антон Гаврилович Матусяк, редактор нашей заводской многотиражки, доверенное лицо депутата, рассказывает мою биографию... Он весело рассказывает, Антон Гаврилович. Как пришла в цех девчонкой, как станка боялась, как замуж за Славу вышла, из нашего цеха... Господи, думаю, зачем он все это говорит? Какая у меня биография? Да у любого здесь такая же биография! Но смотрю — все улыбаются, хлопают... Хорошо принимают, как свою. Они не меня лично, но таких, как я, очень хорошо знают. Таких много. А то, что я еще из деревни, из Сосенок Борисовского района, это тоже всем здесь понятно. Многие ребята и девчонки приходят на завод прямо из деревни... В общем, мне как-то легче стало... Я такая, как они. Значит, все правильно. Я и говорила после примерно в таком же духе... — Вера задумалась, помолчала. — А только ночью проснулась, все вспомнила отчетливо, и так мне не по себе стало... Десять классов образования. Ну хорошо, поступаем мы с мужем в Плановый институт, на заочное. Поступим, наверное. Но это же все малость какая! Я — депутат. А что я знаю? Что я могу? Работаю хорошо? Все работают... Да, общественной работой я занималась. Была секретарем комсомольской организации. Меня даже избирали на XVI съезд комсомола делегатом. Но достаточно ли этого, чтобы занимать такую огромную, всенародную должность, как депутат? Вот все это я должна была сказать избирателям на первой же встрече...

Я понимаю: люди от меня многого ждут!.. Вот смотрите, только по Красноглинскому району. В поселке «Прибрежный» срочно нужен больничный городок. Это там главное, пожалуй. Плохо с этим. Мало коек. А поселок строится. Перспективный поселок. Вот рынка хорошего нет. А как же без рынка? Транспорт. Автобусы переполнены, ходят редко. А вот еще: стадион. Мне говорят: дорого! Конечно, дорого. Но поселок растет. Нельзя без стадиона. Без музыкальной школы. Люди должны жить красиво, весело. Представители милиции говорят: много пьяных. Вытрезвители работают с полной нагрузкой, особенно в выходные дни. Я, конечно, не думаю, что все от пивных сразу бросятся на стадион или запишутся в музыкальную школу... Но отчего выпивают? Часто оттого, что людям, особенно молодым, некуда деться... Вообще пожеланий, предложений очень много. Люди наши все больше осознают за собой личное право судить и беспокоиться обо всем. Выступать с предложениями по поводу того или иного неустройства. Это хорошо. Это и есть то самое, что называют ростом общественного сознания.

Мне как депутату очень много пишут. Я столько писем получаю каждый день, просто не думала, что меня так сразу завалят почтой! Обращаются по разным вопросам. Жалуются. Предлагают. Я для себя решила — на будущее — все как-то привести в систему: где наиболее узкие места в обслуживании населения, по поводу чего чаще всего идут жалобы и откуда... Но вот, понимаете, не должны мы с депутатами городского Совета дублировать друг друга! А получается, что дублируем. Многое уже делается, чтобы поднять авторитет местных органов власти, но тут, конечно, и от самих депутатов зависит... Я для себя выписала слова Ленина из письма руководителям центральных советских учреждений. Вот послушайте...

Вера листает тетрадку, находит нужную страницу.

— «Машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро. От ее расхлябанности не только страдают интересы частных лиц, но и все дело управления принимает характер мнимый, призрачный... требую впредь самых скорых и исчерпывающих ответов на направляемые вам дела и запросы. Ограничиваться пустыми отписками да пересылкой в другие учреждения, значит также плодить волокиту и изводить бумагу».

Вера снова заглядывает в свою тетрадку.

— Это 21-й год, — говорит она. — А вот еще. Про волокиту. Ленин считал, что «волокиту надо уметь ловить и наказывать не намеренную, ибо «намеренной» никогда поймать нельзя». Точно, не поймаешь!

Вера откладывает тетрадку:

— Я еще недостаточно знаю, что я могу... Свои настоящие, реальные права... Я еще не успела войти в работу. Вот вхожу, постепенно. А то, что люди верят, надеются, — это, конечно, помогает. Это самое основное — что верят... Я теперь не имею права быть слабой. Я — Советская власть. В какой-то степени и по мне, по моим поступкам, по моей жизни судят и о нашей власти, ее справедливости, силе. Я все буду делать, и даже больше того, что могу, но я понимаю, что ждут от меня еще большего. Мне люди простят незнание чего-то. Поймут, если в чем-то не разбираюсь. Но трусости на миру, в общественной жизни не простят и не примут. Где-то я читала и согласна с этим полностью, что без смелости любое прекрасное качество человека теряет свою силу. Это верно, теряет. Как рабочая, я никогда не боялась и не боюсь сказать правду кому угодно. Да и не только я. Меня так воспитали на нашем заводе. Я сюда в семнадцать лет пришла — и вот работаю. В партию меня здесь приняли. Так что воспитание серьезное. То, что я думаю, я могу сказать прямо. Но этого теперь мало! Очень мало. Подумаешь — сказать. Невелика заслуга. Но добиться своего, доказать на деле свою правоту, делом помочь — в этом я вижу толк от моего депутатства.

Конечно, мне нужно учиться. Я надеюсь и на институт, конечно, но больше на людей, на жизнь. Я знаю, что на заводе мне всегда помогут. Я об этом все время помню. То, что эти четыре года будут трудными, — я понимаю, я уже на это настроилась. Дома будет трудно, на заводе. Никто меня от работы не освобождал. Прежде всего я — рабочая.

«Прежде всего я рабочая...»

ФЕЩЕНКО Василий Михайлович, мастер цеха № 1:

— ...Все восемь лет Вера в моей группе. Пришла она на завод с десятилеткой, это ей помогло освоить специальность. Руки у нее хорошие. Сейчас обрабатывает сложные детали. Работу она понимает, чувствует. На револьверном станке многое, конечно, зависит от настройщика, но кадровый рабочий — а Веру уже можно называть кадровым рабочим — даже на самом современном станке найдет свои приемы, чтобы сделать больше деталей. У Веры тоже есть свои приспособления, приемы. Как специалист она себя ищет. Приглядитесь, как Вера работает. Понаблюдайте. Она и не спешит, кажется. А дело продвигается быстро. Манера у нее такая, неспешная. А детали все выходят качественные. Все движения у нее выверенные, до автоматизма. Это уже показатель классности. На каждой операции Вера экономит время. Это тоже не сразу приходит. Вот перед ней чертеж. Сложный чертеж. А надо сразу представить всю деталь, весь ход операций. Додумать, на что обратить особое внимание, определить последовательность. Это я долго рассказываю, а соображать надо быстро. Чтоб, когда уже включил станок, никакой путаницы, каши в голове не было. У нас работа аккуратная, безошибочная — самолет делаем, иначе нельзя. «ТУ-154» — уровень мировых стандартов. Все детали ответственные и требуют очень высокой точности изготовления. Вера умеет полностью сосредоточиться на операции, отключиться от всего. Она, когда работает, спокойная. Не нервничает понапрасну, не суетится, задает верный тон всей группе...

ЗИМИН Вячеслав Ефимович, секретарь парткома завода:

— ...Чего мы ждем от Веры Мясоедовой? Еще более активного участия в делах завода. Вера как раз вовремя стала депутатом — мы серийно выпускаем очень нужный стране самолет — «ТУ-154». Это сложный и ответственнейший период для всего коллектива завода. Машина в серии! А это значит, что происходит техническое перевооружение всего производства. Изменяется технология, внедряется новая техника. Станки с программным управлением, поточные линии, высокопроизводительные прессы. Сейчас такой простор для инициативы, выдумки — все

РЕЗОНАНС

БЕРЕЧЬ НЕПОВТОРИМОЕ!

«Красою вечною сиять...» Под таким заголовком в «Литературной газете» (№ 29 от 17 июля 1974 года) была опубликована статья Ст. Лесневского, в которой говорилось об охране природы заповедных зон, историко-литературных памятников.

Читатели горячо откликнулись на статью. Сегодня мы публикуем два письма из редакционной почты.

ЖИВЫЕ НАПОМИНАНИЯ ПРИРОДЫ

ЗАМЕТКИ Станислава Лесневского «Красою вечною сиять...» («ЛГ», № 29, 1974) посвящены актуальной теме — охране неповторимых мест, с которыми связано славное литературное прошлое нашей Родины. В таких местах я провожу почти все выходные и отпуска. Посмотрел много мемориальных памятников и усадеб. Отрадно видеть их восстановленными. Удивляет и восхищает та огромная работа, которая проделана в этой области после войны. Изменились и похорошели за эти годы наши древние города: Новгород, Псков, Владимир, Суздаль, Калуга, Рязань, Смоленск, Бухара, Самарканд. Много разрушенных памятников, музеев, архитектурных сооружений восстановлено в Таллине, Риге, Вильнюсе, Кишиневе и других городах. Улучшено состояние музея-квартиры А. С. Пушкина в Ленинграде и всего комплекса Пушкинских Гор под Псковом, лермонтовских Тархан, толстовского музея в Ясной Поляне, тургеневской усадьбы в Спасском-Лутовинове, музеев С. Есенина в Константинове, Т. Шевченко в Каневе, П. Мирного и В. Короленко в Полтаве...

Сейчас в Орле развертываются работы по созданию музея Н. Лескова. В Пятигорске расширяется лермонтовский мемориал. Сделано в этой области очень много. Однако некоторые места, несущие в себе память о великой русской литературе, еще ждут своей очереди. Иные вообще незаслуженно забыты.

Много замечательных имен, прославивших на весь мир нашу литературу, связано с Подмосковьем. Надо позаботиться, чтобы не зарастала «народная тропа» в Виноградово, Захарово, Ярополец, Архангельское, Ожерелки, другие замечательные места, которые связаны с именем А. С. Пушкина. Мы должны помнить, что в Спас-Углу родился Салтыков-Щедрин, в Перхушкове, Хотькове бывал Гоголь, в Истре, Звенигороде, Мелихове жил Чехов, в Дулебине — Григорович, в Коломне — Лажечников, в Малом Уварове — автор песни «Не брани меня, родная...» поэт Разоренов, в Белоомуте — Огарев, в Картине и Краснове — Гиляровский.

Однако приезжаешь в такое село — и диву даешься: жители порой не знают, чем знамениты, памятны их родные края. И не мудрено: вокруг — ни напоминания об их истории, ни мемориальной доски, ни музея, ни даже фотовыставки в клубе или библиотеке.

Нужно добиваться общими усилиями и всеми средствами того, чтобы сохранить и холмистый пейзаж некрасовской Карабихи, и степные просторы гоголевской Диканьки, и изумительную панораму Военно-Грузинской дороги, по которой в былые годы проезжали Грибоедов, Пушкин, Лермонтов. Мы должны беречь волшебную красоту окрестностей селений Казбеги, Чаргали, где жили великие грузинские писатели Александр Казбеги и Важа Пшавела. Нам нужны и цветущий сад, созданный Сергеевым-Ценским в Алуште, и бажовские уголки на Урале, и таежная глухомань Сибири, описанная Вячеславом Шишковым. Живые напоминания природы о прошлом мы должны сохранить не только для современников, но и для будущего.

В. БУНЯЕВ,
кандидат филологических наук

МУЗЕЙ ИЛИ «ЦЕХ»?

ЩЕЛЫКОВО — имение, где жил и работал Александр Николаевич Островский. Теперь усадьба принадлежит Всероссийскому театральному обществу и называется Государственным музеем-заповедником. Она включает в себя, во-первых, мемориальный комплекс, во-вторых... дом отдыха, да еще с подсобным хозяйством — собственными животноводческими фермами, пилорамой и т. д.

«Посетить дом отдыха ВТО «Щелыково» — это значит побывать в гостях у великого драматурга Островского, в усадьбе, которая более 30 лет служила ему местом творческого уединения» — это фраза из рекламного проспекта.

Видите, как ставится вопрос? Но знаете ли вы, как называется музей Островского в щелыковском обиходе и даже внутриучрежденческих бумагах? Цехом. Поэтично? Имеется, значит, цех телесной пищи (столовая) и цех духовной пищи (музей). Так поклонение сменяется потреблением, о чем писал Ст. Лесневский в статье «Красою вечною сиять...».

Вот мы с вами идем по щелыковскому лесу, по неправдоподобно красивому лесу, который увековечен в «Снегурочке». По этим самым тропинкам бродил, распевая песенки, симпатяга Лель, по этим оврагам и болотцам метался опаленный страстью Мизгирь — все с натуры, все в той сказке писано с натуры. Есть и Берендеевка, есть и Ярилина долина...

Но... пасутся коровы в Ярилиной долине и по берегам Куекши, они пасутся также в непосредственной близости от музея-усадьбы и, бывали случаи, забирались на крыльцо, на веранду. В лесной усадьбе площадью более 200 гектаров нет ни специалиста-лесовода, ни объездчиков, ни егерей. Лес захламлен сухостоем и порубочными остатками, разрастаются малоценные породы (ива, ольха), нарушена ландшафтная структура, заросли луга вдоль речки Куекши, затянулась и не работает мелиоративная сеть.

Государство ассигнует на реставрацию и содержание усадьбы немалые средства, а между тем музей по-прежнему лишен элементарнейших, так сказать, атрибутов существования. Нет приборов для контроля над влажностью воздуха в помещениях, не завершена и даже не продумана как следует отопительная система. Нет в штате музея ни художника, ни фотографа, ни цветовода, без которых давно уже не обходятся заповедники подобного типа.

Вероятно, иначе и быть не может, поскольку музей Островского — «цех», и непосредственно руководит им в системе ВТО так называемое УПП — управление производственных предприятий, у которого по профилю преобладает «хозяйственный» подход к делу. Путевки, курсовки, гости, продукты, стройматериалы... — вот его главные заботы.

Нет, право же, сколько бы ни расточали мы филиппик против разного рода ведомственных барьеров, иные из них, как видно, необходимы. Хорошо бы в Щелыкове поставить такой крепкий «барьерчик» и четко разделить оба хозяйства, которые слиты в одно самым неестественным образом.

Э. ДОЛОТ

Любимые места Яна Райниса
Фото В. КРОХИНА

«ИВАН ФРАНКО»

ИЗ ПЯТИ наших крупнейших пассажирских теплоходов, названных именами писателей, три — «Иван Франко», «Тарас Шевченко» и «Шота Руставели» — приписаны к Черноморскому пароходству. Летом и осенью они возят советских туристов по Крымско-Кавказской линии, совершая рейсы между Одессой и Батуми. А зимой и весной, зафрахтованные зарубежными фирмами, они принимают на борт иностранных туристов и отправляются с ними в круизы по западноевропейским странам или по дальним морским дорогам — в Атлантический, Индийский и Тихий океаны, к берегам Америки, Африки, Азии, Австралии.

Автор этих строк недавно совершил четырехмесячное плавание в составе экипажа «Ивана Франко». Теплоход был зафрахтован фирмой Некерманн из ФРГ и ходил с западногерманскими туристами в Атлантику, в страны Центральной и Южной Америки, побывал у островов Карибского моря.

За день до отхода «Иван Франко» вышел из текущего заводского ремонта. Поэтому с момента отплытия на судне был объявлен аврал и экипаж от зари до зари убирал, чистил, красил, чинил, поправлял, с трудом стирая въедливые следы ремонтных работ. Через пять дней в Генуе мы приняли на борт первых туристов. Теплоход к этому времени уже выглядел вполне прилично.

А когда четыре месяца спустя «Иван Франко» вернулся в Одессу, он уже полностью соответствовал стандартному определению «белоснежный лайнер». Хотя за кормой его остались тысячи миль океанских и морских дорог, теплоход блестел свежей окраской, во внутренних его помещениях — каютах, коридорах, салонах — царил образцовый порядок, а ослепительно белый машинный зал был похож на храм, где, казалось, только по недоразумению вместо торжественных звуков органа слышится монотонный гул мощных дизелей.

Но дело не только в чистоте и порядке, которые всегда были традицией нашего флота, особенно пассажирского. За эти четыре месяца на «Иване Франко» появилось много нового, чего не было и в помине, когда теплоход отплывал из Одессы. Например, в дополнение к закрытому купальному бассейну с водоподогревом на судне появился второй — с обычной забортной водой. Нарядно выложенный цветной керамической плиткой, он возник на открытой, всегда залитой солнцем палубе, там, где раньше был довольно уродливый люк, ведущий в трюм. Этот бассейн с построенными по обеим его сторонам двумя легкими барами — «Дельфин» и «Альбатрос» — стал в тропиках любимым местом отдыха туристов. А у закрытого бассейна создан целый комплекс водолечения — финская баня «сауна», массажная, циркулярный душ. Все это и многое другое было сделано силами самого экипажа за время нашего четырехмесячного путешествия.

Движение за модернизацию судна на ходу, в процессе эксплуатации родилось не сегодня и не на «Иване Франко». Но именно здесь это движение приняло постоянный и планомерный характер, особенно с приходом на корабль в 1973 году нового капитана Ю. А. Орлова, опытного моряка, почти четверть века водившего по всем морям и океанам торговые суда Дальневосточного и Черноморского пароходств. Капитан, единодушно поддержанный партийной и профсоюзной организациями теплохода, стал душой модернизационных работ и взял их под свой неусыпный контроль. Была сформирована специальная бригада, и отчет об этих работах два-три раза в неделю слушался на планерках у капитана с участием всех начальников служб. Но главное в том, что люди заинтересовались модернизацией, поняли ее смысл и значение, и поэтому она все больше превращалась в коллективный творческий труд всего экипажа.

В наше время, когда деловой путешественник перебрался на борт быстрого самолета, а морскими лайнерами окончательно завладел турист, самое важное для пассажирского судна не скорость хода, а четкость работы всех служб корабля и удобства для жизни и отдыха людей — тот сервис, который, увы, до последних лет отнюдь не был нашим сильным местом. Что касается четкости, могу засвидетельствовать — за четыре с половиной месяца лишь один раз машина «Ивана Франко» остановилась из-за какой-то незначительной неисправности на 10—15 минут, и за все это время только однажды теплоход пришел в порт с двухчасовым опозданием из-за плохой погоды. Сервис же, признаюсь, к моему удивлению, оказался на неожиданно высоком уровне.

Пассажирская служба, в ведении которой находится содержание кают и других помещений, на «Иване Франко» имеет давние и хорошие традиции. Создателем и хранителем их стала пассажирский помощник капитана Л. Н. Кялова, ветеран теплохода, работающая здесь с момента спуска его на воду. Судно и его экипаж давно стали для нее домом и семьей, и на «Иване Франко» все знают, что от строгих, придирчивых глаз Кяловой и тщательно подобранных ею бригадиров пассажирской службы не укроется ни одно упущение каютной номерной. И так поставлено дело в этой службе, которая уже несколько лет носит звание коллектива коммунистического труда, что любая небрежность тут сразу же будет замечена и станет предметом обсуждения. Характерно, что в нескольких сотнях анкет с вопросами о качестве обслуживания, на которые по просьбе капитана отвечали туристы из разных групп, нет ни одной жалобы на содержание помещений и в графе «Как убирают у вас в каюте?» стояло, как правило, «хорошо», «отлично», «идеально», и кто-то даже записал: «Убирают старательно, даже когда в каюте совсем чисто». А другой турист, сходя на берег в конце путешествия, признался пассажирскому помощнику, что все это время он подвергал уборщиц тайному испытанию. Не поверив, что каюту всегда убирают так тщательно, как это было в первый день его пребывания на судне, он придумал свою проверку. Каждое утро, уходя из каюты, он оставлял в каком-нибудь дальнем углу или в щели окурок сигареты и, возвращаясь, тотчас же смотрел, остался ли он после уборки. Окурок неизменно исчезал. Для туриста это стало своего рода ежедневным спортом, но посрамить уборщицу ему так и не удалось, и, покидая теплоход, он открыто заявил о своем поражении.

Судовой ресторан, его кухню и обслуживание многие считают главным на круизном корабле и, перефразируя известную поговорку, твердят, что «путь к сердцу туриста лежит через желудок». На «Иване Франко» больше половины экипажа — 180 человек — это персонал ресторана: повара, официантки, бармены, рабочие кухни. Судя по тем же анкетам, разнообразие и качество приготовления блюд вполне удовлетворяют пассажиров. Лишь от женской половины туристов приходилось слышать полушутливые сетования на

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Автор этих строк недавно совершил четырехмесячное путешествие в составе экипажа советского теплохода.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«А КОСТРЫ ВСЕ ГОРЯТ И ГОРЯТ...»

Калужский межотраслевой территориальный центр научно-технической информации и пропаганды (ЦНТИ) был слишком расточительным в использовании бумаги. Потребителям на бланках Центра рассылалось множество копий одной и той же информации, зачастую без всякой на то необходимости. За это калужан критиковала «ЛГ» (№ 48, 1973). Получен ответ от директора ЦНТИ А. Полуянова:

«Калужский ЦНТИ рассмотрел критические замечания в адрес Центра в статье И. Халифмана «А костры все горят и горят...» и считает их справедливыми. В настоящее время информационные письма издаются строго в соответствии с методическими требованиями.

Выступление «ЛГ» обсуждено в коллективе сотрудников Центра, повышена ответственность должностных лиц за более экономное расходование бумаги».

«СЕМЬ ЛЕТ — ОДИН ОТВЕТ...»

На Камском целлюлозно-бумажном комбинате производство мелованной бумаги ни по качеству, ни по количеству не отвечает потребностям современной полиграфии. Многокрасочные иллюстрированные издания на такой бумаге печатать практически невозможно. Машины, купленные у австрийской фирмы «Фойт» специально для производства мелованной бумаги, долгие годы использовались не по назначению и уже устарели морально и физически. Но главная беда — отсутствие высококачественного каолина, который входит основным компонентом в пасту для мелования. Который уже год ведутся разговоры о каолине, раздаются обещания, а воз и ныне там!

Обо всем этом рассказывалось в статье А. Леликова «Семь лет — один ответ...» («ЛГ», № 35, 1973).

Редакция получила официальный ответ от члена коллегии Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР В. ЕСАФОВА.

«Недостатки в организации выпуска мелованной бумаги на Камском целлюлозно-бумажном комбинате, а также длительная задержка реконструкции этого комбината действительно имеют место и изложены в статье «Семь лет — один ответ» правильно, — сообщает тов. Есафов. — Работы по реконструкции комбината начаты. Для коренной модернизации бумагоделательной машины № 2 поставлены новые узлы заводом «Ижтяжбуммаш». Аналогичная работа будет проведена с бумагоделательной машиной № 1, что позволит увеличить мощность этих машин на 10 тысяч тонн типографской бумаги в год.

Намечается закупка импортного оборудования для реконструкции бумагоделательных машин № 7 и № 8 и оснащения их современными установками для мелования бумаги, что позволит значительно улучшить качество этой бумаги.

В 1974 году завершатся работы по переводу целлюлозного завода на двухступенчатый способ варки, что позволит улучшить качество и увеличить количество вырабатываемой целлюлозы.

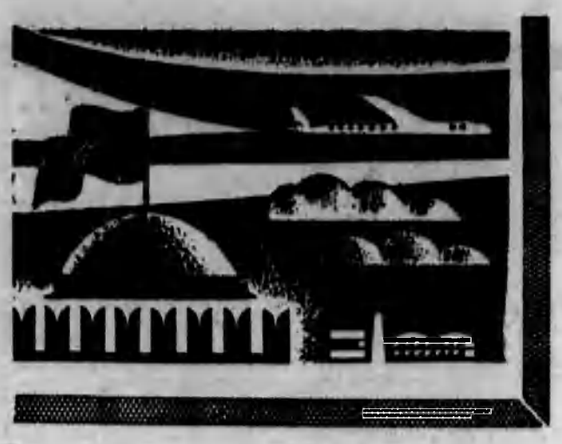
На комбинате осуществляется строительство утилизационной котельной для сжигания коры, а также выпарной станции для утилизации органических веществ из варочных веществ.

Утвержден технический проект объединенных очистных сооружений для Камского целлюлозно-бумажного комбината и г. Краснокамска.

Строительные работы на комбинате идут недостаточными темпами — как вследствие ограниченных ассигнований, которыми располагает министерство, так и из-за слабости строительной организации.

Начиная с 1975 года для ускорения работ по реконструкции Камского комбината и строительстве очистных сооружений министерство намечает значительное увеличение капиталовложений, в том числе и для строительства жилья.

В статье справедливо отмечено, что на многие годы затянулся вопрос производства отбеленного каолина для мелования бумаги. По имеющимся у нас сведениям, установка для отбелки каолина на Просяновском комбинате вводится в эксплуатацию».



лучшие профессиональные качества рабочего, инженера могут раскрыться наиболее полно и ярко именно в этот период. Вера — человек живой, деятельный. Мы ее знаем такой. А сейчас ее участие в делах завода может стать очень весомым, значительным. Уже есть и будут возникать вопросы, которые в интересах завода она может поднимать на самом высоком, государственном уровне. Ответственность, конечно, большая. Но таких людей, как Мясоедова, само положение заставляет соответствовать высокому уровню, помогает расти...

Люба ШЕЛЬМУК, токарь-револьверщик:

— ...К нам в группу пришла девочка. Такая тихая, скромная девочка. Все молчком. И вдруг звонок: она в милиции. Оказывается, ночевала на вокзале да еще выпила. Вера сразу к ней поехала. Вернулась страшно расстроенная. Ругает себя, нас всех обвиняет, какие мы бездушные, только собой заняты и так далее... Она эту девочку потом от себя никуда не отпускала. Устроила в общежитие. Вообще взялась за нее и нас заставила. Ангелом мы эту девочку делать не собираемся, но человеком сделаем. Вот это очень характерно для Веры — участие в людях не по обязанности, а по душе. Поэтому вокруг нее всегда много народа. Она надежная. Я по себе знаю. У меня в жизни был очень тяжелый момент. Если бы не Вера и вся наша группа, я даже не знаю, что со мною было бы. А Вера сама помогла и так все сделала, что, может быть, через нее мы впервые почувствовали, как нужны друг другу. Конечно, мы все гордимся, что Вера теперь депутат.

Вера МЯСОЕДОВА, токарь-револьверщик:

— ...На револьверных станках никаких рекордов не устанавливают. Наше дело — точность. И время, время! Везде, где только можно, экономить время производства. В известных уже операциях искать новое, пробовать... Мы по инициативе комсомольского бюро пустили по цеху, по группам толстую книгу с чистыми страницами — эстафету рационализаторских предложений. Сначала двигалось туго. Но вот один записал, другой, третий — пошла эстафета, полетела! Самолюбие, конечно, — чем я хуже? А потом появился настоящий интерес. Вкус к новому почувствовали. А это так важно! Поверить, что можешь больше, чем сам ожидал... 150 записей появилось в книге. Почти всю исписали, и дельные вещи, между прочим, предлагали. Переписали кое-где технологию. Что-то добавили... И оказалось, что те же детали можно делать быстрее и чище. Конечно, детали, которые мы делаем на револьверных станках, небольшие и разные по номенклатуре, поэтому говорить о каком-то значительном экономическом эффекте нельзя. Но в совокупности рационализаторские предложения ощутимо отражаются на экономии рабочего времени. Одним словом, время вперед! А главное здесь, может быть, в другом. Это частный пример — с эстафетой предложений. Но показателен как направление наших поисков. Сейчас, когда на нашем заводе происходит техническое перевооружение всего производства, — а это целая революция! — как много зависит от инициативы каждого рабочего, от его личного, заинтересованного участия в общем процессе!.. О своей работе говорить очень трудно... Есть какие-то подробности, оттенки... Как это объяснишь? Вот детали. Они все разные. И характеры у них разные. Точно как у людей. Есть тяжелые, скучные детали. Не сложные, а именно тяжелые в общении. С ними общаешься, пока делаешь, только по службе. Ровно, вежливо — и не больше. Я с ними характер свой редко показываю. Но есть у меня какие-то любимые детали. Их ждешь. Их хочется делать, с ними интересно! Всегда есть момент неожиданности. Есть борьба — и проиграть можно! А стараешься победить. Вот и сложная деталь, очень, а я делаю ее с легкостью, все у меня получается. Как она ни вертится, а верх все-таки мой! Приходит такая партия — даже ревность появляется: кому мастер, Василий Михайлович, распределит из девочек? Любая из нас может сделать — и Маша Антипова, и Нина Долгунова, и Надя Смолина, а мне все кажется, я лучше сделаю...

С Верой МЯСОЕДОВОЙ я встретился еще раз в Москве. Только что закончилась первая в ее жизни сессия Верховного Совета СССР. Вера собиралась домой. То ли оттого, что дождь шел в Москве с утра, то ли так всегда бывает перед дорогой, а может быть, потому, что она только что вернулась из Пушкинского музея, но настроение у Веры было лирическое. О самой сессии она рассказывала скупо — чувствовалось, что впечатлений у нее много, но требуется время, чтобы разобраться во всем.

А в конце недлинного нашего разговора она вдруг предложила мне послушать стихи. Нет, не свои. Одного заводского поэта.

Вера прочитала, а я записал стихи в тетрадку и с ее разрешения привожу их здесь.

...Когда на крыши и дороги
слетает птицею рассвет,
я улыбаюсь всем с порога,
я говорю земле — привет!

Мне по душе автобус тесный,
деревья в утренней росе,
и жить на свете интересно
всегда на взлетной полосе!

Иду, усталая, с работы,
гляжу спокойно в высоту —
несут большие самолеты
мою надежду и мечту.

Несут, пронзая неба ясность,
к высоким, белым облакам
мою небесную причастность
к земным заботам и делам.

КУЙБЫШЕВ—МОСКВА

ИДЕТ В АТЛАНТИКУ

С. С. СМИРНОВ

то, что пищи слишком много, а приготовлена она так вкусно, что отказаться от нее бывает трудно, несмотря на заботу о стройности фигуры. Действительно, готовят на «Ивана Франко» очень вкусно — шефом на теплоходе работает известный в Одессе повар Владимир Александрович Воробьев, истинный поэт своего тонкого кулинарного дела и человек трудной и интересной жизни. Сирота, переживший страшное, полное нищеты, голода и побоев детство, он побывал и у беспризорников, и у знаменитых одесских воров. Хороший человек и коммунист, работник

Одесского горкома партии Максименко сумел вытащить его и еще нескольких ребят из этой ямы, и Воробьев стал комсомольцем и получил профессию повара. Это было в двадцатых годах. В то время в Одессе жил большой мастер кулинарного искусства, бывший повар царя Еремеев. К нему-то, человеку отвратительного характера, тяжелому деспоту, комсомольская организация послала работать Воробьева с поручением во что бы то ни стало добиться расположения Еремеева и перенять у него все тонкие секреты поварского мастерства. Молодой повар сумел выполнить это поручение и стал любимым учеником Еремеева. Но особенно благодарен он своему учителю не столько за посвящение в профессиональные тайны, сколько за чувство любви к своей специальности, гордости и великой ответственности за нее, навсегда воспитанные в нем Еремеевым, который, бывало, говорил ему:

— Помни, Володька, если хоть на минуту усомнишься в своей профессии — бросай ее. Таков наше поварское дело. Человек свой желудок даже знаменитому хирургу доверит только раз, да и то в крайнем случае, а нам он его каждый день доверяет. Гордись этим.

И надо видеть, как на прощальном ужине очередной смены туристов, одетый в элегантный светлый костюм, в рубашке с жабо и галстуком-бабочкой, гордо, словно генерал на параде, Воробьев проходит через весь зал ресторана во главе целой процессии поваров в белоснежных колпаках, везущих на колесных столиках всякие кулинарные диковинки, изготовленные на кухне. И достаточно слышать восторженные, благодарные аплодисменты туристов, чтобы понять, что искусство шефа и его помощников завоевало полное признание и оправдало доверие гостей.

Между прочим, хочу заметить, что В. А. Воробьев не только большой мастер своего поварского дела, но и по-одесски талантливый рассказчик — можно часами слушать его рассказы о жизни, о людях, с которыми ему доводилось встречаться. Он почти закончил объемистую рукопись своих мемуаров. Я читал ее и должен засвидетельствовать, что, хотя литературно и даже грамматически эта рукопись очень несовершенна, читается она с интересом и под пером опытного литературного обработчика обещает превратиться в любопытную книгу.

Можно бы говорить и о других сторонах обслуживания туристов — о работе официанток, администраторов, переводчиков. Все они отлично делают свое дело — недаром один из туристов, человек богатый и много путешествующий, в ответ на мой вопрос о том, как его тут обслуживают, ни на секунду не задумываясь, сказал:

— Как в самом первоклассном отеле.

И все же это сравнение было не совсем верным. Здесь, на корабле, господствовала совсем иная атмосфера, и она-то, по-моему, оказывала на пассажиров особое воздействие.

Интересно было наблюдать, как менялось поведение туристов за время трехнедельного рейса. Большая часть пассажиров «Ивана Франко» состояла из людей пожилых и старых, прошедших через войну или даже побывавших с гитлеровской армией на нашей земле. На советский корабль их привела более умеренная цена, которую предлагает фирма Некерманн своим клиентам. Многими, вероятно, руководило и любопытство. Я видел, как настороженно и даже недоверчиво оглядывали они салоны и другие общие помещения судна в первый день прихода на корабль, как пытливо и с каким-то подозрением, исподволь всматривались в лица советских моряков, словно пытаясь прочесть в них скрытую враждебность. Вместо этого они повсюду встречали любезную предупредительность, но без угодливости, желание услужить, но без подобострастия. Чувствовали дружелюбное, спокойное достоинство людей в отношениях с пассажирами и атмосферу настоящей дружбы и товарищества, царящую внутри этого коллектива.

Какой бы «отдельной» ни была внутренняя жизнь команды, за три недели плавания пассажир, даже иностранец, обязательно почувствует и поймет, какова действительная атмосфера, в которой живет экипаж: то ли господствуют здесь суровая дисциплина и угроза быть списанным на берег, то ли идет в коллективе тайная борьба каких-то группок, отравляющая отношения между людьми, то ли молчаливая круговая порука загоняет здесь внутрь все недостатки в стремлении любой ценой сохранить честь «корабельного мундира». На «Иване Франко» при всех неизбежных между людьми личных симпатиях и антипатиях прочно установилась атмосфера подлинно морской дружбы, делового товарищества, взаимного уважения и приязни. Здесь нет ни склок, ни интриг, могущих отразиться на работе и жизни команды. «Здесь человека уважают и доверяют ему, — сказала мне рядовая уборщица, — и люди в ответ стараются...»

Во всем этом, вероятно, решающую роль сыграл капитан Ю. А. Орлов, умный и опытный руководитель, требовательный начальник и в то же время добрый, душевный человек, одинаково ровный и уважительный в обращении с любым членом экипажа — будь то командир, палубный матрос или уборщица. Капитана удачно дополняет его первый помощник и секретарь парткома теплохода, кандидат экономических наук Т. К. Тупицын, которого любят и уважают в коллективе и который обладает завидной и важной для политработника способностью устанавливать душевный, дружеский контакт с людьми. Руководители экипажа, опираясь на полную поддержку партийной, профсоюзной и комсомольской организаций судна, настойчиво и успешно формируют на корабле здоровую, товарищескую и в то же время деловую атмосферу.

В дополнение к отличному сервису эта атмосфера, несомненно, оказывает свое влияние на туристов. Настороженность их быстро исчезает, и между пассажирами и командой прочно устанавливаются доброжелательные, приветливые отношения. А когда к концу каждого круиза в большом музыкальном салоне теплохода проводится так называемый «Русский вечер», в горячем энтузиазме зрителей тают последние льдинки скепсиса и недоверия.

«Русский вечер» — это показ художественной самодеятельности экипажа. Самодеятельность на «Иване Франко» издавна была поставлена на широкую ногу, хорошо снабжена костюмами и инструментами и находится на довольно высоком уровне. Уже начало этого вечера — вступительное слово ведущего, который рассказывает о развитии художественной самодеятельности в нашей стране, — вызывает удивленное любопытство туристов. А почти двухчасовой концерт с выступлениями судовых танцевальных ансамблей «Березка» и «Гопак», струнного оркестра, многочисленных солистов идет на нарастающих восторженных аплодисментах. Перед пассажирами танцуют только что обслуживавшие их за ужином официантки Лена Асс и Тамара Ващенко, буфетчица Люба Кадочникова, поет медсестра Таня Денисова, и с особенным успехом, не уступая ни голосом, ни исполнением хорошей эстрадной певице, исполняет французские и итальянские песни официантка Светлана Семенюк. Этот «Русский вечер», завершающийся танцами, в которых участвуют и «артисты», и зрители, окончательно закрепляет дружбу пассажиров и экипажа. Через несколько дней туристы покидают теплоход уже совсем не такими, какими пришли, — они дружески прощаются с членами команды, вручают свои визитные карточки и зовут в гости, оставляют горячие записи в книге отзывов. И многие пишут, что обязательно снова поедут в путешествие на «Иване Франко».

Я бывал и плавал на торговых судах и знаю, как высоко держит свое знамя на морях земного шара наш коммерческий флот. С чувством радости и гордости я убедился за время путешествия на «Иване Франко», что и пассажирский флот нашей страны вышел на уровень мировых стандартов и уверенно завоевывает признание советских и зарубежных туристов.

Василий ШУКШИН

КЛЯУЗА

ОПЫТ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО РАССКАЗА

Рассказ, который мы перепечатываем из восьмой книжки журнала «Аврора», затрагивает традиционную для «Литературной газеты» тему человеческих взаимоотношений, нравственного микроклимата, защиты достоинства личности.

Хочу тоже попробовать написать рассказ, ничего не выдумывая. Последнее время мне нравятся такие рассказы — невыдуманные. Но вот только начал я писать, как сразу запнулся: забыл лицо женщины, про которую собрался рассказать. Забыл! Не ставь я такой задачи — написать только так, как было на самом деле, я, не задумываясь, подробно описал бы ее внешность... Но я-то собрался иначе. И вот не знаю: как теперь? Вообще удивительно, что я забыл ее лицо. — я думал: буду помнить его долго-долго, всю жизнь. И вот — забыл. Забыл даже, есть на этом лице бородавка или нету. Кажется, есть, но, может быть, и нету, может быть, это мне со зла кажется, что есть. Стало быть, лицо — пропускаем, не помню. Помню только: не хотелось смотреть в это лицо, неловко как-то было смотреть, стыдно, потому, видно, и не запомнилось-то. Помню еще, что немного страшно было смотреть в него, хотя были мгновения, когда я, например, кричал: «Слушайте!..» Значит, смотрел же я в это лицо, а вот — не помню. Значит, не надо кричать и злиться, если хочешь что-нибудь запомнить. Но это так — на будущее. И потом: вовсе я не хотел тогда запомнить лицо этой женщины, мы в те минуты совершенно серьезно ненавидели друг друга... Что же с ненависти спрашивать?! Да и теперь, если уж говорить всю правду, не хочу я вспоминать ее лицо, не хочу. Это я ради документальности решил было начать с того, как выглядит женщина. Никак! Единственное, что я хотел бы сейчас вспомнить: есть на ее лице бородавка или нет, но и этого не могу вспомнить. А прошло-то всего три недели! Множество лиц помню с детского возраста, прекрасно помню, мог бы подробно описать, если бы надо было, а тут... так, отшибло память, и все.

Но — к делу.

Раз уж рассказ документальный, то и начну я с документа, который сам и написал. Написал я его по просьбе врачей той больницы, где все случилось. А случилось все вечером, а утром я позвонил врачам, извинился за самовольный уход из больницы и объяснил, что случилось. А когда позвонил, они сказали, что та женщина уже написала на меня документ, и посоветовали мне тоже написать что-то вроде объяснительной записки, что ли. Я сказал дрожащим голосом: «Конечно, напишу. Я напишу-у!..» Меня возмутило, что она уже успела написать! Ночью писала! Я, приняв димедрол, спал, а она не спала — писала. Может, за это уважать надо, но никакого чувства, похожего на уважение (уважают же, говорят, достойных врагов!), не шевельнулось во мне. Я ходил по комнате и только мычал: «Ах ты...» Не то возмутило, что она опередила меня, а то — что она там понаписала. Я догадывался, что она там наворочала. Кстати, почерк ее, не видя его ни разу, я, мне кажется, знаю. Лица не помню, не знаю, а почерк покажи — сразу сказал бы, что это ее почерк. Вот дела-то!

Я походил, помычал и сел писать.

Вот что я написал:

«Директору клиники пропедевтики I мединститута имени Сеченова».

Я не знал, как надо: «главврачу» или «директору», но подумал и решил: лучше — «директору». Если там «главврач», то он или она, прочитав: «директору», подумает: «Ну уж!..» Потому что, как ни говорите, но директор это директор.

Я писал дальше:

«Объяснительная записка.

Хочу объяснить свой инцидент...»

Тут я опять остановился и с удовлетворением подумал, что в ее документе наверняка нет слова «инцидент», а у меня — вот оно, извольте: резкое, цинковое словцо, которое и само за себя говорит, и за меня говорит — что я его знаю.

«...с работником вашей больницы...»

Тут опять вот — «вашей»... Другой бы подмахнул — «Вашей», но я же понимаю, что больница-то не лично его, директора, а государственная, то есть общее достояние, поэтому, слукавь я, польсти с этим «Вашей», я уронил бы себя в глазах того же директора, он еще возьмет и подумает: «Э-э, братец, да ты сам безграмотный». Или — еще хуже — подумает: «Подхалим».

Итак:

«Хочу объяснить свой инцидент с работником вашей больницы (женщина, которая стояла на вахте 2 декабря 1973 года, фамилию она отказалась назвать, а узнавать теперь, задним числом, я как-то по-человечески не могу, ибо не считаю это свое объяснение неким «заявлением» и не жду, и не требую никаких оргвыводов по отношению к ней), который произошел у нас 2 декабря. В 11 часов утра...»

В этом абзаце мне понравилось, во-первых, что «задним числом я как-то по-человечески не могу...». Вот это «по-человечески» мне очень понравилось. Еще понравилось, что я не требую никаких «оргвыводов». Я даже подумал: «Может, вообще не писать?» Ведь получается, что я, благородный человек, все же пишу на кого-то что-то такое... В чем-то таком хочу кого-то обвинить... Но как подумал, что она-то уже написала, так снова взялся за ручку. Она небось не раздумывала! И потом, что значит — обвинить? Я не обвиняю, я объясняю и «оргвыводов» не жду, больше того, не требую никаких «оргвыводов», я же и пишу об этом.

«В 11 часов утра (в воскресенье) жена пришла ко мне с детьми (шести и семи лет), я спустился по лестнице встретить их, но женщина-вахтер не пускает их. Причем я, спускаясь по лестнице, видел посетителей с детьми, поэтому, естественно, выразил недоумение: почему она не пускает? В ответ услышал какое-то злостное—не объяснение даже — ворчание: «Ходют тут!» Мне со стороны умудренные посетители тихонько подсказали: «Да дай ты ей пятьдесят копеек, и все будет в порядке». Пятидесяти копеек у меня не случилось, кроме того (я это совершенно серьезно говорю), я не умею «давать»: мне неловко. Я взял и выразил сожаление по этому поводу вслух: что у меня нет с собой пятидесяти копеек».

Я помню, что в это время там, в больнице, я стал нервничать. «Да до каких пор!..» — подумал я.

«Женщина-вахтер тогда вообще хлопнула дверью перед носом жены. Тогда стоявшие рядом люди хором стали просить ее: «Да пустите вы жену-то, пусть она к дежурному врачу сходит, может, их пропустят!»

Честное слово, так и просили все... У меня там, в больнице, слезы на глаза навернулись от любви и благодарности к людям. «Ну!..» — подумал я про вахтершу, но от всяческих оскорблений и громких возмущений я удерживался, можете поверить. Я же актер, я понимаю... Наоборот, я сделал «фигуру полной беспомощности» и выразил на лице большое огорчение.

«После этого женщина-вахтер пропустила жену, так как у нее же был пропуск, а я, воспользовавшись открытой дверью, вышел в вестибюль к детям, чтобы они не оставались одни. Женщина - вахтер стала громко требовать, чтобы я вернулся в палату...»

Тут я не смогу, пожалуй, передать, как она требовала. Она как-то механически, не так уж громко, но на весь вестибюль повторяла, как в репродуктор: «Больной, вернитесь в палату! Больной, вернитесь в палату! Больной, я кому сказала: вернитесь сейчас же в палату!» Народу было полно, все смотрели на нас.

«При этом женщина-вахтер как-то упорно, зло, гадко не хочет понять, что я этого не могу сделать — уйти от детей, пока жена ищет дежурного врача. Наконец она нашла дежурного врача, и он разрешил нам войти. Женщине-вахтеру это очень не понравилось».

О, ей это не понравилось, да: все смотрели и ждали, чем это кончится, а кончилось, что ее как бы отодвинули в сторону. Но и я, по правде сказать, радости не испытал — я чувствовал, что это еще не победа, я понимал тогда сердцем и понимаю теперь разумом: ее победить невозможно.

«Когда я проходил мимо женщины-вахтера, я услышал ее недоброе обещание: «Я тебе это запомню». И сказано это было с такой проникновенной злобой, с такой глубокой, с такой истинной злобой!.. Тут со мной что-то случилось: меня стало мелко всего трясти...»

Это правда. Не знаю, что такое там со мной случилось, но я вдруг почувствовал, что — все, конец. Какой «конец», чему «конец» — не пойму, не знаю и теперь, но предчувствие какого-то очень простого, тупого конца было отчетливое. Не смерть же, в самом деле, я почувствовал — не ее приближение, но какой-то конец... Я тогда повернулся к ней и сказал: «Ты же не человек». Вот — смотрел же я на нее! — а лица не помню. Мне тогда показалось, что я сказал гулко, мощно, показалось, что я чуть не опрокинул ее этими словами. Мне на миг самому сделалось страшно, я поскорей отвернулся и побежал догонять своих на лестнице. «О-о!.. — думал я про себя. — А вот — пусть!.. А то только и знают, что грозят!» Но тревога в душе осталась, смутная какая-то жуть... И правая рука дергалась — не вся, а большой палец, у меня это бывает.

«Я никак не мог потом успокоиться в течение всего дня. Я просил жену, пока она находилась со мной, чтобы она взяла такси — и я уехал бы отсюда прямо сейчас. Страшно и противно стало жить, не могу собрать воедино мысли, не могу доказать себе, что это мелочь. Рука трясется, душа трясется, думаю: «Да отчего же такая сознательная, такая в нас осмысленная злость-то?» При этом — не хочет видеть, что со мной маленькие дети, у них глаза распахнулись от ужаса, что «на их папу кричат», а я ничего не могу сделать. Это ужасно, я и хочу сейчас, чтобы вот эта-то мысль стала бы понятной: жить же противно, жить неохота, когда мы такие.

Вечером того же дня (в шесть часов вечера) ко мне приехали из Вологды писатель В. Белов и секретарь Вологодского отделения Союза писателей поэт В. Коротаев. Я знал об их приезде (встреча эта деловая), поэтому заранее попросил моего лечащего врача оставить пропуск на них. В шесть часов они приехали — она не пускает. Я опять вышел... Она там зло орет на них. Я тоже зло стал говорить, что есть же пропуск!.. Вот тут-то мы все трое получили...»

В вестибюле в то время было еще двое служителей — она, видно, давала им урок «обращения», они с интересом смотрели. Это было, наверно, зрелище. Я хотел рвать на себе больничную пижаму, но почему-то не рвал, а только истерично и как-то неубедительно выкрикивал, показывая куда-то рукой: «Да есть же пропуск!.. Пропуск же!..» Она, подбоченившись, с удовольствием, гордо, презрительно — и все же лица не помню, а помню, что презрительно и гордо, — тоже кричала: «Пропуск здесь — я!» Вот уж мы бесились-то!.. И ведь мы, все трое, — немолодые люди, повидали всякое, но как же мы суетились, господи! А она кричала: «А то — побежали!.. К дежурному врачу-у!.. — Это она мне. — А то завтра же вылетишь отсюдова!» Эх, тут мы снова, все трое, — возмущаться, показывать, что мы тоже законы знаем! «Как это — «вылетишь»?! Как это! Он больной!..» — «А вы — марш на улицу! Вон отсюдова!..»

Так мы там упражнялись в пустом гулком вестибюле.

«Словом, женщина-вахтер не впустила моих товарищей ко мне, не дала и там поговорить и стала их выгонять. Я попросил, чтобы они нашли такси...»

Тут наступает особый момент в наших с ней отношениях. Когда товарищи мои ушли ловить такси, мы замолчали... И стали смотреть друг на друга: кто кого пересмотрит. И еще раз хочу сказать — боюсь, надоел уж с этим, — не помню ее лица, хоть убей. Но отлично помню — до сих пор это чувствую, — с какой враждебностью, как презрительно она не верила, что я вот так вот возьму и уеду. Может, у ней драма какая была в жизни, может, ей много раз заявляли вот так же: возьму и сделаю!.. А не делали, она обиделась на веки вечные, не знаю, только она прямо смеялась и особо как-то ненавидела меня за это мое трепаческое заявление — что я уеду. Мы еще некоторое время смотрели друг на друга... И я пошел к выходу. Тут было отделился от стенки какой-то мужчина и сказал: «Э-э, куда это?» Но я нес в груди огромную силу и удовлетворенность. «Прочь с дороги!» — сказал я, как Тарас Бульба. И вышел на улицу.

Был морозец, я в тапочках, без шапки... Хорошо, что больничный костюм был теплый, а без шапок многие ходят... Я боялся, что таксист, обнаружив на мне больничное, не повезет. Но было уже и темновато. Я беспечно, не торопясь, стараясь не скользить в тапочках, чтобы тот же таксист не подумал, что я пьяный, пошагал вдоль тротуара, оглядываясь назад, как это делают люди, которые хотят взять такси. Я шел и думал: «У меня же ведь еще хроническая пневмония... Я же прямо горстями нагребаю в грудь воспаление». Но и тут же с необъяснимым упорством и злым удовлетворением думал: «И пусть».

А друзья мои в другом месте тоже ловили такси. На мое счастье, я скоро увидел зеленый огонек...

Все это я и рассказал в «Объяснительной записке». И когда кончил писать, подумал: «Кляуза вообще-то...» Но тут же сам себе с дрожью в голосе сказал:

— Ну не-ет!

И послал свой документ в больницу.

Мне этого показалось мало: я попросил моих вологодских друзей тоже написать документ и направить туда же. Они написали, прислали мне, так как точного адреса больницы не знали. Я этот их документ в больницу не послал — я и про свою-то «Объяснительную записку» сожалею теперь, — а подумал: «А напишу-ка я документальный рассказ! Попробую, по крайней мере. И приложу оба документа».

Вот — прикладываю и их документ.

г. Москва, ул. Погодинская, клиника пропедевтики, главному врачу

Настоящим письмом обращаем Ваше внимание на следующий возмутительный случай, происшедший в клинике 2 декабря в период с 18 до 19 часов. Приехав из другого города по делам, связанным с писательской организацией, мы обратились к дежурной с просьбой разрешить свидание с находившимся в клинике Шукшиным В. М. Вначале дежурная разрешила свидание и порекомендовала позвонить на этаж. Но, узнав фамилию больного, вдруг переменила решение и заявила: «К нему я вас не пущу». На вопрос «Почему?» она не ответила и вновь надменно и грубо заявила, что «может сделать, но не сделает», что «другим сделает, а нам не сделает». Такие действия для нас были совершенно непонятны, тем более что во время наших объяснений входили и выходили посетители, которым дежурная демонстративно разрешала свидания. Один из них благодарил дежурную весьма своеобразно — он сказал, уходя: «Завтра с меня шоколадка». (Мы не предполагали, что в столичной клинике может существовать такая форма благодарности, и шоколадом не запаслись.)

В. М. Шукшин, которому сообщили о нашем приходе другие больные, спустился с этажа и спросил дежурную, почему она не разрешает свидание, хотя у нас выписан пропуск. Она ответила грубым криком и оскорблением. Она не разрешила нам даже поговорить с В. М. Шукшиным и выгнала из вестибюля. На вопрос, каковы ее имя и фамилия, она не ответила и демагогически заявила, что мы пьяны. Разумеется, это была заведомая ложь и нечем не прикрытое оскорбление.

Считаем, что подобные люди из числа младшего медицинского персонала позорят советскую медицину, и требуем принять административные и общественные меры в отношении медработника, находившегося на дежурстве во второй половине дня 2 декабря с. г.

Ответственный секретарь Вологодской писательской организации — В. КОРОТАЕВ.
Писатель — В. БЕЛОВ.
И — число и подписи.

...Прочитал сейчас все это... И думаю: «Что с нами происходит?»

Необычный урок... Фото В. ЯКОБСОНА

ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...

Марк СОБОЛЬ

СТАРЫЙ МАСТЕР

О городе своей юности — Великом Устюге, о замечательном художнике, с именем которого связана его история, рассказывает поэт Марк Соболь.

ОН КАК БЫ выплыл из-за поворота реки, этот город, похожий на красочную иллюстрацию в старой русской книге. Первыми показались белокаменные стены соборов, маковки куполов, потом отчетливо стали видны старинные дома с колоннами... И лишь потом — как на фотографии в проявителе — вчеканились приметы века: фабричные трубы, четкая геометрия новостроек, современная набережная, полупетлей на высоком холме: излюбленное место гуляний, «откос», или «венец», как говорят в российских приречных городах.

Здесь, вдалеке от артериальных магистралей страны, от прославленных строек и промышленных «чудес века», здесь, где, пожалуй, в годы войны и затемнения-то не было, время двигалось постепенно. Без штурмов и авралов рос и развивался город, спокойно смотрящий на своих именитых соседей, делающий свое нехитрое и нужное дело. Когда-то отсюда вышли Дежнев и Хабаров; сегодня в речном училище, существующем уже десятки лет, воспитываются новые корабелы... Неподалеку Красавинский комбинат, крупнейшее, всесоюзно известное мануфактурное предприятие. Здесь, наконец, «Северная чернь», ювелирные изделия которой славятся далеко за пределами страны. И еще есть славная задумка: сделать город чем-то вроде туристского центра, в одном ряду с Кижами и Суздалем, и в то, что так будет, я верю. Удивительно красив этот город, у подножия которого река Юг впадает в Сухону, образуя начало Северной Двины — Малую Двину!..

Почему же мне грустно сейчас в эту странную — чернью по серебру — летнюю ночь на вологодском Севере?

Порою мне чудится, что мы одинаково стары — и я, и город, притихший на крутом берегу чуть посверкивающей Сухоны. Город — ровесник Москвы: год рождения 1147-й. Я приехал сюда девятнадцатилетним, здесь мне исполнилось двадцать: это было, ребята, в глубокой древности...

Передо мной роскошно изданная Стройиздатом книга — «Великий Устюг». Кстати, прошу, произносить правильно: «Устюг», «Сухона» — в обоих случаях ударение на «у». Так вот в этой книге сказано: «Великий Устюг—один из интереснейших городов Севера нашей страны». И еще: «Каждого путешественника, посетившего Великий Устюг, неизменно охватывает чувство эстетического подъема...». А в другой книге под тем же названием, говорится: «Древний северный город... растет, благоустраивается, устремлен в будущее».

Справедливо! Недаром же большинство встреченных мной прохожих — молодые ребята: из речного, педагогического, из ремесленных и прочих училищ. По улицам прокопаны канавы: поблизости газопровод, город получает дешевое топливо.

С первого июня действует новая авиалиния: Великий Устюг — Москва; я даже видел в местной газете с хорошим названием «Советская мысль» фотографию аэровокзала. Увы, дороги туда из города нет. Добираются так: автобусом, пехом, снова автобусом, пешком, снова автобусом, снова пешком...

Ну да ладно, не об этом сегодня речь.

В городе Великом Устюге живет художник Евстафий Павлович Шильниковский. Художник, без всякого преувеличения, замечательный. Мое мнение в данном случае малоавторитетно, но ведь еще в дореволюционной Академии художеств его, юношу, в нарушение твердых правил перевели из подготовительного класса в мастерскую не за полтора года, а за шесть месяцев. Это было началом, а потом с ним пожелали познакомиться Горький, Шаляпин, Репин. Всемирной славой пользуются работы великоустюгской артели (ныне фабрики) «Северная чернь» — Евстафий Павлович был ее художественным руководителем двадцать восемь лет, начиная с 1935 года...

Город воздал должное таланту и трудолюбию художника — ему первому было присвоено звание почетного гражданина Великого Устюга.

Я помню его высоким широкоплечим бородачом — размашистым и одновременно застенчивым. Имя Шильниковского гремело тогда по Северу, а он мог ночами, весь в краске, вместе с мальчишками-подмастерьями готовить декорации к очередной премьере. Был когда-то в Устюге театр; Евстафий Павлович, кроме всех прочих дел, работал в нем главным художником. Давно это забылось, в истории города упоминается вскользь, и только подружки мои постаревшие, костюмер Зина Добрынина да парикмахер Паня Коновальчук, вспоминали со мной смешную и добрую молодость нашу, и Паня, увидя меня, прежде чем поздороваться, закричала: «Батюшки, какая шевелюра-то была!»... Впрочем, это, пожалуй, к делу не относится.

Мне сказали, что картины Шильниковского можно увидеть в краеведческом музее.

Хороший музей, чего-чего только там нет! Обломки неолита, чучела зверей, старинные вазы и гобелены, к Великому Устюгу непосредственно отношения не имеющие. Музей расширяется, строят новое помещение. Думаю, что тогда найдется просторный и светлый зал и для работ Евстафия Павловича.

А пока картины, плотно притиснутые друг к дружке, висят в маленькой полутемной комнате. Порядок экспозиции непонятен: юношеские работы вперемежку со зрелыми, теснота и пестрота; я не вижу главного — пути художника. Пути к тому удивительному «Автопортрету», что находится у него дома: очень старый, очень добрый и бесконечно творческий человек с озорными печальными глазами. Это совсем недавняя работа.

Мы долго звонили в дверь — Евстафий Павлович стал плохо слышать.

До чего они обрадовались — художник и его жена — приходу гостей! Не сразу понял, кто мы такие, они были счастливы: к ним хоть кто-то пришел. И первое, что я почувствовал, войдя в их дом, было ощущение давнего устоявшегося одиночества.

— А где ваша мастерская, Евстафий Павлович?

— Вот... Темновато, но работать можно...

Десятиметровая, примерно, комната об одно окошко, заставленная старой, видавшей виды мебелью. Картины повесить решительно некуда — «Автопортрет» художник снял со шкафа, встав на кресло и долго роясь в полотнах. Мольберт у самого окна, оно маленькое, свет проникает плохо.

Он говорит мне, смущенно улыбаясь (ему так не хочется выглядеть немощным!), по-прежнему с каким-то мальчишеским заиканием:

— Жизнь им-меет смысл, если работа н-нравится...

Я понимаю, с жильем туговато не только в Великом Устюге. Я не буду говорить о праве крупного художника на мастерскую, о дипломах, заслугах, званиях. Позволю себе лишь повторить, что заслуженный деятель искусств РСФСР Евстафий Павлович Шильниковский — почетный гражданин города.

В этом году — наконец-то! — запланирована его персональная выставка в Москве.

Не забыли...

Рассказывая об этом, Евстафий Павлович с какой-то странной улыбкой протянул мне письмо, напечатанное на бланке правления Союза художников РСФСР.

Нет, он не произнес горького слова «поздно». Он сказал иначе:

— Что бы им раньше б-бы...

Я позволю себе привести выдержки из этого письма от 18 февраля 1974 года:

«Запланирована Ваша персональная выставка в Выставочном зале СХ РСФСР...» Для этого художнику надлежит... далее следует ряд пунктов. Скажем, пункт 3-й: «Для афиши, пригласительного билета... 10—12 фотографических работ (из них четыре слайда), черно-белые на глянцевой бумаге, желательно размером 18 × 24 (по 2 экз.)». Или пункт 4-й: «Кто напишет статью к каталогу? Вы сами, или напишите мне...» и т. д.

Подпись: «Искусствовед Н. К.»

Милая и, наверно, доброжелательная искусствовед Н. К.! Евстафию Павловичу Шильниковскому 84 года. Какие уж тут слайды и «на глянцевой бумаге» — тут бы подумать хоть о том, как добраться до Москвы старому больному художнику, да еще вместе с хворой женой, которую он не может оставить одну! Где, в каких запасниках и хранилищах отыскивать ему свои работы? Понимаю, что Союз художников действовал из самых добрых побуждений. Осталась некая малость — на деле осуществить намерения.

Нет, не зря Евстафий Павлович не сказал «поздно». Еще не поздно! Еще есть время, чтобы послать к художнику в Устюг молодых и энергичных людей — пусть заодно и попишут, там есть что запечатлеть на полотне! — пусть музеи извлекут из запасников, снимут на время со стендов работы Шильниковского, пусть Союз художников сам озаботится тем, «кто напишет статью к каталогу». Пусть бережно усадят Евстафия Павловича с женой в быструю «Зарю», что за два часа по Сухоне и Малой Двине домчит их в Котлас, а там, в мягком вагоне скорого поезда — в Москву... И будет выставка, и тысячи людей получат высокое наслаждение от творчества художника, которому тот же СХ РСФСР писал, что всю силу сердца и ума он отдал на службу народу.

Как мы почтительны к людям, чьими прошлыми заслугами живы сейчас, и как мы порой к этим людям, мягко говоря, невнимательны!

Владимир АМАИНСКИЙ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

ДЕЛО КРАСОВСКОГО

II

ДЕНЬГИ

На рассвете девятого января Красовский пришел к Мезису в меховой шапке, надвинутой на глаза, в темных очках, необычно молчаливый и злой, как после большой пьянки. Надо было договориться с таксистом, имеющим направление в диспетчерскую банка и заступающим во вторую смену. Предварительный разговор с ним уже был. Теперь надо было довести дело до конца. Красовский послал Мезиса. Сам он не хотел появляться в парке.

Мезис пошел договариваться. Красовский с портфелем и хозяйственной сумкой, в которых лежали предметы, ждал неподалеку от таксопарка.

Мезис вернулся ни с чем. Красовский так и знал. Мезис недотепа. Он уломать никого не сможет. Таксист, с которым была предварительная договоренность, по непонятным причинам, отказался. (Какая интуиция подсказала ему? Или просто случайность?)

Как быть? Ведь уже настроились. Красовский знал, что если не сделают сегодня, то, возможно, не сделают никогда. Тем более, что девятое у него счастливое число. И тогда он подумал о Карпове. Карпов тоже с пяти часов вечера должен был возить инкассаторов. Красовский не хотел, чтобы это произошло с Карповым, но теперь уже выбора не было.

— С вами хочет поговорить один человек. Ваш хороший знакомый. Он тут, рядышком, — сказал Мезис Карпову.

Мезис и Карпов пошли навстречу Красовскому. Карпов вначале не соглашался. Тогда Красовский напомнил:

— Что ж ты мне-то отказываешь? Мы ж с тобою как крестники. Ты ж у меня на свадьбе работал. Быстро ты, друг, хорошее забываешь. Поедем, рыбки возьмем, детям привезешь. Заработаешь немного, тебе не повредит и нам тоже.

И Карпов подумал, что, может быть, неплохо привезти ребятам бельдюги, а если повезет, то и угорька.

Ребят было двое — одному шесть лет, другому три.

Согласился.

Первый таксист, который не поехал, сидел в суде. В один момент ему стало чуть ли не дурно. Ему даже дали нашатырь. Он представил себе, что это он их везет. Что это он — Карпов.

Поехали. В ногах у Красовского стояла большая хозяйственная сумка. Мезис держал здоровенный портфель. Карпову до этого не было дела. Мало ли что люди везут. Карпов вообще о плохом никогда не думал. Он с плохим редко встречался. Если с людьми по-хорошему, то и они тебя не обидят. Он с пассажирами никогда не ругался. Раз просят — значит, надо подвезти. Зачем себе и людям нервы портить? Он и считался в парке безотказным...

Только ехать туда ему очень не хотелось. Но отказать он не мог. Парень свой, из таксопарка. И действительно, в загс его возил. Еще заметил, что девчонка у него молодая. Еле-еле восемнадцать дашь.

Ехали спокойно, с разговорами мимо безлюдных поселков с заколоченными окнами... Летние дачки, озябшие, забытые. Только иногда теплый реденький дымок стелется над крышей, уходит в тусклое небо.

Места эти Карпову были знакомы. Сюда он как-то приезжал летом к рыбакам. Здесь он купался, и ему даже больше нравилась эта сторона, чем цивилизованная, курортная Юрмала. И он мечтал о том, чтобы скорее пришло лето, и, может быть, он отвезет сюда своих сыновей, жену, снимет здесь недорого комнату и в свободные от смен дни будет сюда приезжать, и все вместе они будут купаться в холодной, бодрящей воде. Купаться каждый день, с середины июня, а может, с праздника Лиго, и до конца августа...

Он не понял: что это?! Неужели напоролся? Откуда этот тяжелый, страшный удар, нечеловеческий хруст...

Да что это хрустит, на самом деле?..

Да ведь это его голова хрустнула. Но он еще живой, он видит дорогу. Боже, что же это?

Второй удар, острый, как укол, уже в плечо. И рядом — зверская, красная, перекошенная физиономия.

Ах, вот что... Да за что же они...

Он почувствовал, что задний поднялся и как бы нависнет над ним, а второй что-то кричит, только голоса он не слышит.

(По признанию Мезиса, Красовский кричал: «Кончай его быстрее, не дай выскочить».)

Рог от вил, который держал Мезис, все шел куда-то мимо, не попадал, впивался в плечо, протыкал обивку. Трудно было замахнуться как следует, и он стал душить Карпова. И Красовский тоже стал душить его. И Карпов, хрипя, вырывался, царапал их, кусал им руки.

Ему все же удалось вывалиться из машины в снег, на землю.

Они поочередно, один за другим, всей тяжестью, ногами, прыгнули на него, лежащего.

(По признанию Красовского, Карпов кричал: «Только не убивайте, ребята. Я же вам ничего не сделал».)

Ему показалось: они послушались, уходят. Стало на секунду тихо... Но вот что-то жгуче глубоко вонзилось ему в спину.

Тогда он стал зарываться в снег, хватал снег ртом, и в какой-то момент ему стало не больно, холодно и показалось, что все это бред, сон, просто на секунду отключился и задремал за баранкой. Но вовремя спохватился, и огромный бетонный столб, что надвигался на него, прогремев, остался в стороне...

В пиджаке Карпова было восемь рублей — рублями, на сдачу. Взяли.

Теперь им надо было спешить. По графику Карпову полагалось вскоре заступать.

Ехали в город молча. Вдруг Красовскому послышалось, что Карпов стонет. Они открыли багажник, и Мезис еще несколько раз воткнул вилы в тело Карпова.

На самом деле Карпов был уже мертв. Воздух выходил из легких, и это походило на долгий жалобный стон.

У ближайшей аптеки они остановились. Красовский купил вату и бинт. Он перевязал руку и бросил в рот таблетку валидола.

— Дай и мне, — попросил Мезис.

Он не знал, что это такое, и у него ничего не болело. Просто он любил подражать Красовскому. Лекарство было кисло-сладкое и понравилось Мезису.

Потом они купили поллитра водки.

Мезис выпил, а Красовский протер себе руки и лицо. Ему все время было холодно.

Затем они бросили тело в траншею, накрыли сучьями, забросали снегом и поехали в город.

Там, на бульваре Кронвальда, они остановились у киоска и купили по плитке шоколада.

На следствии Красовский сказал:

— Если бы мне оставили жизнь, я бы уехал в глушь, работал конюхом, писал книжки.

Они очистили багажник, замыли кровь. На пустыре Красовский остановил машину, Мезис лег в багажник.

На нем была нейлоновая зимняя куртка, и он по указанию Красовского сиял ее, чтобы не шуршала.

Он лежал теперь там, где еще 20 минут назад было тело Карпова.

Начиналось самое главное для них.

Красовский сломал кнопочное устройство задней двери, чтобы инкассаторы не могли ее запереть.

Затем, предъявив путевой лист Карпова, он проехал на территорию банка (вопреки правилам, запрещающим въезд машин. Теперь эти правила и проверка шоферов, обслуживающих инкассаторов, стали гораздо строже). Расписался за Карпова в документе, к нему сели два человека, два инкассатора. Он возил их от пункта к пункту, развлекал их, рассказывал им различные истории, анекдоты, выходил на всех остановках, проверяя заднее колесо.

На улице Лубанас, сравнительно пустой в этот час, последнем пункте инкассации перед банком, в тот момент, когда один из инкассаторов скрывается за дверьми, Красовский выходит и открывает багажник. Пора!

Тут и происходит нечто поразительное, не учтенное ни Красовским, ни Мезисом.

Вместо того чтобы мгновенно выскочить, открыть заднюю дверцу, проникнуть в машину, Мезис медленно, теряя темп, скрючившись, крадется к задней дверце.

Красовский безразлично глядит вперед. Не оборачиваясь, стараясь даже не скосить глаз в сторону Мезиса.

«Чего тянешь, кретин?» — мысленно кричит он.

Вот Мезис уже у дверцы. Он не рвет ее на себя стремительно, а как бы скребется около дверей, и пальцы его скользят по ручке, не в силах нажать на нее.

Инкассатор с удивлением оглядывается на тихого, скрюченного человека, по виду инвалида, пытающего сесть в такси. Жалко инвалида, но сажать нельзя.

Инкассатор повернулся назад и потер озябшие руки. Вот тут Мезис и обрел дар движения. Он побледнел и побежал от машины. Ему почудилось, что инкассатор потянулся за пистолетом. А в этот момент выходил уже второй инкассатор.

«Все накрылось, все, все», — думал Красовский, машинально давая газ, не глядя ни на первого инкассатора, сидевшего рядом, ни на второго, занявшего место сзади, ни на скрюченного Мезиса, оставшегося позади, отплывавшего все дальше и дальше.

«Все, все зря! Конец!» — с отчаянием думал Красовский и силился понять, что же с Мезисом, почему он так полз и скребся.

И уже в диспетчерской банка, подписывая путевой лист за Карпова, почти шепотом отвечая на какие-то вопросы, еле ворочая свинцовым языком, он вдруг понял причину провала: Мезис замерз в багажнике и потерял движение.

Сволочь, идиот, этот Мезис. Все загубил!

По наряду Карпов должен был везти еще двух инкассаторов.

Красовскому не хотелось ни ехать, ни вообще двигаться.

Глядя больными глазами на диспетчера, он просил, чтобы его сняли с маршрута.

Ему отказали. Сели инкассаторы, один — рядом, совсем молоденький. Чернышев, студент-заочник Ленинградского политехнического института, другой, Бейнарович, — сзади.

Теперь ему даже хотелось разбиться, разбить себя и их вместе с их проклятыми деньгами. Сейчас он всех ненавидел.

Себя даже больше, чем других, — за глупость. Все продумал, а этого не предусмотрел. Ведь сейчас зима, и было ясно, что Мезис в багажнике замерзнет.

Он даже и не думал, как уходить, как замыть след. Вроде бы теперь и уходить не было смысла... Был смысл уходить с деньгами. А так что?

Он как бы забыл о Мезисе. Какая разница, где этот дурак. Зря только понадеялся на него.

Его начало чуть подташнивать от страха. Он не слышал, о чем они разговаривают, только время от времени перед его глазами мелькал большой защитного цвета мешок, который выносил откуда-то один из них.

Остановились у кафе забрать дневную выручку. Здесь Красовский неоднократно бывал. Завешенные красной драпировкой окна рубиново светились. Слышались гулкие, как бы толчками, удары: ударник вел партию. Это работал «меломан».

— А у меня здесь девочка есть, официантка, — зачем-то сказал Красовский Чернышеву.

— Хорошо вам, — то ли безучастно, то ли с оттенком иронии сказал Чернышев.

Он сидел задумавшись и тоже глядел на эти красненькие, как угольки, окна.

Через минуту должен был выйти второй инкассатор.

Красовский выхватил лом, ударил Чернышева по голове. Чернышев соскользнул вниз.

Красовский взял мешок, открыл дверцу.

Потом, на следствии, он будет говорить, что действовал в состоянии аффекта, что не собирался нападать на Чернышева, поскольку на 90 процентов это было обречено на гибель: ведь в любую секунду мог выйти второй. По его словам, в тот момент ему было все равно.

Бежал мимо трамвайных путей, мимо стоянки такси, мимо редких прохожих, стало жарко, сбросил пальто. Бежал, как в тумане, но вместе с тем неуклонно придерживаясь определенного маршрута.

Теперь то, что он задумал, исполнилось, и ему было легко. Только мешок был очень тяжелый. Никогда он не предполагал, что деньги могут столько весить...

Килограммов сорок они весили.

Во время следствия, особенно в первые дни, Красовский все время позировал. Его снимали для документального фильма. И он стоял перед камерой почти с удовольствием. Он острил, что эта камера ему нравится больше, чем та.

Одному из кинематографистов он сунул свою карточку с надписью: «От гангстера Красовского».

Потом он сломался.

Уже не хотелось ни удивлять, ни кривляться, ни разглагольствовать, ни притворяться отчаявшимся неудачником, ни разыгрывать хладнокровного гангстера.

Хотелось жить.

Когда впервые прозвучали эти слова: «К высшей мере наказания» — их произнес прокурор в заключение своей речи, — Красовский простонал, и охрана это отчетливо слышала:

— За что же это... Мамочка?

Мать его сидела в зале. В тот момент, когда она услышала слова прокурора, она не упала в обморок и не закричала... Сработал другой инстинкт — инстинкт защиты...

Она встала. Казалось, еще мгновение — и она прорвется сквозь ряды, сквозь охрану, сломает высокий барьер, отгородивший его от других людей, пробьется к своему сыну, возьмет его на руки и унесет.

Только сквозь охрану не прорвешься.

Ей объяснили, что это еще не приговор...

Мать и сестра Мезиса показывают, что в тот день он пришел домой сравнительно рано, без куртки, в испачканном и мятом костюме, что он смотрел телевизор, много ел и, что особенно странно, никуда не пошел вечером.

По телевизору он любил смотреть многосерийные детективы и хоккей. В такие дни он и сидел дома. А в этот вечер он смотрел что попало.

Мать мало интересовалась, где он бывает, с кем дружит.

— Что ж, я буду ходить за ним с дубиной? — говорит она. — Ходила до восемнадцати лет, а теперь взрослый, пусть делает, что хочет.

Он попросил мать выстирать брюки. На брюках были бурые пятна. Кровь легко отстирывалась.

Когда она гладила, она подумала: верно, опять набедокурил... Новую курточку где-то посеял. Но спрашивать не стала. Все равно правды не скажет. Небось бил кого-нибудь... А что, действительно, с дубинкой за ним бегать?

Лишь бы не попался опять, как несколько лет назад. Тогда получил подарочный свой первый срок за драку. Другие бог знает что выкомаривают и не попадаются, а этот дурачок вечно...

Бейнарович вышел из кафе, увидел лежащего без сознания Чернышева и, держа одну руку на пистолете, прижимая мешок с деньгами, побежал в кафе звонить в «Скорую» и в милицию.

Сначала искали Карпова. Ведь это его подпись была на диспетчерском листе. Пришли к нему домой. Дети уже спали. Жена не спала. Гладила свежевыстиранное белье. Сонная, полутемная комната пахла детьми.

— Что с ним? — встрепенулась жена, когда увидела работников милиции.

Ее попросили поехать с ними для выяснения некоторых обстоятельств.

— Он не мог этого, — повторяла она. — Жизнью своей клянусь, это не он... Боже, что же с ним?

Дома не оказалось его фотографии. Его фотографию нашли в парке. Она была на доске лучших.

Таксисты, которые знали его, говорили:

— Не он это, не Инар. Он не то что ударить, он обидеть-то не может.

Впрочем, было ясно, что убивал не Карпов.

Это показала первая же очная ставка с Бейнаровичем, а чуть позже — с получившим тяжелую травму Чернышевым.

Но он мог быть сообщником.

Красовский с тяжелым мешком метался по пустырям и подворотням. Он знал, что приютить его в этом городе могут два человека — две женщины. Второй он мог соврать про дом, который продал в Моздоке, но к первой он волей-неволей должен был явиться с инкассационным мешком, набитым денежными пачками.

Их не засунешь в карманы.

В меховой шапке, без пальто, с большим мешком на плече — так он предстал перед Якушевой (фамилия изменена), которая жила в Румбуле, недалеко от аэропорта.

— Что случилось? — испуганно спросила она.

— Я ограбил банк, — сказал он, и было не понятно, шутит он или говорит всерьез... — На улице холодно. Поставь-ка чайку.

Якушева говорила потом, что хотела немедленно сообщить куда следует, но боялась, что у него оружие. Ведь ее пятилетний сын спал в соседней комнате.

Может, и так... А скорее всего — она просто не могла донести на человека, который ей нравился.

— Ты людей... не трогал? — тихо спросила она.

— Я гангстер, но не убийца, — сказал Красовский. — Меня мутит от одного вида крови.

Она говорит, что поверила ему. Ее ли это дело — распутывать? «Пусть разбираются те, кому положено», — думала она в тот момент, не понимая, что становится соучастницей.

Он достал тяжеленькую тугую пачку из мешка, зачем-то раскидал ее, затем сжал ее в мятый неряшливый ком и протянул ей:

— Возьми коньяку и пожрать... Устал я зверски. Денег не жалей.

Магазины были давно закрыты. Пришлось коньяк брать в ресторане.

Пришла, принесла коньяк, вернула ему 80 рублей.

— Оставь себе, ребятам что-нибудь купишь, — сказал Красовский.

Поколебалась секунду, но взяла.

Всю ночь они считали деньги и перекладывали их из мешка в хозяйственную сумку.

«С такими деньгами, гражданин начальник, я и сам начальник», — сказал он одному из работников милиции, когда его взяли.

С такими деньгами.

Вот они у него — в хозяйственной сумке... Какие ворота они могли ему открыть?

Он мог купить билет в любой город страны, мог уехать хоть на Дальний Восток, хоть в Среднюю Азию, но где бы он ни был, он должен был таиться, дрожать, прятаться и прятать свои деньги. Он должен был все время ждать.

Деньги не были богатством, они были уликой. И получалось так, что он, Красовский до девятого января 1974 года, Красовский с его мелким «леваком», был все же богаче сегодняшнего Красовского. Потому что первый был обычным калымщиком, второй — убийцей.

А денег было много, так много, что казалось, это вовсе не деньги, из-за которых он затеял все, а просто раскрашенные бумажки, наподобие почтовых открыток. Глаза слепли от этих красных бумажек. Пожалуй, тут хватило бы на целую жизнь, но он вдруг подумал с холодком: «А что с ними делать? Ведь даже машину не купишь... Надо доставать новый паспорт, а значит, надо снова... Правда, телик можно купить цветной, хорошо бы хоккей смотреть по цветному, но где он его поставит, этот телик? Дома у него нет и не будет, ведь для того, чтобы купить дом, нужна прописка...»

Все это, наверное, можно было бы устроить, но он чувствовал: сил у него не хватит, с него достаточно того, что было.

Ему вдруг вспомнилось, как в деревне залез в колхозный сад за вишней. Вишен было много, но он ел торопливо, давясь, без удовольствия... Сладости не чувствовал, только кислота была во рту.

Боялся.

Денег было 86 тысяч 47 рублей.

(Окончание следует)

Продолжение. Начало см. «ЛГ», № 35.

Плакат, выпущенный в Софии к 30-летию социалистической революции в Болгарии

БОЛГАРИЯ: 30 ЛЕТ СВОБОДЫ

ПОЭТИЧЕСКИЕ ГОЛОСА

Младен ИСАЕВ

Сентябрьская ода

В ночь грозного восстания
и гнева
Ты родилась, великая
Свобода,
И над тобою горные
деревья,
Как щит и плащ,
свои простерли своды.
Открыли путь тебе
на гении, на гений,
О нет, была проложена
дорога
Простыми смертными,
что шли в огонь сражений
Против озверинников царя
и бога.
Улыбкою дитя встречает
луч рассвета,
Так встретил наш народ
твои лучи восхода.
Болгария вошла в ворота
века,
Где царствовать дано одной
тебе, Свобода.
В огне твоей зари в едином
хороводе
Сплелись деревья,
облака и горы,
И ветер пробежал по
изумрудной оде
Равнин, в себя вбирая
их просторы.
Как мчится время!
Но в его потоке
Ты с каждым днем моложе
и мудрее!
И мы, поэты, жадно ищем
строки,
Чтоб воплотить твой пик,
твое горенье.
К тебе, чья грудь и руки
в шрамах давних,
Течет, бурля, река любви
народной,
Болгария тебя поет
и славит.
Такой же вечно будь
прекрасной,
как сегодня!

Август, 1974 г.
Перевел Н. РАЗГОВОРОВ

Димитр ПАНТЕЛЕЕВ

Мой мир

Мы вошли в этот мир,
разноликий, широкий.
Он — поток неоглядный,
я — я этом потоке.
Мир любви, и труда,
и птичьего пенья.
Мир клевет, и наветов,
и дьяольской мести.
Мир друзей, и цветенья,
и птичьего пенья.
Мир врагов, и преступников,
и разрушенья.
Мир весеннего трепета,
солнечных бликов.
Мир нужды, и наживы,
и бедственных криков.
Вот мой мир —
беспокойный
и многосторонний—
Очень добрых сердец,
очень теплых ладоней.

Перевел
Лев ОЗЕРОВ

Лиляна СТЕФАНОВА

Родина

(Отрывок из поэмы «Болгария»)

болгария,
день светлый коммунизма
восходит над просторами
твоими.
Я говорю с твоей землей,
с рассветом.
Я вижу твое солнечное
лето,
в грудь его украсили
монисто —
табачных снизок
золотые листья.
Прозрачные шатры
оранжерей
и птицы в небесах
бездонно-синих —
эскорт твоих стремительных
путей,
твоих воздушных
и наземных линий.
Ты мне диктуешь
мысли, слово, речь.
Твой день грядущий
чист и светлолик.
Люблю твой новый
и прямой язык.
И в каждом камне,
зернах и почке
Я узнаю уверенный
твой почерк.
Я узнаю твою отвагу,
подвиг
и тысячи соцветий
твоих красок,
и среди них неугасимо
красный.
Десятилетья славою
в века —
твой путь нелегкий
к алому восходу.
Встают твои мартены
и заводы,
и держат путь
к далеким берегам,
с тобой простившись
в бухтах, пароходы.
Я говорю с ветрами
и грозой,
с дождями,
орошающими нивы,
и с окнами, распахнутыми
в сад.
Я славлю день твой
трудный и счастливый.
Бегут лучи электропередач
стозвонной арфой
в солнечное небо.
Я славлю всходы на твоих
полях
и привкус хмеля в каравае
хлеба.
Отечество прославленных
сынов,
и подвигов,
и стародавних ран.
О родина,
рассеялся туман,
веками закрывавший
небосвод.
В твоих ладонях полыхает
плод,
любовь и жизнь
его питали светом,
его ласкало солнечное лето
И зорко охранял его народ.

Перевела
Людмила ШИКИНА

Пантелей ЗАРЕВ, академик, председатель Союза болгарских писателей

ЛИТЕРАТУРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ

НЕЛЬЗЯ почувствовать богатство и красоту литературы без ее первоосновы — национального характера, душевного настроя народа. А они в своей глубочайшей сути зависят от исторического развития, определяют самобытность художественного мышления. Я начинаю этим кратким вступлением, поскольку современная болгарская литература, полная поисков и проблем, рождена нашим временем.

Бурные революционные процессы, которые происходили у нас после Девятого сентября 1944 года — года освобождения, глубоко изменили и сознание людей. Они вывели на передний план новые проблемы и новые конфликты, поставили новые художественные задачи. Наша глубоко национальная и самобытная социалистическая литература отразила эти преобразования нового общества. За истекшие 30 лет она прошла несколько этапов, в которых были и острые идеологические столкновения, и сложные моральные и психологические конфликты, и бесспорно большие успехи в творческом созидании.

В первые годы после освобождения динамизм событий и острые схватки с прошлым требовали от художника глубины и активности художественного творчества. Появлялись актуальные произведения, вдохновленные изменчивой панорамой быстрого развития, победами на фронте, восторгом перед героизмом советских солдат, наполнявшим высокой нравственной силой и болгарских воинов.

У наших писателей в те первые, полные воодушевления годы еще отсутствовало великое сознание летописца. Они были живым барометром, и порой слабые художественные произведения находили дорогу к сердцам читателей, потому что отражали картину всеобщего воодушевления. От этих лет останется, вероятно, ряд прекрасных произведений, сильных по своему духу, ставших свидетельством огромного эмоционального подъема.

В конце 40-х — начале 50-х годов появились интересные книги Ст. Ц. Даскалова, Пеньо Пенева, Андрея Гуляшки. В это время Димитр Димов работал над крупным историческим исследованием — романом «Табак». Димитр Талев, связывавший традицию Вазова с современностью, погружался в мир давнего прошлого, чтобы извлечь из него поэзию болгарской души в эпоху национального возрождения.

Апрельский пленум ЦК Болгарской коммунистической партии 1956 года открыл путь новому видению мира и новым художественным решениям. Он призвал художников обратить внимание на живую правду реальности, на народ как творца истории. «Ближе к жизни», — призвал тогда Тодор Живков писателей. Писатели нашей страны своим творчеством откликнулись на заботу и внимание партии. Появились такие замечательные произведения, как прозаическая тетралогия Димитра Талева, романы-эпопеи «Простые люди» Георгия Караславова, «Иван Кондарев» Эмилияна Станева, сборник стихов о нашей родине «Я по твоим дорогам шел» Николы Фурнаджиева, драмы «Иван Шишман» Камена Зидарова, «Каждый осенний вечер» Ивана Пейчева, «Женщины с прошлым» Димитра Димова, «Прокурор» Георгия Джагарова. Теперь в нашей литературе было не только нечто от рыцарской жажды битвы с прошлым и утверждения современности, были еще и высокий вкус, и художественная завершенность.

Я рассказываю об этом как о воспоминании, а оно живет во мне как реальность, исполненная великого и радостного напряжения. Мы движемся вперед. Растет наша литература, полная стремления показать духовный облик нашего народа. Произведения, о которых я говорю, и сейчас волнуют меня своей глубиной, потому что в них нет напрасных догадок, нет напускного энтузиазма, а есть дыхание действительности, неисчерпаемой по своей глубине правды.

Хотелось бы подчеркнуть, что духовный рост болгарской литературы был обусловлен руководящей политикой партии. Появились замечательные произведения в прозе: Камен Калчев и Андрей Гуляшки, Павел Вежинов и Богомил Райнов, Ст. Ц. Даскалов и Илия Волен, Эмил Манов, Ивайло Петров, Йордан Радичков, Николай Хайтов, Генчо Стоев — творчество этих авторов кровно связано с современностью.

Новые, социалистические отношения в нашей стране способствовали интеллектуальному развитию человека. Они изменили душевный мир рабочего, которого мы встречаем в романах Камена Калчева, поведение людей из среды новой интеллигенции, которых мы встречаем в рассказах Павла Вежинова, и даже мышление маленького, неприметного сельского жителя в произведениях Йордана Радичкова. Если в первые годы после освобождения еще стоял вопрос «кто — кого?», то сейчас, после полной победы, ставится новый вопрос: о человеке, о его социалистическом гуманизме, о критическом начале в литературе как форме борьбы за этот гуманизм.

Возросший интерес к человеческой личности вызвал и повышение художественного уровня. Изменился автор-рассказчик, ставший собеседником читателя. Мысль его работает глубже, он стремится к философским обобщениям и вторгается в области, считающиеся монополией социолога, психолога, ученого. Важно и то, что литература усиленно стремится отыскать ведущее начало в жизни, крепкую жизненную силу коммуниста, человека из народа. Наша литература становится воинствующей, когда рисует противоречия, постигает глубину конфликтов, воспитывает, показывая и нашу героику, и наши недостатки.

Значительны успехи и в области поэзии. Близость нашему времени и сегодняшнему человеку и в раздумьях, и силе чувств вы найдете в поэтических произведениях Элисаветы Багряны и Доры Габе, Христо Радевского и Младена Исаева, Павла Матева и Димитра Методиева, Любомира Левчева и Петра Караангова, Владимира Голева, Слава Хр. Караславова и Андрея Германова.

Так наша современная литература — проза, драма, поэзия — обретает новые черты. Перед ней стоят новые задачи. Нам необходима теперь художественная классика о нашей современности, о нашем текущем дне. И это будет достигнуто с помощью все более глубоких и прочных связей литературы с жизнью, с мыслями и чувствами народа. В капиталистическом обществе подобные глубокие, неизменные связи литературы с жизнью, с мыслями и чувствами народа невозможны, поскольку писатель там — одиночка, кабинетный человек, мучимый цеховой замкнутостью своей профессии. Там его гуманизм обессилен, лишен практической действенной силы. Порой ему приходится идти к истине через большие внутренние потрясения. Вряд ли он может адресовать свое творчество будущим поколениям, как это делает наш писатель-современник, который дает грядущему живое представление о смысле нашего сегодняшнего бытия, о нашей героике, о нашем самопознании и глубоких нравственных волнениях.

Тридцатилетний период развития нашей новой литературы был богат и плодотворен. Он утвердил поэтику гуманизма в нашем искусстве. Он привел нас к национальной самобытности, которая обещает новые завоевания и новые прозрения в нашем духовном бытии, в строительстве социалистической нови, в изображении человека, сущность которого составляет идеология коммунизма.

СОФИЯ

Иван ЦВЕТКОВ, болгарский критик

КНИГИ К ЮБИЛЕЮ

ВПОЛНЕ естественно, что юбилей нашей еще молодой свободы вызывает различные воспоминания и чувства, желание вновь вернуться к тем необыкновенным дням. Вспомнить о героическом энтузиазме и самоотверженности, светлой вере тысяч погибших, о подвиге Николы Вапцарова, Христо Кырпачева и Цветана Спасова, который в незабываемых строках писал:

Выстрел в тайной ночи.
Кто умер в этот час
беспокойный?
Может, какой-то
неудачливый юноша
Или ты, друг мой,
брат мой?

Нет необходимости перечислять все книги, подготовленные к юбилею, но по некоторым из них можно судить о смысле этих изданий, о том, что сильно волнует нас. Я назвал бы прежде всего сборник «День последний, день первый», в котором собраны воспоминания десятков болгарских писателей об их участии в революционной антифашистской борьбе и о том, как они встретили первый день свободы. Его страницы дают нам живое представление о напряженных буднях подполья, о партизанских походах и сражениях, о мужестве брошенных в тюрьмы борцов и о невиданном взрыве народной радости после победы. Сборник еще раз подтверждает, что наша современная литература создается людьми, неразрывно связанными с судьбой народа, с его борьбой за свободу и независимость, и потому так сильна их верность этой свободе.

Иной характер носит литературно - критический сборник «Вдохновленные народом», в котором собраны исследования, очерки, эссе о достижениях болгарской прозы, поэзии, драматургии и критики, о книгах, которые вошли в золотой фонд новой болгарской литературы. Среди этих книг, получивших и самые высокие государственные отличия, и народное признание, — незабываемые романы Димитра Талева, «Табак» Димитра Димова, «Иван Кондарев» Эмилияна Станева, народная эпопея Георгия Караславова, лирика Веселина Ханчева, «Прокурор» Георгия Джагарова, «Пороховой букварь» Иордана Радичкова, «Дикие рассказы» Николая Хайтова и ряд других произведений.

В радостные дни праздника мы не забываем наших братьев и соратников, тех, кто, опаленный летним зноем и огнем боев, прошел тысячи километров по пыльным дорогам, чтобы одарить нас братской улыбкой, повторить подвиг своих дедов. Им посвящены книги «Брат брату» и «Золотая книга Болгарии». Во второй из них собраны воспоминания, высказывания, рассказы о впечатлениях большого числа советских писателей о Болгарии и болгарской литературе, стихи о Димитрове, о нашей дружбе, обо всем том, что рождает светлую атмосферу, когда мы собираемся вместе.

Книги, книги, книги... Мне кажется, что те, о которых я говорил, не попадут в общий поток, оставят более глубокие следы, пробудят более глубокое и искреннее волнение, напомнят о дорогой цене нашей свободы.

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ДЕСЯТЬ ЛУЧШИХ

Редакция газеты «Земеделско знаме» обратилась к ряду литературных критиков с просьбой определить по своему личному выбору десять лучших литературных произведений (любого жанра), созданных отечественными авторами за три десятилетия после победы социалистической революции в Болгарии.

На просьбу редакции откликнулось свыше 20 литературных критиков и писателей.

По числу поданных ими голосов были определены следующие лучшие художественные литературные произведения болгарских авторов:

1. Д. Димов, «Табак».
2. Д. Талев, «Железный светильник».
3—4. Н. Хайтов, «Дикие рассказы», Й. Радичков, «Пороховой букварь».
5. Г. Стоев, «Цена золота».
6. В. Петров, «Позмы».
7. Б. Райнов, «Дороги в никуда».
8. Э. Станев, «Иван Кондарев».
9—10. Г. Караславов, «Простые люди» и «Танго».

Эти произведения получили самое широкое общественное признание. Многие из этих книг были удостоены Димитровской премии.

ПОСВЯЩЕНО ГОДОВЩИНЕ

Издательства «Български писател», «Народна младеж», «Държавно военно издателство» подготовили специальную серию «Тридцать лет народной свободы 1944—1974 гг.», приуроченную к 30-й годовщине социалистической революции в Болгарии. В нее вошли произведения современных авторов, рассказывающие о славной борьбе болгарского народа за свободу, о строительстве новой, социалистической родины. Книги снабжены краткими редакционными аннотациями.

Среди них — «Роза свободы» Бориса Крумова и «Неуловимый Шишко» Рангела Игнатова.

«СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ» НА БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В Софии в издательстве «Народна култура» вышел сборник «Советская поэзия-73». Открывается сборник разделом «Посмертные публикации», в котором представлены стихи А. Ахматовой, П. Тычины, Н. Ушакова, С. Кирсанова, А. Твардовского, Я. Смелякова, А. Яшина, В. Тушновой. Второй раздел сборника — «Стихотворения 1973». Здесь мы встречаем имена П. Антокольского, Я. Абашидзе, Л. Мартынова, Э. Межелайтиса, С. Щипачева, К. Кулиева, П. Воронько, Зульфии, М. Луконина, Р. Гамзатова, М. Львова, Д. Павлычко, Ю. Марцинкявичюса, Р. Казаковой, Е. Евтушенко, О. Чиладзе, А. Вознесенского, Б. Олейника, В. Коротича, И. Шкляревского и многих других. Более ста имен. Сборник дает широкую картину современной советской поэзии, представляя наряду с известными имена молодых поэтов. В издательской аннотации указано, что сборник задуман как ежегодник, призванный знакомить болгарского читателя с новинками советской поэзии. Переводили стихи болгарские поэты Д. Методиев, А. Германов, И. Давыдков, Д. Дамянов, Н. Кынчев, В. Попов, Я. Милев, И. Цанев, З. Иванов и другие. Предисловие к сборнику написал известный болгарский поэт, он же председатель редакционной коллегии Димитр Методиев.

«И ГРЯНУЛ ДЕНЬ»

Так называется новый фильм болгарских кинематографистов, посвященный памятным событиям Девятого сентября 1944 года. В картине рассказывается о становлении новой жизни, об отваге борцов за свободу, о любви, рождающейся в это нелегкое, но славное время. Режиссер-постановщик Георгий Дюлгеров сделал фильм по сценарию Васила Анкова.

На снимке: кадр из фильма

НОВЫЕ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

ВЕЧНО ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ

КНИГА известного ученого и публициста А. Л. Дымшица «К. Маркс и Ф. Энгельс и немецкая литература» вдвойне привлекательна для читателя и, конечно, для историка литературы. Ее название подчеркивает, что речь идет об изучении сложного процесса взаимодействий Маркса и Энгельса и их современников-писателей, об изучении процесса формирования эстетических концепций Маркса и Энгельса в конкретной политической и литературной борьбе (с одной стороны) и об их вторжении в современную им литературу, об их личном участии в литературной жизни эпохи (с другой).

Второе обстоятельство, которое, несомненно, будет способствовать привлечению внимания к книге, — это имя автора, Александра Львовича Дымшица, для которого данная тема весьма органична, так как ему не раз приходилось высказываться по проблемам изучения и использования марксистского эстетического наследия. А. Л. Дымшиц многократно защищал марксистскую эстетику в международных дискуссиях от вульгаризаторов марксизма, от псевдомарксистов и откровенных врагов и хулителей марксизма. Полемическое острие сохраняется и в данной книге; но все-таки главное в ней другое — позитивное изложение материала, спокойный, вдумчивый, очень тщательный анализ изучаемого предмета. Книга опирается на новое прочтение самих трудов основоположников марксизма, на обстоятельное знание их биографий, их ранних и зрелых высказываний, как тех, что были сразу предназначены для печати, так и тех, что обнаруживаются в личных заметках, пометах, письмах.

Тема, которой посвящена работа А. Л. Дымшица, не нова, но в советском литературоведении в последнее время появилось не так уж много работ такого обобщающего плана, именно в этом ракурсе рассматривающих марксизм и литературу, современную Марксу и Энгельсу. Чаще исследователи говорят о поэзии 1848 года, о литературе середины века, опираясь на выводы и оценки Маркса и Энгельса, что также представляется необходимым, или об отношениях между Марксом и Гейне, Энгельсом и Веертом и т. д. В книге А. Л. Дымшица об этом тоже говорится, но этим вопрос не исчерпывается. Автору удается очень точно чувствовать исторический процесс, изменение общественных условий, конкретную обстановку политической борьбы, обуславливавшие то или иное замечание Маркса и Энгельса по литературному поводу.

Немаловажной задачей, решаемой в книге А. Л. Дымшица, был показ единства, единодушия Маркса и Энгельса в выработке ими эстетики, для того чтобы разбить домыслы различных буржуазных фальсификаторов, которые пытаются противопоставлять «эстетику Энгельса» «эстетике Маркса». Такой полемике посвящены в книге специальные приложения «Против фальсификации литературных взглядов Маркса и Энгельса» (о книге Петера Деметца) и «Против ревизии взглядов Маркса на литературу» (ответ Гансу Манеру). Однако такая полемика содержится не только в этих приложениях, но и в основной части книги в связи с различными конкретными вопросами. Книга состоит из одиннадцати глав, каждая из которых посвящена или отдельному писателю — Гете, Гейне, Гервегу, Фрейлиграту и Веерту — или отдельной проблеме (национального литературного наследия, народного поэтического творчества, борьбе за реализм, тенденции в литературе). Особое место среди них занимает интересное исследование «Литература в «Новой Рейнской газете», напоминающая о редакторской и издательской деятельности Маркса и Энгельса в газете, которую В. И. Ленин впоследствии назвал «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата».

Давно уже стали классическими и знаменитыми высказывания Маркса и Энгельса о Гете. В главе «Пример диалектической интерпретации (Гете)» А. Л. Дымшиц не просто напомнил читателю эти строки, но показал, как они родились под пером основоположников марксизма, что Гете значил для них. Маркс и Энгельс были уже подростками, когда умер Гете. Они с детства любили и знали его творчество; цитаты из Гете, которые они использовали в своих работах, приходили в их тексты естественно и как бы непроизвольно. Поэтому афористичная, поистине чеканная характеристика Гете, данная Энгельсом в полемике с Карлом Грюном, возникает в книге А. Л. Дымшица как подготовленная всем развитием эстетических взглядов Энгельса, в частности его размышлениями по поводу антигетеанской позиции Людвига Берне или определений, данных творчеству и фигуре Гете Винбаргом и Гейне. Соблюдая постоянно правило указывать все вопросы, вызывающие споры или нападки со стороны различных буржуазных истолкователей марксизма, А. Л. Дымшиц и на этот раз, при анализе формулы Энгельса о Гете, вступает в полемику с теми, кто пытается доказать «несамостоятельность» блестящей диалектической интерпретации сложнейшего литературного феномена у Энгельса. Естественно, что в этой полемике он опирается как на труды ряда советских ученых, так и на новейшие исследования Вальтера Дитце (ГДР).

В краткой газетной рецензии нет возможности подробно характеризовать все, чем богата и интересна эта книга, однако все-таки следует отметить как одну из самых обдуманных, разработанных, логично и убедительно построенных глав предпоследнюю главу «Новый этап борьбы за реализм (Письма к Фердинанду Лассалю)». История переписки Маркса и Энгельса с Лассалем по поводу драмы последнего «Франц фон Зикинген» сопровождается теоретическими выводами по центральным вопросам марксистской эстетики, в частности по проблеме «Шекспир — Шиллер», неверно толкуемой в ряде работ.

В письме к Паулю Эрнсту Энгельс в свое время настаивал на необходимости подходить к любой национальной литературе (в письме шла речь о норвежской литературе, об Ибсене) с учетом конкретного национального развития, социальной структуры национального общества. Без такого конкретно-исторического подхода любые суждения по литературным делам окажутся ненаучными и субъективными. Энгельс замечает: «Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты». Комментируя это письмо Энгельса, А. Л. Дымшиц справедливо подчеркивает, что эстетическое наследие Маркса и Энгельса, и в частности их суждения о современной им немецкой литературе, «не только дали образцы подхода к историческому изучению развития немецкой литературы, но обогатили нас важнейшими методологическими уроками». Думается, что книга А. Л. Дымшица написана с учетом этих методологических уроков и является заметным вкладом в наше литературоведение.

А. РУСАКОВА, доктор филологических наук, профессор

ЛЕНИНГРАД

А. Дымшиц. «К. Маркс и Ф. Энгельс и немецкая литература». Издательство «Художественная литература». 1973.

КИТАЙ СЕГОДНЯ

ПОСТОРОННИЕ...

Рассказ очевидца

НАШЕ короткое знакомство состоялось в обычной городской столовой Пекина, около старого вокзала. Забрели мы туда под вечер. До этого долго бродили по городу. Наблюдали жизнь улиц...

Сосредоточенность, озабоченность, отсутствие смеха, улыбок — вот что было характерно, пожалуй, для общего лика массы прохожих.

Стояла осень 1972 года. Многое из того, что мы видели в тот день, осталось в памяти.

Помнятся колонны марширующих юношей и девушек, дважды встретившиеся на нашем пути. Каждый из них нес за плечами туго перевязанную веревками поклажу в виде армейского ранца. Впереди шли знаменосец и его ассистент с портретом Мао Цзэ-дуна на вытянутых руках. Как нам потом сказали, эти люди отправлялись за город на военные лагерные сборы. Мы видели среди бела дня, в мирное время, в центре города и в глухих окраинных переулках армейские патрули—автоматчиков и солдат с карабинами с примкнутыми штыками. Странную картину являли собой строящиеся бомбоубежища: цементный пол магазина или учреждения вскрывают, чтобы из чрева подземелья корзинками таскать свежую землю прямо на асфальт тротуара. Вход в помещение на этот случай занавешивается циновкой: как-никак «оборонный объект». Электризуемый официальной пропагандой, Пекин жил напряженной, скрываемой от посторонних глаз жизнью военного поселения, жизнью «осажденной крепости».

Вконец усталые и голодные, мы решили поужинать. Зашли в столовую. В довольно просторном зале с невысоким потолком сидели посетители. Слева от входа за стойкой сгорбилась женщина-кассир. Она не только получала плату за еду, но и принимала продовольственные талоны. Блюда из риса и мучные изделия в Китае можно заказывать, только имея на руках продуктовые карточки. Этот порядок, правда, не распространяется на иностранцев.

Мы сели за свободный столик. В центре его — два пузырька: для соевого соуса и уксуса. Рядом — белый глиняный сосуд для чистых палочек, которыми китайцы пользуются вместо вилок и ложек. На стенах развешаны изречения «великого кормчего». Одно из них повторялось дважды. На зеленоватых полосках тонкой рисовой бумаги черной тушью было выведено: «Высочайшее указание: готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, служить народу». Рядом красовались каллиграфически выписанные иероглифы: «Не бояться страданий, не бояться смерти».

Наше появление в столовой было для всех неожиданностью. В зале слышался шепот: «Иностранцы... Четверо... Вон там...» Посмотреть на нас прибежали повара. Тут же вертелись двое с нарукавными повязками «хунвэйбин». Через некоторое время откуда-то появился и представитель армии. Прошелся и исчез. Как известно, в Китае с февраля 1967 года во все ячейки общества были посланы официальные представители армии. Для осуществления контроля военнослужащие были направлены во все учреждения и предприятия страны — от детских яслей до государственного совета.

Вскоре нам принесли пельмени. Я собиралась было уже есть, как вдруг почувствовала, что кто-то дергает меня сзади за рукав. Маленькая, лет семи девочка. Привыкнув к китайской речи, я не сразу поняла, что девочка обращается ко мне по-английски: «Здравствуйте!».

Сидевшие за соседним столом взрослые попытались остановить ее: «Что ты делаешь, сяо-Мэй? Как тебе не стыдно? Не мешай людям есть!» Но было уже поздно. Знакомство состоялось. Девочка, которая решила, видно, без ведома старших проверить свои знания иностранного языка, сумела объяснить, что она учится во втором классе и пришла сюда с родителями и дедушкой. Она официально представилась: меня зовут сяо-Мэй, маленькая Мэй. Когда недоставало английских слов, сяо-Мэй переходила на китайский. Посетители столовой с любопытством прислушивались к нашей беседе. С детской непосредственностью сяо-Мэй спросила: «Тетя, неужели вы все понимаете и по-английски, и по-китайски?» Дедушка девочки улыбнулся и пояснил: «Раз вы разговариваете, значит, тетя все понимает». Мать сяо-Мэй, обращаясь к нам, промолвила: «Погода испортилась, стало уже холодно. Мы продрогли и решили зайти погреться и заодно подкрепиться. Извините, что девочка так бесцеремонна. А вы давно уже в Пекине?»

— Пожалуй, нет, всего два месяца, — ответила я.

— Ну и как, — спросил дедушка, — нравится вам китайская кухня, как переносите пекинский климат?

— Да, конечно, некоторым из нас нравится своеобразная китайская кухня. Климат же в Пекине не очень здоровый, часто меняется атмосферное давление.

— Это верно, — поддакнул отец сяо-Мэй. Он, видимо, вообще не отличался разговорчивостью, все время молчал, порой улыбаясь и кивая головой в знак согласия.

— А где вы живете? — спросила девочка.

— Мы из Советского Союза.

— Я и мой сын так и думали, что вы советские, — сказал дедушка. — А вот сяо-Мэй и ее мать решили, что вы американцы. У нас сейчас появились туристы из США. Впрочем, сяо-Мэй все равно не смогла бы с вами заговорить по-русски. Это ее старший брат изучал русский. А теперь во многих школах проходят английский.

— А мой дядя учился в Москве, — звонким голосом объявила сяо-Мэй.

— Скоро в Пекине начнутся сильные ветры, — резко переменил тему разговора отец сяо-Мэй. — Так что нужно как следует одеваться, особенно иностранцам, чтобы не простудиться.

В это время к столику наших неожиданных знакомых подошла официантка с повязкой «хунвэйбин» на рукаве. Она с шумом стала ставить на стол пиалы и миски с едой, задела ногой ножку табуретки, на которой сидел отец сяо-Мэй. Она просто пылала негодованием. Всем стало как-то не по себе.

Сяо-Мэй еще два раза пыталась обратиться ко мне с какими-то вопросами, но родители пересадили ее по другую сторону стола. Там она и осталась сидеть, обиженно поджав губы.

Мы, вполголоса переговариваясь, доели свои пельмени, ощущая напряженную обстановку. В столовой стало как-то тише, будто случилось что-то серьезное.

И в самом деле, по нынешним пекинским временам произошло нечто неслыханное. Наши соседи перешли грань дозволенного, вступив в непринужденный, дружеский разговор с советскими людьми. И то, что инициативу проявил ребенок, нисколько не меняло положения дел. Наша короткая беседа прозвучала дерзким вызовом порядкам, существующим ныне в Китае. В стране много лет подряд нагнетается атмосфера подозрительности, взаимного недоверия, страха. Шпиономания достигла небывалых масштабов. Китайцу внушают: кругом враги — в семье, на работе, на улице, на границе с Китаем. Методично насаждаемые сверху ксенофобия, антисоветизм пропитали все поры общества. Маленькая сяо-Мэй помогла взрослым на короткое время стать самими собой, вспомнить былую дружбу между нашими народами.

— Наташа, — сказал мне Николай Петрович, у которого была такая же, как сяо-Мэй, внучка, — давайте купим конфет и преподнесем этой девчушке. У нас ведь нет, кажется, с собой никаких сувениров. Сбегайте в магазин напротив, где мы только что были!

Через несколько минут мы вернулись с пакетом конфет.

Закончив ужин, мы расплатились и стали собираться. Прощаясь с сяо-Мэй, я протянула ей гостинцы. Девочка сказала «спасибо», тут же деловито развернула одну конфету и сунула в рот.

На улице было уже темно. Такси ожидало нас недалеко от входа. Я уже садилась в машину, как вдруг увидела сяо-Мэй, появившуюся в дверях столовой. Подбежав ко мне, девочка сказала сквозь слезы: «Тетя, возьмите обратно! У меня есть конфеты». И она сунула мне в руки разорванный пакет.

— Но ведь маленькие девочки любят конфеты! Ешь сама и угости брата, — стала уговаривать я ее.

— Нет, нет, мне не разрешают! — ответила сяо-Мэй и побежала назад.

Я вернулась в столовую и на мгновение остановилась у порога.

Вокруг стола, за которым сидело семейство сяо-Мэй, стояло человек пять. Один из них был в военной одежде цвета хаки, тот самый представитель армии. Все, бурно жестикулируя, тыча пальцами чуть ли не в лица матери и дедушки сяо-Мэй, визгливо кричали что-то неразборчивое. Можно было только понять: «Почему?!. А вы!.. Иностранцы!.. Конфеты!.. Советские!»

Больше всех визжала наша официантка.

Вся семья сидела, опустив головы. Сяо-Мэй терла кулачком глаза. За другими столиками люди перестали жевать, настороженно уставившись на попавшую в беду семью.

Меня заметили не сразу. Потом кто-то подал сигнал: «Тсс!.. Пришла!». В то же мгновение все пятеро исчезли. Представитель армии шмыгнул в дверь на кухню, разъяренная официантка отбежала в угол зала и с отсутствующим видом стала прибирать посуду с освободившегося столика.

Я подошла к матери сяо-Мэй и, протягивая конфеты, сказала довольно громко, чтобы все слышали: «Пожалуйста, не обижайте свою дочку и нас! Ведь мы подарили ей конфеты от чистого сердца. Ваша девочка нам очень понравилась».

Женщина, видно, была так подавлена происшедшим, что не смогла даже говорить. Она только повторяла: «Не стоит, не стоит, не стоит...» В это время дедушка подошел ко мне и, взяв под локоть, вполголоса произнес: «Товарищ! Это не мы! Вы все видели, здесь посторонние. Оставьте конфеты на столе. Может быть, все утихнет до нашего ухода».

Я была потрясена. Старик отважился открыто назвать меня «товарищем», он посмел хунвэйбинов назвать «посторонними»...

Со словами «спасибо вам, до свидания» я положила конфеты на стол и быстро вышла.

Но не успел шофер завести мотор и отъехать от столовой, как мы услышали россыпь дроби по багажнику. За машиной бежала официантка. Она что-то визгливо кричала и бросала нам вслед наши конфеты.

Я до сих пор слышу этот звук, похожий на пулеметную очередь. И в то же время никогда не забуду это твердо сказанное слово «посторонние».

ЧЕРЕЗ год по делам [illegible] снова оказа[illegible] Пекине. Стоя[illegible] дни бесснежного [illegible] 1973 года.

Как-то, [illegible] кинотеатра, реши[illegible]смотреть экранизирова[illegible] спектакль «Кра[illegible] женский отряд».

В кассе мне ответили:

— Билетов нет.

— Тогда дайте, пожалуйста, на следующий сеанс.

— А вы откуда?

— Разве это имеет какое-либо значение?

— Из какой страны?

— Из Москвы, Советский Союз!

— Подождите...

Кассир ушел. Возвратился с человеком в помятой и не очень чистой ватной одежде зеленого цвета, представителем армии. Он мне сказал:

— Билетов нет.

С подобными сценами я уже сталкивалась раньше и поэтому продолжала настаивать:

— Я прошу на следующий сеанс.

— На следующий тоже нет.

— Тогда через сеанс.

Пошептались, листая бумажки:

— Тоже нет.

— Этого не может быть! Вы только что продавали другим. В прошлый раз вы тоже говорили, что нет, а потом дали.

Снова пошептались, снова полистали бумажки...

— Есть тут несколько, но плохие.

— Неважно! Я согласна!

— Сколько вам?

— Один билет.

— Платите. Нашли один хороший...

Посмотрела: первый ряд балкона, в самом центре... на сеанс, который начинается через 10 минут!

Заняла свое место. Слева и справа по три пустых кресла. Сзади шесть незанятых мест. Впереди барьер балкона. И вдруг через пару минут рядом справа садится молодой парень, сверив номер кресла по билету.

После минутного молчания спросила у неожиданного соседа:

— Вы уже видели этот фильм?

— Да, видел, буду смотреть третий раз.

— Вот хорошо, поможете мне разобраться.

— А вы откуда?

— Я из Советского Союза...

— Неужели? Это очень интересно.

Парень, ничуть не смущаясь, стал расспрашивать, где я живу, когда приехала в Пекин, начал рассказывать о себе. Назвался по фамилии.

В это время подошел контролер и резким голосом потребовал у него билет. Выяснилось, что билет ему дал один из работников кинотеатра, его дядя. Билет куда-то унесли, потом вернули. Мы продолжили наш разговор. Но тут опять появился контролер в сопровождении какого-то человека и бросил моему собеседнику:

— Пойдем.

Свет погас. Сзади на пустые кресла сели двое мужчин. На экране возникла традиционная заставка. Во весь экран улыбающееся лицо в лучах красного солнца. Зазвучали мелодия и слова песни: «Алеет восток, солнце встает, в Китае появился Мао Цзэ-дун...» Тут вернулся мой сосед. Но это был совсем другой человек. Сел понуро, движения неуверенные. Чувствовалось, что он сильно расстроен.

Минут через десять я спросила по ходу действия на экране:

— Видимо, это и есть главный герой?

— Не знаю, — громко, чтобы услышали сзади, бросил он в ответ и пересел от меня на следующее кресло.

Мой новый знакомый не сказал: «Здесь посторонние». Но это было ясно и без слов.

НЕДАВНО мне опять довелось побывать в командировке в китайской столице. Внешне город ничуть не изменился. Те же переулки, те же загороженные циновками «оборонные объекты» на тротуарах больших и маленьких улиц. Те же неулыбчивые, погруженные в себя прохожие. На сей раз Пекин, впрочем, не только Пекин, весь Китай был поглощен изнурительной политической кампанией — «развернутым лично председателем Мао движением критики Линь Бяо и Конфуция».

К приметам нового в облике города можно, пожалуй, отнести впечатляющую шестнадцатиэтажную пристройку к гостинице «Пекин», возведенную по гонконгскому проекту на центральной улице Чанъаньцзе, недавно отстроенные здания посольств в дипломатических кварталах да долгожданную рекламу двух-трех только что появившихся спектаклей и кинофильмов.

Соблазнившись выразительным рекламным щитом, призывавшим посмотреть новый художественный фильм «Разведчик», я обратилась в кассу «освоенного» мною кинотеатра:

— Дайте, пожалуйста, один билет на ближайший сеанс!

— Билетов нет.

— Тогда, пожалуйста, на следующий сеанс.

— А вы откуда?..

...Мне показалось, что я и не уезжала из Пекина.

Наталья ПЕТРОВА

ПЕКИН—МОСКВА

225 лет со дня рождения

Иоганна Вольфганга Гёте

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЫЛО ЕГО СТИХИЕЙ»

Великий поэт и мыслитель эпохи Просвещения, один из основоположников немецкой литературы нового времени, разносторонний ученый, Иоганн Вольфганг Гёте жил извечным стремлением сделать человека хозяином своей судьбы, освободить его ум от догм и предрассудков. «...Только человеческое было его стихией, и эта человечность, это освобождение искусства от оков религии как раз и составляет величие Гёте», — писал о нем Ф. Энгельс.

Эстетические взгляды Гёте представляют живой поток творческой мысли. Мы публикуем сегодня отрывки из раздела «Максимы и рефлексии», который будет представлен в книге «Вольфганг Гёте. Об искусстве», готовящейся к печати в издательстве «Искусство». Составитель сборника и автор предисловия — доктор философских наук А. ГУЛЫГА.

Наиболее вздорное из всех заблуждений — когда молодые одаренные люди воображают, что утратят оригинальность, признав правильным то, что уже было признано другим.

Как мало из свершившегося было записано, как мало из записанного спасено! Литература с самого начала своего существования фрагментарна, она хранит памятники человеческого духа только в той мере, в какой они были запечатлены письменами и в какой эти письмена сохранились.

Прекрасное — манифестация сокровенных сил природы; без его возникновения они навсегда остались бы сокрытыми.

К назойливости юных дилетантов следует относиться снисходительно, в зрелом возрасте они станут подлинными почитателями искусства и его мастеров.

Во всяком произведении искусства, великом или малом, вплоть до самого малого, все сводится к концепции.

Для подлинного искусства не существует подготовительной школы, существуют лишь подготовительные работы; лучшая из них — это участие даже самого ничтожного ученика в деле мастера. Из мальчиков, растиравших краски, выходили превосходные художники.

Музыка — в лучшем смысле этого слова — меньше нуждается в новизне; напротив, чем она старей, тем привычней, тем сильнее она воздействует.

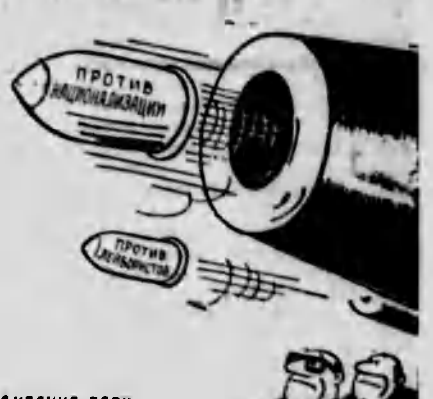
Кант указал нам, что существует критика разума и что у этого величайшего из всех достояний, которыми владеет человечество, есть основания недремно следить за собою. Какую огромную пользу принес нам его голос, знает каждый по собственному опыту. А я хотел бы — в этом же смысле — провозгласить задачей критику чувств, которая так необходима, если искусству вообще, а немецкому в частности еще суждено когда-нибудь оправиться и бодрым шагом двинуться вперед.

На вопрос, следует ли при рассматривании произведения искусства прибегать к сравнению, мы ответили бы так: знающий ценитель должен сравнивать, ибо ему уже ясна идея, у него составилось понятие о том, что может и что должно быть сделано. Любитель, стоящий на пути к знанию, скорее продвинется вперед, если он, не занимаясь сравнениями, будет рассматривать каждое достижение в отдельности; только таким путем может выработаться чувство и понимание всеобщего. Сравнения, к которым прибегают невежды, в сущности, только удобный маневр, чтобы перешагнуть через суждение.

Природу и идею нельзя разобщать без того, чтобы не разрушить искусства, равно как и жизни.

ТОРИ В «ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ»

А. БЕЛЬСКАЯ



Предвыборная кампания тори
Рисунок художника Эмиза из английской газеты «Морнинг стар»

5 АВГУСТА с опозданием против обычного срока британский парламент закрылся на каникулы: отступление от традиционных правил для Англии — явление исключительное. Опустели и затихли залы заседаний Вестминстера, где в последнее время накал страстей был так силен, что лондонская «Таймс» сочла нужным напомнить депутатам о понятиях «парламентские» и «непарламентские выражения». Но дело, конечно, не столько в форме, сколько в существе: споры между консерваторами и лейбористами касались жизненно важных для англичан проблем — инфляции, заработной платы, национализации важнейших отраслей индустрии, антипрофсоюзного законодательства, оставшегося стране в наследство от правления тори.

Упорно говорят, что осенью нынешнего года предстоят внеочередные выборы в парламент. Корреспондент агентства Рейтер Баркер называет как наиболее вероятную дату новой пробы сил — 3 октября. Если это произойдет, то всего лишь второй раз после 1832 года выборы состоятся дважды за один год.

ПРОШЛО более полугода с тех пор, как консерваторы, проиграв «пожарные выборы», пересели в палате общин на скамьи оппозиции. Сформировав «теневой кабинет», тори сразу же начали перестраивать ряды для активных действий. Поначалу, однако, лишь немногие из них тешили себя иллюзиями по поводу возможности скорого возвращения к власти. Анализируя в те дни расстановку сил в парламенте, «Экономист», орган крупных деловых кругов, писал:

«Маловероятно, что Хит станет ввязываться в палате общин в какие-либо словесные перепалки, и большинство консерваторов, надо думать, последуют его примеру... Они вряд ли могут себе позволить поступить иначе. Тори признают, что следующие выборы будут для Хита очень трудными независимо от того, когда они произойдут. И уже это одно заставит их проявить нерешительность и не пытаться ставить вопрос об уходе лейбористов слишком часто».

Не посчитавшись с реальным положением вещей, Хит все же «поступил иначе». Он попытался использовать первый же удобный случай, чтобы поставить еще весной нынешнего года новое правительство перед угрозой вотума недоверия. Хит предложил поправку к правительственной резолюции, осуждавшей недостаточно жестокие, с точки зрения тори, меры лейбористского правительства по контролю над заработной платой. Попытка окончилась неудачей.

«Команда» Хита вышла из первой после прихода лейбористов к власти парламентской переделки не без потерь. Флит-стритовские газеты назвали случившееся «подлинным фиаско Хита». На страницах «Дейли телеграф» называли даже имена возможных преемников Хита в качестве лидера консервативной партии, и в первую очередь Кита Джозефа, миллионера, бывшего министра здравоохранения и социального обеспечения.

Политический обозреватель лондонского еженедельника «Обсервер» Нора Белова писала по этому поводу, что «основной факт, вытекающий из кризиса, — это то, что консервативная партия глубоко расколота не только по вопросу, кому быть ее лидером, но и по вопросу о том, куда она хотела бы, чтобы ее вели».

В это утверждение необходимо внести серьезную поправку. Несмотря на внутренние разногласия, действительно существующие между отдельными группировками, партия консерваторов объединена общими классовыми интересами, ибо она прежде всего — партия крупного капитала, большого бизнеса, богатейших землевладельцев.

Разногласия между отдельными группировками тори связаны не с тем, к какой цели идти (эта цель ясна), а **какими методами правильнее действовать в интересах монополистического капитала.**

Многие обозреватели не без основания расценивали резкие нападки на Хита после первых неудач «в тени», как тактический маневр. Проще осудить лидера, взвалить вину на него, чем признать кризис всей партии в целом. И, действительно, критика стихла очень скоро. Хит остался лидером партии и развил бурную деятельность в области внешней политики. Его поездка в КНР, где ему был оказан горячий прием, как выразителю антисоветских тенденций английской буржуазии, была одобрена крайне правым крылом партии.

Недавно стало известно, что Хит ведет тайные переговоры с представителями юнионистской партии Ольстера, с откровенными ультра, связанными с профашистскими военизированными организациями.

В области внутренней политики консерваторы вновь пошли в атаку, и именно это вызвало горячие дебаты накануне закрытия парламента на каникулы. Лейбористское правительство поставило на голосование депутатов резолюцию, предусматривающую национализацию важнейших отраслей промышленности, а также возвращение профсоюзам 10 миллионов фунтов стерлингов, изъятых из их фондов по антирабочему закону «Об отношениях в промышленности». Но тори расценили подобные меры, как угрозу всевластию монополий и их прибылям, а этого они допустить не хотят. Блокируясь с либералами и шотландскими националистами, консерваторы дважды большинством в двадцать один голос отвергли предложение лейбористов. Как известно, после февральских выборов либералы отказались войти в коалиционный кабинет с консерваторами, боясь разоблачить свои истинные симпатии к правым. Теперь же либералы не только голосуют в палате общин вместе с Хитом, но и дали понять, что в случае новых выборов могут пойти на коалицию с тори.

НЕЗАДОЛГО до парламентских каникул обозреватель «Таймс» Хатчинсон писал, что «в августе и сентябре стратеги тори не намерены отдыхать». Они и впрямь не отдыхают — весь пропагандистский аппарат, все средства массовой информации, щедро финансируемые монополиями, брошены на подготовку к выборам. Тори развернули широкую кампанию в печати, пытаясь помешать лейбористам провести меры, направленные к оздоровлению экономики страны. Массовыми тиражами издаются брошюры и листовки, рекламные объявления, запугивающие обывателя возможностью национализации отдельных отраслей промышленности.

В то же время консервативные органы печати убеждают, уговаривают англичан, что тори, мол, учли ошибки прошлого, изменились, готовы прекратить всякую войну с трудящимися. «Понять — значит простить», — писал «Экономист», обращаясь к избирателям. Возрождается миф о «народном капитализме», о добреньких и заботливых предпринимателях, готовых распроститься со столь милым их сердцу антирабочим законом об «отношениях в промышленности».

Но как это вяжется с фактами? С тем жестоким боем, который дали тори лейбористскому правительству по вопросу о национализации отдельных отраслей промышленности, контролю над заработной платой, возвращению профсоюзам их средств?

Сошлемся и на статью в газете «Гардиан», которая дает представление о сращивании консервативной партии с большим бизнесом. Она озаглавлена «Куда уходят тори?».

Часть бывших министров и членов «теневого кабинета» возвратилась на свои старые места — заняла директорские кресла в правлениях промышленных и финансовых корпораций. Лорд Лимерик, один из заместителей министра торговли и промышленности в правительстве Хита, стал директором банка «Клейнуорт, Бенсон»; Роберт Карр, бывший министр внутренних дел, снова действует в фирмах «Секурикор», С. Хоффнунг» и «Норвич Юнион иншуренс компани»; Джон Дэвис, тоже бывший член кабинета, — заместитель директора банка «Хилл, Самюэль, Моррис Макмиллан»; Джозеф Годберг, бывший министр сельского хозяйства, — директор фирмы «Букер, МакКоннел», связанной с нефтяной и сахарной промышленностью.

Большинство членов «теневого кабинета» формально не занимает постов на предприятиях большого бизнеса и лондонского Сити. Но разве не ясно, как легко перетасовываются карты в колодах: кабинет министров — большой бизнес...

ВСКОРЕ после того, как в 1970 году тори пришли к власти, Хит создал «Центральный штаб контроля и наблюдения за политикой». В просторечии его называли «мозговым центром лорда Ротшильда».

Пятнадцати членам этого центра были даны самые широкие полномочия — право определять, направлять, разрабатывать политику правительства и контролировать ее, пишет лондонский еженедельник «Санди таймс мэгэзин». Во главе штаба стоял лорд Ротшильд, третий барон династии, мультимиллионер, один из богатейших людей не только в Англии, но и во всей Европе. Его помощники, представляющие разные отрасли большого бизнеса и технократию, направляли деятельность всех министерств и ведомств.

«Штаб» лорда Ротшильда фактически подменял правительственные ведомства. Сам лорд имел право входить к премьеру без доклада, не сообщая заранее ни о времени, ни о целях своего посещения, ничего не согласовывая с ближайшим окружением Хита. В Чеккерсе, загородной резиденции премьер-министра, ежемесячно собирались совещания «штаба» для решения важнейших вопросов внешней и внутренней политики. Все решалось именно там, а не в Уайтхолле и подавно не в Вестминстере. Попытки министров и парламентариев проникнуть в эту святая святых большого бизнеса решительно пресекались. От Ротшильда и его штаба зависели, в конечном счете, ассигнования бюджета, расходы на военные нужды, заработная плата трудящихся, затраты на социальные нужды. Надо ли говорить, что все решения принимались в интересах большого бизнеса? В самый трудный для Англии год прибыли английских корпораций возросли. Доходы банка «Ллойдс» увеличились по сравнению с предыдущим годом на 75 процентов, а нефтяной концерн «Ройял датч Шелл» увеличил свои доходы втрое. И это в то самое время, когда правительство Хита резко сократило расходы на социальные нужды и отказало шахтерам в мизерной прибавке к заработной плате!

Недавно стало известно, что незадолго до того, как проигравшим выборы тори пришлось покинуть Уайтхолл, между Хитом и лордом Ротшильдом произошла размолвка. Руководитель «мозгового центра», возможно, предвидя неизбежность поражения консерваторов в условиях кризиса, охватившего страну, заявил, что покидает свой пост. Но нет сомнений, что и сейчас, находясь «в тени», партия тори продолжает пользоваться советами и поддержкой если не лорда Ротшильда, то других фактических хозяев Англии — владельцев крупных капиталистических монополий.

Тори в «царстве теней» не складывают оружия, они надеются на реванш. И то, как сложатся в дальнейшем судьбы Англии, как будут решены ее жизненные и не терпящие отлагательств проблемы, будет зависеть от того, насколько решительно станут действовать лейбористы, сумеют ли они преодолеть давление крупного капитала, пойдут ли на коренное изменение английской политики. И, конечно же, немалую роль сыграют английские трудящиеся, доказавшие в нынешнюю трудную зиму свою политическую зрелость.

Анри ЛОПЕЗ

АВАНС

РАССКАЗ

Анри Лопез — видный политический деятель, член Конголезской партии труда, крупный писатель, лауреат многих литературных премий. Он занимает пост премьер-министра Народной Республики Конго. Книги Лопеза посвящены борьбе народа Конго против всех форм угнетения, за свое человеческое достоинство и равноправие. Они хорошо известны африканскому читателю.

В рассказе «Аванс», который мы сегодня предлагаем читателям «ЛГ», писатель повествует о недавнем тяжелом прошлом его родины, когда белые хозяева унижали конголезский народ, обрекали его на нищету и бесправие. Сейчас Конго — свободная страна, успешно строящая свое будущее. Но писатель призывает соотечественников своим рассказом помнить о колониальном прошлом, «ломать устаревшую мораль, предрассудки, — как он сказал в одном из своих интервью, — чтобы способствовать радикальному изменению положения в Африке».

Анри Лопез много делает для развития дружественных отношений между НРК и Советским Союзом. Он неоднократно бывал в нашей стране.

Г. Б. СТАРУШЕНКО,
вице-президент Советской ассоциации дружбы с народами Африки

Рис. Е. ЗОЛОТАРЕВА

—Невкусно, — заявила, поморщившись, девочка.

— Да нет же, Франсуаза. Смотри.

Кармен сама проглотила несколько долек апельсина и закрыла глаза от удовольствия. Девочка безучастно смотрела на нее.

— Ешь.

И, словно священник просфору, Кармен протянула четверть апельсина. Девочка отвернулась с высокомерным видом. Было уже семь часов вечера. Кармен не терпелось закончить работу. Надо еще успеть попросить у мадам...

Она повысила голос и сделала страшные глаза:

— Если ты не будешь есть, Франсуаза, я скажу маме.

Но девочка и не думала сдаваться.

Хозяева вместе с друзьями играли в салоне в бридж. А мадам уже не раз выговаривала Кармен за то, что она беспокоила ее «в обществе». Но может быть, все-таки решиться и нарушить покой веселой компании? Головомойки Кармен не боится. Обычно люди повышают голос лишь для того, чтобы успокоить нервы. Что же касается мадам, то, по словам бывшего сторожа Фердинанда, муж бьет ее, и ей не остается ничего другого, как отыгрываться на прислуге. Разве можно за это сердиться? Надо смотреть на вещи философски. Но вот выслушивать нотации в присутствии других людей, совершенно посторонних, — да это хуже пощечины. Нет уж, лучше подождать. Хотя, с другой стороны, у мадам была скверная привычка разговаривать со своей дочерью, как со взрослым человеком.

— Ну как, моя маленькая Франсуаза, что ты ела? — спросит она потом.

И маленькая Франсуаза, перечисляя все по порядку, не упустит случая сказать, что сладкого она не ела, потому что апельсины, которые хотела ей дать Кармен, были невкусные. И мадам непременно станет упрекать Кармен за то, что она не сказала ей об этом вовремя. А ведь она не раз объясняла ей, что, если ребенок не ест сладкого, равновесие в питании будет нарушено и т. д. Кармен имела обыкновение выслушивать все это с самым серьезным видом. У них в деревне, да и в Макелекеле, главным считалось, чтобы ребенок был сыт. Где уж тут думать о равновесии. Да, не забыть бы попросить у мадам...

Ей оставалось только одно. Поступить так, как поступала ее мать, когда надо было заставить ее поесть. Одной рукой она открыла рот девочки, другой сунула в него ломтик апельсина. Франсуаза закричала, этого следовало ожидать. Но Кармен не отступилась. Франсуаза ревела, задыхаясь от бешенства. В коридоре послышались удары молоточком — это каблуки мадам застучали по каменному полу. Кармен добилась своего.

— В чем дело?

— Она не хочет есть, мадам.

— Не надо мучить ее. Бедная малышка. Возьмите в холодильнике виноград и дайте ей. Она его любит.

Потом надо было отвести ее на горшок, переодеть и уложить в постель. Было уже половина восьмого. Стемнело. До Макелекеле надо добираться час. Но Франсуаза не желала, чтобы ее няня уходила. Такая уж у нее привычка. Кармен должна спеть ей, только тогда она заснет.

Обычно к середине второй песенки девочка засыпала. А в этот вечер ей пришлось спеть три. Кармен пела, а мысли ее были далеко. Она думала о Франсуазе, которую она любила, как собственного сына, ему было столько же лет, сколько ей, но как они были непохожи! Франсуаза так и пышет здоровьем, а ее сын несколько раз чуть не умер. Франсуаза ничего не боялась, она уверенно разговаривала со взрослыми, отдавала распоряжения прислуге и уже сейчас капризничала, выбирая платья. Ее же Гектор не смеет рта раскрыть. В присутствии чужих он делается нелюдимым, глупеет. У него такие несчастные глаза. А ведь обоим им суждено жить в одну и ту же эпоху. Смогут ли они понять друг друга, даже если будут говорить на одном языке? Кармен думает об этом без зависти. Конечно, ей хотелось бы, чтобы Гектор был «хорошо воспитан», а как это сделать?.. Общество, мораль — все это пришлось бы изменить. Сегодня утром она хотела не приходить на работу. Мальчик всю ночь плакал. Жаловался на живот. У него был понос, и его раза три вырвало. Видно было, что мальчику плохо. Он с трудом дышал. На лбу у него выступил пот. Она очень испугалась. Вспомнила двоих ребятишек, которых уже потеряла, и совсем впала в отчаяние. Она чуть было не разбудила свою мать, которая спала неподалеку, но вовремя удержалась. Мать тотчас же отвела бы ее к колдуну. С теми двумя было то же самое. И они умерли. А ведь она каждый раз отдавала колдуну все свое жалованье. Потом стало еще хуже. Колдун вывел заключение, что дети ее умирали потому, что она вот уже пять лет отказывается брать мужа, которого родители выбрали для нее. Мало того, что она и так страдала, ей приходилось еще выслушивать глупую болтовню всех этих старух, которые одна за другой приходили к ней и неустанно твердили каждая свое: покорись воле бога, предков, духов или своих бедных детишек, смирись. Станешь женой Китонги Флавьена, и все уладится само собой. Разве это плохая партия? Работает шофером в учреждении, а после работы сам себе господин. У него четыре такси, он построил себе магазин и бар в Уензе. С Китонгой Флавьеном она может позволить себе не работать. У него уже есть две жены. Одна — в Баконго, другая — в Уензе, она-то и ведет все хозяйство в баре.

Пока Кармен обдумывала все это, ребенок стал звать ее. Ему хотелось лечь рядом с ней на циновке. Он боялся оставаться один. Удастся ли ему продержаться до утра? Есть люди, которые, если у них заболеет ребенок, могут сейчас же снять трубку, набрать номер и тут же отправиться к доктору. Тот примет все необходимые меры, успокоит. А как быть нам, беднякам? По ночам поликлиника, до которой можно добраться, закрыта. Пойти в больницу? Там вас встретит санитар, он учинит настоящий скандал: зачем, мол, меня разбудили? Отправиться на дом к врачу? В такой час люди в богатых кварталах не станут открывать кому попало. К тому же все это одна фантазия. Чтобы пойти к частному врачу, нужны деньги. В конце концов на рассвете ребенок заснул. А Кармен надо было вставать и идти на работу. От Макелекеле до Мпилы ей каждый день приходилось шагать по два часа. А мадам хочет, чтобы она приходила самое позднее к половине восьмого, вот и считайте...

Несмотря на усталость, спать ей не хотелось. Но и на работу ходить тоже не надо бы. Ей не терпелось пойти в больницу, узнать, что с ее Гектором. Когда он болеет, Кармен не любит оставлять его одного, она места себе не находит. Однажды она попробовала привести его с собой на работу, но мадам сразу же заявила, что она платит ей за то, чтобы Кармен сидела с ее дочерью, а не со своим сыном. Она прекрасно знала, что мать или тетки отведут мальчика к врачу. Живут они с многочисленными родственниками, так что семья большая, и ребенок, что бы ни случилось, никогда не останется сиротой. И все-таки ей кажется, что детей должна воспитывать мать. А когда они болеют, им тем более необходима та, что произвела их на свет.

Но если бы она посвятила этот день сыну, хозяйка непременно прогнала бы ее и ей не на что было бы жить. В этом месяце ее и без того уже не было два раза. В первый раз она болела и два дня не в силах была подняться с циновки. Во второй раз ходила на похороны.

Мадам очень рассердилась:

— Кармен, мне это надоело. Всякий раз, как вы мне нужны, вас нет. Можно подумать, что вы это делаете нарочно. Вы не приходите именно в те дни, когда мне надо уйти. Дорогая моя, предупреждаю вас, если в этом месяце вас не будет хотя бы один раз, вам придется искать работу в другом месте.

Как ей объяснишь? Кармен пробовала. Но белые убеждены, что если мы не приходим на работу, значит, попросту гуляем.

И вот сегодня она пришла на работу, несмотря на то, что Гектор болен. В полдень сестра сумела передать ей, что врач выписал рецепт. Старая песня. А чем платить за лекарства? Но ведь надо же, чтобы ее Гектор поправился.

И сегодня вечером она поет для маленькой девочки, которая ни в чем не нуждается, а родители девочки в это время играют в карты с благовоспитанными дамами и господами.

Когда Франсуаза заснула, Кармен пошла на кухню дожидаться, пока гости не кончат партию в бридж. Это был удобный момент поболтать с Фердинандом, бывшим сторожем.

Кармен любит такие минуты. Тут-то уж она отводит душу. Они рассказывают друг другу о недостатках, которые им удалось обнаружить у своих хозяев. Обычно, когда Фердинанд рассказывает о былом, изображая в лицах пережитое, Кармен смеется. Но сегодня вечером ей не удается отвлечься от своих дум. И Фердинанд заметил это.

В конце концов мадам пришла на кухню:

— Кармен, вы все еще здесь?

Это был самый трудный момент.

— Мадам, мне нужны деньги.

— Опять. Но ведь всего десять дней назад я вам заплатила.

— Мой сын болен, ему нужны лекарства.

— Нет, вы только подумайте! А я что же, по-вашему, представитель социального страхования? Люди делают детей, прежде чем обзавестись мужем, а потом не могут вырастить их.

— Мадам, так могут говорить только белые...

— Значит, ребенок ваш заболел? Это потому, что вы не хотите меня слушать. А я ведь вам говорила, чем его надо кормить. Вы делали то, что я говорила?

— Нет, мадам.

— Ну, конечно, вам бы только поскорее напичкать его этой гнусной маниокой.

Что ей могла ответить Кармен? Она пробовала составить меню, которое посоветовала ей мадам, но это ей не по средствам.

Можно подумать, мадам не отдает себе отчета в том, что за одну неделю у нее уходит тройное месячное жалованье Кармен, и это только на еду для ее мужа, дочери, для нее самой и их кошки. Но если бы служанка осмелилась сказать ей это, она выставила бы ее вон за дерзость.

— Ничего не поделаешь, сегодня у меня все равно нет денег. И когда только туземцы научатся понимать, что деньги с неба не падают? Когда вы научитесь делать сбережения?..

Она еще долго говорила так. Кармен поняла далеко не все. Когда люди начинают быстро говорить по-французски, она не успевает мысленно переводить и простонапросто отключается, кивая в знак согласия головой. Это был как раз тот случай.

Но может, это-то и разжалобило мадам? Она дала ей аспирин и обещала дать завтра пятьсот франков.

Кармен ушла. Ей надо было вернуться в Макелекеле. От Мпилы до Макелекеле далеко. Так же далеко, как до деревни, куда ее посылали в школу. Поэтому есть время подумать.

Ей хотелось бежать, она чувствовала, что нужна Гектору. Но если не поспишь ночь, а за весь день съешь один кусочек маниоки, не очень-то побежишь. Вдруг ей почудилось, что Гектор зовет ее. «Бедный малыш. Будет ли он любить меня, когда вырастет? Чтобы добыть пропитание, мне приходится бросать его одного на целый день. Может, он не забудет этого? Напрасно я так долго оставляла его без всякой помощи. А все потому, что верила в медицину белых и в их доброту. Если ночью мать предложит отнести его к колдуну, я не смогу отказаться».

Потом она припомнила все, о чем говорила мадам. С ней она проводит больше времени, чем со своим сыном, но им никогда не понять друг друга. Мадам полностью доверяет ей, когда она берется ухаживать за ее дочерью, и все-таки Кармен не может предугадать реакцию мадам, точно так же как мадам не может понять того, что творится в душе ее служанки и в том мире, где ей приходится бороться за свое существование. Для нее Кармен всего лишь легкомысленная девушка, ни о чем не имеющая заботы.

«О каких сбережениях может идти речь, когда я получаю всего пять тысяч франков*? К тому же в прошлом месяце она мне заплатила только четыре тысячи. Вот уже полгода она каждый месяц удерживает с меня пятьсот франков, которые я выплачиваю ей за часы. Это моя единственная прихоть. Тысячу франков мне надо внести в общую «копилку» нашей деревни, еще тысячу — отдать матери, на этот раз еще одну пришлось заплатить за возвращение тетки и ее сыновей в деревню, а то они и так прожили у нас целый месяц. Самой мне осталась тысяча. А что такое тысяча франков? Мадам ежедневно тратит такую сумму на еду».

Машины скользили по слабо освещенным улицам. Те, что мчались навстречу Кармен, слепили ее, те, что шли сзади, едва не сбивали, и ни одна не остановилась, чтобы подобрать ее. А ведь она знала, что по крайней мере одну машину из двух ведет такой же африканец, как она. В жизни теперь каждый идет своим путем.

Ах! Только бы мадам не забыла дать ей завтра денег на лекарства...

Свернув на улицу Биза, Кармен услышала в темноте крики женщин.

И она поняла, что колдун, лекарства — все это уже ни к чему.

Ах! Сын мой покинул меня,
Мой Гектор.
Ах! Сын мой покинул меня.

Перевела Н. СВЕТОВИДОВА

* Имеются в виду старые французские франки.

СТРАНИЦЫ НОВЫХ КНИГ • СТРАНИЦЫ НОВЫХ КНИГ • СТРАНИЦЫ НОВЫХ КНИГ

С. Норткот ПАРКИНСОН

ФУНКЦИЯ ГЛУПОСТИ

Будучи по профессии не литератором, а ученым, редактором экономического журнала «ЭКО», я тем не менее с удовольствием рекомендую читателям «Литературной газеты» страницы книги английского сатирика С. Норткота Паркинсона. Наш вполне серьезный журнал, издаваемый Сибирским отделением Академии наук СССР, вот уже год из номера в номер печатает главы паркинсоновской книги «Зятья и прочие». (Глава «Функция глупости», которая в «ЛГ» публикуется с сокращениями, также будет напечатана в одном из номеров нашего журнала.)

Чем привлекла нас эта книга? Прежде всего, тем, что перед нами — блестящее литературное произведение, написанное остро, образно и тонко. Но особенно интересно то, что писательское, публицистическое дарование Паркинсона раскрылось на богатейшем социальном материале. Не случайно рецензенты его книг ввели определение «социологическая сатира». Будучи глубоким знатоком проблем управления (сам Паркинсон по профессии социолог и много лет служил в государственном аппарате Великобритании), он не только высмеивает слабые стороны механизма управления в условиях частного предпринимательства, но одновременно в шутливой форме знакомит читателей своих книг с серьезными наблюдениями и выводами науки, изучающей проблемы управления в современном мира.

А. АГАНБЕГЯН,
член-корреспондент АН СССР,
главный редактор журнала «ЭКО»

Трудясь с хитрецой и умом в Комитете, изучив комитетологию не только по книгам, но и на практике (читай наши прошлые главы), вы поднялись до ответственного положения. И если не допустите ошибки, то постепенно приобретете славу отменно ловкого человека. Вам станут доверять. Репутация ваша укрепится. И вы с удивлением заметите, как много вокруг людей бездарных. Более того — глупых. И вы задумаетесь: а могут ли они вообще быть полезны? Какой примитивной цели способны они служить?..

Почему продвигаются по службе люди безликие и неспособные?

Все очень просто. Способные кандидаты на выдвижение отвергаются только потому, что против них всегда может быть выдвинуто возражение.

Предлагают назначить А., но зачем он всюду подчеркивает свой тонкий вкус?.. Подали мысль выдвинуть Б., но он уж очень смел, пожалуй, даже дерзок... Упоминают В., но тот слишком открыт и мягкосердечен... Г. — очень властен... Д. — староват... Как мы оценим Е.? Он очарователен, но... слишком! А как насчет К.? Ходят слухи, что он человек со странностями... Старина Э. излишне суетлив... Что касается И., то будем смотреть правде в глаза: он многовато потребляет пива... Может, остановить выбор на К.? Но он недавно болел... Л. глуховат... М. иногда подводит память... Не подойдет ли Н.? Ах, как он много спорит!.. А может, О.? Умен, но так язвителен... П. — чересчур всегда спокоен, не равнодушие ли это? Р. — крайне груб... С. — молчалив, как пень... Т. — болтлив... У. — да, он деятельный малый, но неотесан, как чурбан... Ф. — он незаменим там, где работает сейчас... Ч. — так деликатен, он никогда не обратится к вам по делу. Нет, мы отвергнем и его!

Остался Х. Кто его знает? Все молчат. Как он хоть выглядит? Молчат. Ошибки делал? Нет, молчат... Будь он тучным или худым, длинным или низкорослым, его бы запомнили. Будь он блестящим собеседником или активным дураком, он оставил бы след в человеческой памяти. Возможно, его нет вообще?.. Но главное — никто не выдвигает против него ни единого возражения. Он не дает повода ни для ревности, ни для ненависти, ни для любви. Он — нуль, пустое место...

Так назначить его немедленно! Это же самый подходящий человек!

Итак, некто Нуллик, мистер Х., пустое место, поставлен к руководству фирмой.

Степень глупости может быть столь велика, что делает ее обладателя безмятежно уверенным в себе тупицей, глядящим на всех свысока. Разумеется, и безмятежный дурак может принести немало вреда. Но возможен совсем неожиданный поворот событий.

Полная глупость руководителя становится иногда полезной. Есть теоретики, утверждающие, что мера глупости существенна при назначении на должность. Мы не склонны распространять этот тезис на все назначения, но не станем отрицать, что глупость может высоко цениться.

Допустим, что Нуллик до выдвижения был абсолютным нулем: не делал ни дела, ни ошибок. Но теперь он вынужден хоть изредка принимать решения. При средней мере глупости многие решения будут абсурдны. Многие, но не все. И никто не знает, когда он скажет нечто дельное, а когда — галиматью. Такое положение опасно.

Но если он непроходимо глуп, то неверными будут все его решения, и именно это делает его бесценным.

Мы знаем: лишь в немногих организациях можно найти Человека, который всегда прав. Нет, говорит он спокойно, это предложение неразумно, схема не сработает. И все! На этом кончается дискуссия. У него тот же непререкаемый авторитет, что у старины Дика в делах менее сложных. Скажем, возникла проблема оценки партии хлопка-сырца. Тут есть два пути. Первый — послать образец в исследовательскую лабораторию. Второй — послать за стариной Диком. Первый путь предполагает серию испытаний, результаты сведутся в таблицы, на основе которых будет дано предварительное заключение, представленное на рассмотрение администрации. Второй путь предполагает, что Дик помнет комочек хлопка в пальцах ровно пять секунд и обронит: второй сорт.

И так оно и есть!

И да простит нас бог за умаление цены лабораторных испытаний. Они нужны хотя бы потому, что когда-нибудь Дик уйдет на пенсию.

Так вот, столь же авторитетен и окончателен приговор, выносимый на более высоком уровне Человеком, который всегда прав. Когда все устают от бесконечного обсуждения, когда точки зрения, хоть тресни, не сходятся, когда дискуссия зашла в тупик, спокойный человек в углу вынимает изо рта трубку и говорит:

— Решение надо отложить, пока не получим вестей от Шпинтера.

И все! В его словах — мудрость, накопленная веками. Спорить больше не о чем.

Теоретически Человек, который всегда прав, должен стать руководителем. Иногда (невообразимо редко) так и случается. Но чаще всего он слишком непопулярен, чтобы получить высокое назначение. Он спокойно предупреждал: если вы сделаете то, что сейчас предлагали, то эффективность снизится. Они все же делают так — эффективность падает. Он никогда не напомнит: «Я же говорил!» Он никогда не повторит советов. Но другие помнят все случаи, когда он думал не как все и оставался прав. И именно это делает его непопулярным. Вечная история: люди ненавидят того, кому сами принесли зло, и не прощают того, чей мудрый совет отвергли. С каждым случаем своей отвергнутой правоты такой человек становится все менее популярен. Одним словом, Человек, который всегда прав, редко имеет большое будущее. Однако счастлива та фирма, где есть подобный провидец. Не имея никаких благ от своего дара, он остается верным компасом, независимо от того, следуют его советам или не замечают их.

Но Человек, который всегда неправ, — явление исключительное. Чаще всего решения принимаются в результате мелкой войны, где А. и Б. имеют противоположные точки зрения, В. воздерживается от всяких предложений, Г. болен, а Д. прости не знает, что делать...

В самом деле, что делать?

За неимением в данной фирме Человека, который всегда прав, почему бы не иметь Человека, который всегда неправ? Такая постановка вопроса возвращает нас к [illegible] господину Нуллику — президенту Х. С момента повышения его глупость стала очевидной. Почему бы не спросить его и не поступить наоборот? Если альтернатив две, а он твердо встает в защиту глупейшей, ее можно сразу [illegible]. Коли вариантов три, он поможет угробить один и [illegible]. Но [illegible] Если он несет галиматью в 75 случаях из 100, [illegible] Так что [illegible] мистера Нуллика на новой должности зависит от экспериментальной проверки. Суть ее в том, что ему предлагают [illegible] решение.

Скажем, так. Мистер [illegible] уже испытывался в должности заведующего отделом кадров и справлялся от должности на шестой неделе, приведя отдел в состояние полного хаоса. [illegible] Примечательно [illegible] Заботясь [illegible] Марк Волдырь. И лишь [illegible] Джо Честняга, спрыгнула замысел Волдыря.

Об этих, уже состоявшихся, событиях вновь назначенный мистер Нуллик не имел ни малейшего представления. Их ему и подсунули.

Грот-Матчинг: Нам угрожает уход мистера Миротворчика (это строго конфиденциально). Нужен новый заведующий кадрами. Предлагались разные кандидатуры, в частности Дроволоммер. Какие есть соображения?

Боб Фундаменд: Его стоит испытать. Старательный, методичный человек, в меру популярен.

Кен Шведлер: Я не согласен. Дроволоммер слишком рассеян и легкомыслен.

Грот-Матчинг: Ваше мнение, мистер Нуллик?

Нуллик: Знаете, Дроволоммер производит впечатление человека ответственного. Очень почтителен, прислушивается к советам. Я высокого мнения о Дроволоммере и не думаю, чтобы мы могли найти кого-то лучше...

Грот-Матчинг: Благодарю. Теперь рассмотрим новую рекламу. Она перед вами. Что скажете?

К. Шведлер: Впечатляюще! Во всяком случае, нет риска, что она не будет замечена. Умный замысел с многозначительным призывом.

Б. Фундаменд: Нет уж, увольте! Фабричная марка — словно свастика. Левая фигурка может обидеть лейбористов, а словесный призыв звучит, как насмешка над Кавалерийским клубом...

Нуллик: Нет, я согласен с мистером Шведлером. Реклама с идеей, а это главное. Опасения напрасны.

Итак, мистер Нуллик набрал два очка. Испытания становятся волнующими. Быть неправым по одному спорному вопросу — вполне нормально. По двум — тоже ничего особенного. Но если подряд по трем...

Грот-Матчинг: Теперь вопрос о Марке Волдыре, главном сварщике. Стало известно, что 13-й отдел фирмы Дубиннера и Простофиллера предлагает ему аналогичную работу с более высокой ставкой. Не повысить ли ему оклад, чтобы закоренить у нас?

К. Шведлер: Да, Марк знает дело. Еще вопрос, сумеем ли мы найти ему замену. Да и платить новому сварщику придется едва ли меньше. Пожалуй, проще поднять ему оклад.

Б. Фундаменд: А я в этом не уверен. Его профсоюзная активность идет нам во вред. Я бы его отпустил.

Нуллик: О, не так-то просто найти хорошего работника. Волдырь — интеллигентный человек, прекрасно воспитан. Он должен оказывать благотворное влияние на профсоюз. Нам стоит попытаться задержать его. (Все присутствующие обмениваются многозначительными взглядами.)

Грот-Матчинг: Такой же вопрос касается другого рабочего. Это Джо Честняга, водитель локомотива. Ему тоже предложили перейти в другую фирму. Стоит ли он надбавки? Боб, прошу.

Б. Фундаменд: Джо — работящий парень, на путях [illegible]. Машина всегда в [illegible] состоянии. При [illegible] не ворчит. Думаю, он заслуживает надбавки.

К. Шведлер: Найти машиниста сейчас — не проблема. [illegible]

Грот-Матчинг: Ваше мнение, мистер Нуллик?

Нуллик: Я [illegible] нам следует отпустить Джо. Я замечал: Честняга — человек [illegible] и [illegible], его влияние в профсоюзе вряд ли может быть хорошим. Не предлагайте ему ни пенни к тому, что он получает. Ни пенни!

Собравшиеся еще ждут, что Нуллик допустит последовательно [illegible] Можно бы и кончить, но ему задают еще один [illegible] вопрос, который пока не решен.

Грот-Матчинг: Последний вопрос [illegible] — о консультантах. Мы давно ведем переговоры с фирмой Пара-Зиттер, Тайкомс и Вымогалоро. Надо решить, какова будет наша рекомендация правлению: пригласить этих консультантов или отказаться? Боб, ваше слово.

Б. Фундаменд: Мы так отняли у них столько времени, что в какой-то мере связаны. Полагаю, следует сделать следующий шаг и довериться им как консультантам.

К. Шведлер: Ну, пожалуй, но так ли мы связаны? Можно ли выплатить небольшую сумму и проститься. Я о [illegible]

Грот-Матчинг: [illegible]

Нуллик: Да, я должен уехать. [illegible]

[illegible] диция и честность. Да и фирма хорошо известна. Простите, я покидаю вас, но должен сказать, что буду сильно разочарован, если мы отступим на последней стадии переговоров. Всего доброго, джентльмены.

Оставшиеся смотрят друг на друга с волнением, как люди, сделавшие важное открытие. Все слишком хорошо, чтобы быть правдой... Неужели они нашли круглого дурака, которого искали?

Грот-Матчинг: Эксперимент на редкость успешный. Пять из пяти!

Б. Фундаменд: Знаете, я почти люблю этого Нуллика!

К. Шведлер: Да, его уверенность решает вопрос о консультантах. С ними надо кончать.

Грот-Матчинг: Конечно. Я им сейчас позвоню: чем раньше предупредим об отказе, тем лучше. (Звонит.) Это контора Пара-Зиттера? Я не могу его попросить? А Тайкомса? Тоже нет? Может быть, Вымогалоро? Что-что? Боже мой! Невероятно... Даже без права под залог? Конечно, конечно... Спасибо, инспектор, что сказали. Да, будьте спокойны. До свидания, инспектор. (Общее молчание.) Это был детектив, контора обанкротилась, Пара-Зиттер арестован...

К. Шведлер: И все остальные тоже замешаны?

Грот-Матчинг: Замешаны, но в другом. Тайкомс задержан за подлог, Вымогалоро накрыт Скотланд-Ярдом за растление несовершеннолетних...

Все молчат.

К. Шведлер (торжественно): Итак, мистер Нуллик подтвердил свою абсолютную компетенцию... наоборот!

Грот-Матчинг: Да, подтвердил самым драматическим образом. Человек с таким запасом глупости бесценен! Он будет нашим впередсмотрящим, стрелкой нашего компаса, стремящегося на юг. Он... Черт возьми, не ее ли в эту минуту вывозят из здания главной конторы, так? (Хватает трубку телефона.) Это охрана? Говорит Грот-Матчинг. Перекройте движение на магистрали минут на [illegible] Сейчас Нуллик будет [illegible] Но мы не [illegible] жизнью.

Перевели В. ПРОВОЛОЦКАЯ и В. ВЫКОВ

«ЛИТЕРАТУРКА» «КЛУБА ДС»

СЕГОДНЯ АДМИНИСТРАЦИЯ «КЛУБА ДС» РЕКОМЕНДУЕТ СВОЮ СТРАНИЦУ ВСЕМ ТЕМ, КТО ЛЮБИТ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ. НАША «ЛИТЕРАТУРКА», ПАМЯТУЯ О СОРОКАЛЕТИИ ПЕРВОГО СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ, ПОСВЯЩЕНА ЦЕЛИКОМ УПОИТЕЛЬНОМУ ПРОЦЕССУ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА.

МИЛОСТИ ПРОСИМ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ!

ПАРАД БЕССМЕРТНЫХ

ИЗ АРХИВОВ «КЛУБА ДС»

Роясь в архивах Первого съезда писателей, администрация натолкнулась на тот факт, что среди обычных писателей на съезде сидели и сатирики. Из-за этого в связи и по поводу съезда тогда же их силами была выпущена книжка «ПАРАД БЕССМЕРТНЫХ». Художественно-оптимистический альманах «Крокодила», посвященный съезду писателей вообще и литературе и ее последствиям в частности. Составлен по наблюдениям, первоисточникам, а также по слухам».

Редактор «Парада бессмертных» — Мих. Кольцов. Он же произнес на съезде от имени сатириков речь, которой открывается альманах. «Я слышал, что в связи с тем, что Алексей Максимович открыл пять вакансий для гениальных и сорок пять для очень талантливых писателей, — делился Кольцов, выступая, первыми впечатлениями, — уже началась дележка. (Смех. Аплодисменты). Кое-кто осторожно расспрашивает: а как и где забронировать местечко если не в пятерке, то хотя бы среди сорока пяти? Говорят, появился даже чей-то проект — ввести форму для членов писательского союза... Писатели будут носить форму, и будет она разделяться по жанрам. Примерно: красный кант — для прозы, синий — для поэзии, а черный — для критиков».

Как мы знаем, делегаты съезда поняли оратора правильно, так как проект не был внедрен в жизнь.

«Парад бессмертных» был организован пародистом А. Архангельским, художниками Б. Антоновским, К. Ротовым, Кукрыниксами. Околосъездовские проблемы в альманахе отражала группа сатириков: В. Ардов, А. Бухов, В. Катаев, И. Ильф и Е. Петров и другие. «Нам удалось подобрать на полу большое количество неотправленных писем, телеграмм и открыток, скомканных и надорванных нетерпеливой и самокритичной рукой их авторов», — пишет альманах, раскрывая секрет сбора материала о впечатлениях делегатов съезда, корреспондентов, гостей.

***

Виктор Ардов демонстрирует в альманахе ряд запрещенных литературных приемов, в частности образ, именуемый им «Братишка-профессор»:

«В действительности существуют профессора различных наук, в прошлом матросы. Но милым авторам этого мало. Им желательно, чтобы братишка, пройдя курс наук, сохранил в целости весь свой жанровый комический букет. Так рождается монолог братишки-профессора в нижеприведенном стиле:

— А що Хехель натрепался за это? А Хехель так чешет, що, скажем, вира у нас — тезис, майна — антитезис, а в середке обратно — синтез. Вот диалектика на це выходит. А Фейербах що гуркотыт за это? Фейербах берет тую субстанцию и говорит: «Это же, братва, чистый идеализм, это же надо в расход вывести...»

***

С заочными курсами для молодых и пожилых кадров художественной литературы — «**Литфак на дому**» — в альманахе выступили Аркадий Бухов, декан; Валентин Катаев, ординарный профессор; Лев Никулин, экстраординарный профессор.

«Что делать? С чего начать? О чем писать? Чем, наконец, кончить? С этими вопросами едва ли может справиться мастер пера в одиночку, — поучают мэтры. — Первичный вид творческой артели есть объединение двоих (Ромул и Рем, Лапин и Хацревин, Кирилл и Мефодий, Ильф и Петров, Брокгауз и Ефрон, Новиков и Прибой)».

Профессоров, естественно, не могла не волновать в тот момент такая тема, как публичное выступление.

«Записки бывают личного порядка, общественного значения, а также фиктивные.

Записки общественного характера: «Товарищ докладчик! Вы ничего не сказали о путях развития зуботехники в странах с преобладающим аграрным населением».

«Не можете ли сказать точно, читают ли Ивана Рахилло на Канарских островах?»

Записки личного порядка: «Брось трепаться, наши ждут в столовой», или «Довольно Ваньку ломать: все равно выгоним из правления», или «Мой телефон 1-55-47, я шатенка. Спросить Мурку», или «А вчера что говорил?»

Записки фиктивные. Фиктивные записки и блистающие юмором ответы на них сочиняются самим докладчиком раз навсегда, носят стандартный характер и всегда на случай внезапных диспутов хранятся в жилетном кармане».

Ниже мы полностью приводим главу из «Литфака», предписывающую учащимся писателям столь важные для каждого из них

ЗАКОНЫ АВТОГРАФА

Надписи на книгах являются мощным рычагом в деле приобретения полезных связей. Куда не всегда проникнет лично художник слова, туда легко и безболезненно проникает его книга.

Только невежды и идеалисты пишут чистосердечные и бескорыстные надписи на своих книгах. Каждая надпись должна продвигать творца на командные высоты искусства и совершенствовать его быт.

Мы рекомендуем следующие формы надписей на книгах.

ФОРМА I
(простейшая)
Дорогому товарищу Палкину в память о совместной работе в МУЗО в героические дни 1910 года.
И. Воспобойников

ФОРМА II
(усложненная)
Ною Владимировичу Бетховскому, финансовому гению издательства «Вывих», с нежным укором по поводу задержки (за второе издание «Баркасы идут вперед» и четвертое издание «Баркасы идут назад») авторского гонорара, приравненного к выплате зарплаты.
Неунывающий Иван Безземельный.

ФОРМА III
(сложная, в расчете на рецензию)
Мысль художника подается человечеству на блюде критики. Кладу свое творческое «я» на золотое блюдо твоего снисходительного пера.
Ваня, вспомни, как шумел океан!
В. П.
Июнь — август 1931 — 1934. Ямское Поле, буран, метель, Россия.

ФОРМА IV
(сложнейшая, интегральная)
Капитану автостроения от дневального на полубаке советского искусства в знак будущего взнуздания стального легкового коня (нельзя ли лимузин?) выпуска 1935 года. У всех есть, а у меня нету...
Заранее благодарный
Линейкин.

ФОРМА V
(сложнейшая, высшая интегральная)
Тянет на землю. Кричат сычи. Кадмиевое небо полыхает в чащобах. Лопатые облака крылятся на юру. Хочется в Собственное. В Свое. В Деревянное. В Двухэтажное. С Грушевым Садом.
В память ночной беседы о Достоевском и митрополите Палладии.
Леонтий Леонидов
Тел. 000402.

После Первого писательского съезда появилось много книг. Администрации «Клуба ДС» приятно сознавать, что одна из первых («Парад бессмертных») была выпущена сатириками.

Евг. САЗОНОВ

БУРНЫЙ ПОТОК

Новая глава из романа века

В ЭТОТ день Анна в школу не пошла. Она открыла форточку, и в комнату ворвался слабый до умеренного, не нужный ей в этот день северо-западный ветер. «Запишут прогул без уважительной причины», — вдруг резанула мысль. «И пусть...» — успокоилась Анна. Сбоку на кушетке сонно двигался пришедший поутру в нетрезвом состоянии Федор. На готовый сорваться немой вопрос жены: «Где ты шатался до утра?» — Федор приготовил хороший ответ, да позабыл его и объяснился по-простому: «С Лелькой засиделись, с агрономшей, проспорили о глубине мягкой пахоты». И улегся как был — в резиновых сапогах, в болонье и шляпе, а в губах осталась недокуренная сигарета «Филипп Моррис».

— Анна! — властно позвал муж.

«Нет, — подумалось Анне, — былого не вернуть». И тут же вспомнилось: «Никакое притворство не поможет долго скрывать любовь, когда она есть, или изображать, когда ее нет. (Ларошфуко)».

— Федя!

— А?

— Не могу я с тобой, — задумчиво сказала Анна, — идти по дороге жизни.

— Чего же ты хочешь?

— Гад ты, Федя!

От неожиданности Федор выронил из губ сигарету «Мальборо» и заснул — заснул по-мужски: крепко и надолго.

В дверь постучались. Вошел ученик 4-го «В» класса местной неполной средней школы Серафим Герасимович Ячменюк.

— Меня послала завуч Вероника Николаевна, велела сказать, чтоб вы на работу выходили и что нечего из-за мужиков расстраиваться и прогуливать, а то четверть кончается.

«Смышленый, — подумала о Серафиме Анна. — Все они у Герасима такие развитые, вот только без матери трудно им». Анна вспомнила Герасима, крякжистого, ладного завхоза, многодетного, отца-одиночку. Вспомнила, что не раз провожал он ее по улице до дома добрым взглядом из-под кустистых бровей.

— Иди, Сима, на урок. Отец-то где?

— Дома. Младшую купает.

Сима, он же Серафим, летел в школу, словно на крылышках. Во взгляде Анны он понял все.

...Герасим мыл младшую. Корыто было прохудившееся, поэтому под самой дыркой стояло ведро. Оно тоже было не новое, поэтому под ведром находилась большая миска. Герасим уже домывал младшую, когда дверь отворилась и кто-то вошел в избу. Герасим оглянулся и от радости выронил младшую в корыто, где еще оставалась вода. Вошла Анна. В Герасимовых глазах вспыхнуло счастливое выражение. Глаза педагога тоже лучились. В корыте радостно заплескалась убегавшей куда-то вниз водой младшая.

— Здравствуйте, Герасим, — тихо сказала Анна. — Пришла я...

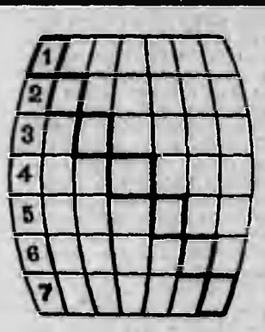
И Герасим, весь мокрый, но счастливый, в одних трусах и майке, протянул обе руки и пошел с мягкой, доверчивой улыбкой на устах навстречу своему большому мужицкому счастью...

(Продолжение следует)

Приложение к роману века

СО СТОЛА ЕВГ. САЗОНОВА

КРОССВОРД-ДУШЕЛЮБКА



Долго еще будут восхищаться наши будущие потомки многожанриям Евг. Сазонова. Как и всякий уважающий себя столп литературы, Евг. Сазонов не может оставаться в стороне от проблем, которыми животрепещет рядовой читатель. А рядовой читатель живет сейчас в эпоху кроссвордов. В нормальной голове не укладывается, какие только печатные издания не покупает читатель, лишь бы в них был кроссворд. К естественному у газетных киосков вопросу: «Программа телевидения есть?» — теперь добавился не менее волнительный: «А кроссворд есть?» Это значит, что глубине познаний читателя некуда выплеснуться, кроме как в перемежающиеся клеточки кроссворда.

Идя навстречу пожеланиям читателей, Евг. Сазонов тоже написал кроссворд, который мы и предлагаем вниманию почитателей и почитательниц его немеркнущего таланта.

По горизонтали: 1. Автор романа века. 2. Всемирно известный людовед, душелюб и ассенизатор. 3. Автор «Зоологизмов», «Философемсов» и других печатных произведений. 4. Создатель тоников. 5. Первооткрыватель пятиптиха и шестиптиха. 6. Крестный литературный отец Хар. Чугуева. 7. Всемирно известный душелюб, людовед и ассенизатор.

Если вам удастся правильно заполнить кроссворд, то по диагонали вы прочтете фамилию автора «Бурного потока».

ЧУЖИЕ МЫСЛИ

● *Шутки хороши только тогда, когда их преподносят еще не остывшими.*
ВОЛЬТЕР

● *Я никогда не думал, что можно так смеяться, глядя на себя в зеркало.*
Г. ГЕЙНЕ

● *Великие мысли — часто самые улыбающиеся.*
Ж. ГЮМО

● *Смех лучше печали делает нас рассудительными.*
ЛЕССИНГ

● *Смешную фразу надо лелеять, холить, ласково поглаживая по подлежащему.*
Илья ИЛЬФ

● *Юмор — это в конце концов разум.*
Жюль РЕНАР

● *Компилятор — это автор книжек из чужих цитат. Афорист — автор цитат для чужих книжек.*
В. ВРУДЗИНСКИЙ

● *Я не имею желания разговаривать с человеком, который написал больше, чем прочел.*
С. ДЖОНСОН

● *Добрая эпиграмма — то же, что ласковая сторожевая собака.*
Э. КРОТКИЙ

Даже за такую ничтожную сумму ничего этого не может быть на свете: если и «возилась», то не «куда-то», а если «куда-то», то не «возилась». А возили ее, проклятую нефть! Возили ее! Возили!!! Она — неодушевленная дрянь. Положим, глагол каверзный. Вообще путаница и непонятно.

«...Он не захотел ехать в Москву, а вызвался дипломатическим курьером в Карс» (стр. 17).

Может быть два решения. Или не хватает четырех слов: сам вызвался поехать в качестве дипломатического курьера, или — что ужаснее всего — не нефтяной ли это истории повторение: «его вызвали?» (вызвался — вызвали, как возилась — возили?)

О, если так! Тогда Альберту очень плохо в волнах русского языка.

И ему действительно нехорошо, и именно на стр. 10-й: «...Энвер-паша — былой диктатор Турции, руководитель армянских резней...»

Энвер-паша — плохой человек, но множественного числа у слова «резня» нет. Это печально. Русский язык недостаточно усовершенствован, но нету...

Слово «консуль», если говорить откровенно, заменено в русском языке словом «консулы». «Лы»... Что может быть ничтожнее! А между тем меняет все!

Или: «Год до него погиб...» (стр. 11). Нет, не погибал! За год до него он погиб! (Речь идет о бароне Унгерне фон-Штернберге.)

Здесь уместно (барон... пеша) вернуться к Энверу: никто не поверит Альберту Сыркину, что Энвер ходил в серой барашковой шапке с эскортом подобострастных адъютантов...

Альберт открыл миллионы «малярийных бацилл» на стр. 13-й. Нету малярийной бациллы в природе и нечего на нее клеветать. Никакая бацилла малярии не вызывает.

Но не бывает там разных выражений, как-то: «...флаги их гордо полоскались над унылыми стенами» (стр. 21), и «...помогающем созидаться и строиться пробуждающемуся Востоку» (стр. 19), и «...скоро затем опять шатался со мной по Закавказью» (стр. 17). Не бывает, чтобы пробирались делегаты по бурному Черному морю, «окутанному сплошною сетью плавучих мин...» (стр. 9). Восьмое чудо такие мины, которые, будучи плавучими, сетью окутывают.

Одним словом, такая книжка не стоит 15 копеек.

Михаил БУЛГАКОВ

КАРАУЛ!

Мы публикуем заметки Михаила Булгакова о языке, напечатанные в № 6—7 «Журналиста» за 1925 год. В иронической манере, характерной для его творчества, писатель на редкость точно подмечает языковые промахи.

ПОДРАЖАНИЯ

И. ЛИПКИН

Юнне МОРИЦ

У ворона катар
Дыхательных путей...,
И слышно голоса
простуженных
волков...
Дул сквозняк,
и деревья знобило...
Мечтает школьник
прогулять уроки.
Болеть ангиной...
Ю. МОРИЦ

РЕПКА

Когда раздвинут
почвы верхний слой
Тугой осенней
плотью корнеплода,
А дальний лес
покрыт цветной золой
Того самосожжения
природы,

Которым
каждой осенью себя
Она терзает
с постоянством редким,
Простуженными
легкими сипя,

Выходит дедка,
чтоб заняться репкой.

Склонясь над грядкой
воспаленным лбом,
Он судорожно
взмахивает тапкой,
И надо быть
бесчувственным столбом,
Чтоб не помочь ему...
выходит бабка.

Та, что с постели
поднята едва
Загадочною силой
аспирина...

За ней с температурой
сорок два
Выходит внучка.
У нее ангина.

По одному, как в рай!
Всяк, кто живет
Под тяжестью
и жестью этой крыши,
В конце концов
выходит в огород
Вплоть до последней
кашляющей мыши,

Чья жизнь в подполье
явно не легка
И тем лишь фактом
сдобрена немножко,
Что, выпив
с содой блюдце молока,
Не хочет есть
простуженная кошка.

ЛАВКА БУНИНИСТА

К. Бальмонт рассказывает в «Весах» о своем посещении Ясной Поляны: «Великий старик добрым голосом говорил, подтрунивая: «А вы все декадентские стихи пишете! Нехорошо, нехорошо». Я ему прочел «Аромат Солнца», а он... беззвучно посмеивался и приговаривал: «Ах, какой вздор! Аромат Солнца. Ах, какой вздор!». Он... попросил прочесть еще что-нибудь. Я прочел... Лев Толстой притворялся, что и это стихотворение ему совершенно не нравится».

Арк. АВЕРЧЕНКО

АРОМАТ СОЛНЦА

КОГДА меня допустили к нему, я ласково хлопнул его по плечу и спросил:

— Ну что, брат Толстой?!

На что он — большой оригинал — ответил, притворяясь не совсем польщенным моим визитом:

— Так как-то все... Надоедают очень!

Я, желая чем-нибудь обрадовать великого старика (его так мало что радует), пообещал:

— Ну, уж так и быть... Прочту свои стихи! Что уж с вами делать!..

Едва сдерживая душившую его радость, он, притворяясь хладнокровным, сказал:

— Может быть, стишки бы того... по боку! А?

— Э, нет! — воскликнул я, ловким движением опрокидывая его в кресло и наступая ему на ноги. — Так вам будет удобнее слушать!

Великий старик застонал от восхищения, но, когда я ему прочел заглавие «Аромат Солнца», притворился равнодушным и усмехнулся:

— Боже ты мой, какой вздор!!

По мере чтения его врожденная шутливость и природный юмор возрастали, и на третьем стихотворении великий старик закричал хриплым голосом, притворяясь испуганным:

— Эй, люди! Сюда... Ко мне!!

Вбежало несколько человек прислуги.

— Уведите этого человека и устройте, чтобы он скорее уехал! — попросил он, притворяясь негостеприимным.

— А я вам еще хотел прочесть свой «Скрежет Млечного Пути»...

Притворяясь, что заглавие этого стихотворения кажется ему не совсем удачным, великий старик запустил в меня маленькой скамеечкой для ног и вскричал, тщательно скрывая свое преклонение перед мощью моего таланта:

— Отказываюсь раз навсегда от своей вздорной теории «О непротивлении злу»!!

Так перед грандиозностью гения рушатся мелкие грозные теории.

. . . . . .

Когда я ехал обратно, то возница притворился, что хочет получить с меня за проезд деньги, а станционный кассир сделал вид человека, принимающего меня за сумасшедшего.

Журнал «Сатирикон», 1908 г.

Ректору ГИЖа

Уважаемый товарищ ректор! Пишу это на предмет полного искоренения нижеперечисленных лиц. В противном случае советской периодической прессе угрожает гибель со всеми ее приложениями. А лица эти по вашему ведомству.

Итак: глава I. АЛЬБЕРТ

«Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня свалилась шляпа» — такое написал незабвенный писатель Антон Павлович Чехов. Но он это написал в «жалобной книге», а не в книге со звучным и привлекательным названием «Под восточной звездой» (библиотека «Огонька»). Ее — эту книгу — можно иметь у любого газетчика за 15 коп., а в ней на стр. 9-й:

«...они не думают о том, что прямо из мавританских зал этого дворца им предстоит поездка через бурное море, прячась под кучей просоленных брезентов на палубе рабочей шхуны».

Это на 9-й странице, которая следует, как известно, за 8-й, а 8-я — роковая. До 8-й плыл автор, Альберт Сыркин, более или менее благополучно, а на 8-й плюнул, махнул рукой и перестал бороться с хитрым русским языком. И начались аварии:

«...нефть куда-то возилась в грязных цистернах...»

Протестую, как читатель, заплативший за «Заезду» 15 коп.

ЧУДАКИ

М. КОЛЕЙЧУК В. ЗЕНИН

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА РОГА И КОПЫТА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЫПУСК

● **ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ НА МАРШЕ**

Как часто мы говорим о богатстве языка классиков! Но так ли это? Прочтите произведения выдающихся писателей прошлого века, и вы убедитесь, что они не знали таких простых слов, как «волнительно», «взадымка», «чувник», «демографический взрыв», «показать песню», «блистательно», «индивидуальность» и т. д. и т. п. Вот так пытливый ум ученых развенчивает мифы.

● **ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ**

Прошлый раз вы отклонили мой рассказ. Таким образом, экономия для редакции составила 90 руб. Прошу выплатить мне 50 процентов сэкономленных средств.

● **В МИРЕ СМЕЛЫХ ГИПОТЕЗ**

«А может быть, Платон Сократович все-таки не талант, а графоман?» — с опаской подумал критик Брючкин.

● **СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ АВТОРАМ**

Не храните вместе смесь нектара и амброзии: от этого ухудшается вкус амброзии.

● **МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ**

Пиши, пиши, но помни, что и другие могут написать.

Григорий КРОШИН

РАССКАЗИК

ВКУСЫ...

Я написал четыре рассказа. Три из них, какие получше, я отдал сотруднику литературного отдела редакции.

— Вот, старина, отобрал я эти два, — сказал мне через пару дней сотрудник. — А третий рассказик, сам знаешь, слабенький. Видимо, не пойдет.

— Согласен, — сказал я. — Третий слабее тех двух.

— Ну вот. Посмотрим, что скажет шеф. Отдам ему.

Спустя неделю шеф — заведующий отделом — сказал:

— Понимаешь, браток, покажу я, пожалуй, главному вот этот рассказец, а? А второй, сам ведь видишь, слабенький. Не пойдет.

— Слабенький совсем, — согласился я. — Тот, конечно, посильнее...

Еще через месяц главный вызвал меня к себе.

— А что, дорогуша, у тебя больше ничего нет? — спросил он, возвращая мне рассказ. — Этот, сам понимаешь, слабенький. Не пойдет.

— Что ж, — я растерялся. Мне было стыдно перед главным, что у меня больше ничего нет. Поэтому, немного подумав, я достал из портфеля четвертый рассказик. Который сейчас перед вами. Видите, напечатали!

А я его и показывать стеснялся. Думал — слабенький, не пойдет.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб 63

А—01064 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 650 ИНДЕКС 50067

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.